НАШИ
МОРЯКИ НА
ДУНАЕ

1889

ЗАЧ

Т 10/324

НАШИ

МОРЯКИ НА ДУНАѢ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ МИНУВШЕЙ ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ.

(Съ портретами и рисунками.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Редакціи журнала „Чтеніе для Солдатъ“.
1889.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій кан., д. 78.
№ 2867.

2007099232

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15-го ноября 1888 года.

Наши моряки на Дунаѣ.

(Разсказы изъ минувшей турецкой войны).

Вступленіе.

«Мужественно, дерзновенно идите на предстоящій вамъ подвигъ!» *).

Знаменитый манифестъ Императора Александра II-го объ объявленіи войны Турціи засталъ наши войска уже мобилизованными и часть ихъ въ тотъ же день, т. е. 12-го апрѣля 1877 года, перешла границу въ трехъ пунктахъ: у города *Унгены*, въ *Бештамакъ* и у города *Кубея*. По тайному договору, заключенному нами съ Румыніей, войска наши безпрепятственно вступили въ предѣлы этого княжества и, первымъ дѣломъ, передовые отряды ихъ поспѣшили занять важнѣйшія мѣста на рѣкѣ Дунаѣ, отдѣлявшей Румынію отъ Болгаріи, на поляхъ которой должны были разыграться

---

*) Изъ напутственнаго слова преосвященнаго Павла, сказаннаго отправлявшимся въ походъ войскамъ въ Кишиневѣ, 12-го апрѣля 1877 года.

кровавыя событія грядущей войны. Не смотря на наступившее половодье, безпрерывные дожди и невылазную грязь по проселочнымъ дорогамъ, къ вечеру того же дня передовымъ отрядомъ Донскихъ казаковъ былъ занятъ Барбошскій мостъ на рѣкѣ Серетѣ, а пѣхотная колонна, сдѣлавшая въ одинъ переходъ около 70-ти верстъ, утвердилась въ городѣ *Рени*, расположенномъ уже на самомъ берегу Дуная. На другой день, Донскимъ казачьимъ полкомъ былъ занятъ также прибрежный городъ *Браиловъ* и, такимъ образомъ, мы твердой ногою стали на низовьяхъ Дуная. Столь поспѣшное занятіе Барбошскаго моста, Рени и Браилова сдѣлало то, что, прилегавшая къ этимъ пунктамъ, румынская желѣзная дорога очутилась всецѣло въ нашихъ рукахъ. Раздались первые боевые выстрѣлы. Съ каждымъ днемъ, рокотъ ихъ слышался все чаще и чаще, все шире и шире распространялась вдоль Дуная полоса военныхъ дѣйствій. Взоры всего міра обратились къ горделивой рѣкѣ и съ напряженнымъ вниманіемъ и друзья и недруги наши стали прислушиваться къ отдаленному реву начинающейся грозы. Между тѣмъ, вслѣдъ за передовыми отрядами, по желѣзной дорогѣ и пѣшкомъ, двигалась остальная Русская дѣйствующая армія. По временамъ, до ея слуха доносился отдаленный гулъ дунайскихъ батарей; близость непріятеля начинала чувствоваться живѣе и, кто знаетъ, какихъ-какихъ чувствъ не навѣвали на душу эти роковые выстрѣлы! «Скорѣй, скорѣй туда, гдѣ уже льется русская кровь, гдѣ, быть можетъ, въ эту-то именно минуту и нужна наша помощь!»—думали многіе, напрасно стараясь не обращать вниманія на невылазную грязь, покрывавшую

румынскія дороги. Спины гнутся подъ тяжелой солдатской ношей, ноги отяжелѣли отъ налипшей на нихъ грязи, медленно, но безостановочно движутся русскіе баталіоны на призывные выстрѣлы, къ берегамъ завѣтнаго Дуная.

Давно извѣстенъ имъ этотъ Дунай по разсказамъ о прежнихъ войнахъ нашихъ съ Турціей; давно съ этимъ историческимъ именемъ связаны у нихъ воспоминанія о славныхъ подвигахъ предковъ-богатырей, зеленыя воды его изстари воспѣты въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ... Пришелъ, наконецъ, чередъ самимъ посмотрѣть на него, всколыхнуть широкія волны, огласить берега, давно умолкнувшими, боевыми звуками! Какъ въ старину, такъ и теперь, Дунай былъ первымъ серьезнымъ препятствіемъ, которое приходилось преодолѣть Русскимъ. Служа, въ мирное время, кормильцемъ всего прибрежнаго населенія, лучшимъ путемъ сообщенія съ сосѣдними странами, въ военное—онъ становился грозной, почти неодолимой преградой для наступающаго. Турки давно поняли значеніе для нихъ Дуная, какъ первой, самой сильной, оборонительной позиціи, и съ давнихъ временъ старались усилить его, понастроивъ вдоль всего берега нѣсколько большихъ и малыхъ крѣпостей, а въ послѣднюю войну, кромѣ того, ввели сюда изъ Чернаго моря цѣлую флотилію судовъ. По приблизительному счету, ужъ въ началѣ войны, эта флотилія имѣла въ своемъ составѣ 7 броненосцевъ (большихъ кораблей, обшитыхъ снаружи толстымъ слоемъ желѣза или, какъ обыкновенно называютъ эту обшивку,—броней), 18 деревянныхъ судовъ и 3 частныхъ парохода,

на которыхъ, въ общей сложности, находилось 62 большихъ орудія и 800 человѣкъ матросовъ.

Прибавивъ къ этому громадную длину Дуная, омывающаго границы Турціи почти на протяженіи 800 в., мы видимъ, что эту оборонительную позицію невозможно обойти съ фланговъ и, волей-неволей, наступающему приходится дѣйствовать съ фронта, подъ огнемъ всей непріятельской арміи, цѣлаго ряда крѣпостей, да еще и плавающихъ на рѣкѣ судовъ. Мостовъ черезъ Дунай не было, а между тѣмъ, ширина его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, благодаря весеннему разливу, достигала 3—4-хъ верстъ.

Такимъ образомъ, вотъ какого рода препятствіе ждало Русскую армію впереди. Обойти нельзя, а лѣзть прямо въ лобъ,—значитъ, почти на-вѣрнякъ, на первыхъ же порахъ, потерять половину людей. Вотъ задача, которую предстояло разрѣшить нашему Главнокомандующему. Само собою разумѣется, что прежде, чѣмъ приступить къ исполненію ея, нужно было употребить всѣ средства, чтобы ослабить турецкія силы на самомъ Дунаѣ, не позволить имъ наблюдать и мѣшать нашимъ приготовленіямъ, а затѣмъ, предпринявъ, для виду, переправу небольшими силами въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ и отвлекши этимъ вниманіе непріятеля въ одну сторону, съ главными силами переправиться въ другомъ, гдѣ меньше всего ожидаютъ, т. е., обмануть противника. Конечно, первымъ условіемъ для исполненія этого плана, было соблюденіе въ строжайшемъ секретѣ всѣхъ приготовленій, а равно мѣста и времени переправы. Сдѣлать же этого было невозможно, не очистивъ предварительно Дунай отъ

турецкихъ кораблей, безпрестанно сновавшихъ внизъ и вверхъ по рѣкѣ. Для этого, въ нашемъ распоряженіи имѣлось только два средства: во-первыхъ — береговыя батареи, а во-вторыхъ — моряки. Не смотря на чрезвычайную бдительность турокъ, вскорѣ, на занятыхъ нами мѣстахъ, начали воздвигаться земляныя насыпи, за которыми устанавливались различныхъ размѣровъ пушки. Работа эта производилась преимущественно по ночамъ, ибо въ другое время турки, замѣтивъ первые признаки начинающейся работы, открывали тотчасъ же огонь изъ крѣпостей, а то—такъ являлся одинъ изъ ихъ броненосцевъ, начиналъ стрѣлять по рабочимъ, и работы прекращались. Вскорѣ, однако, труды наши по возведенію береговыхъ батарей увѣнчались полнымъ успѣхомъ. У Рени, Браилова, Парапана появились тяжелыя пушки и первыя положили предѣлъ свободному плаванію турецкихъ броненосцевъ по Дунаю. Этого, однако, было мало. Нѣтъ-нѣтъ, да какой-нибудь броненосецъ проскальзывалъ невредимо и производилъ наблюденія. Нужно было постараться, если не совершенно и все пространство рѣки, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя мѣста ея окончательно очистить отъ непрошенныхъ наблюдателей. Это было чисто ужъ дѣло моряковъ, которые одни могли вступить въ открытый бой съ турецкими судами на водѣ. Но какими же силами могли располагать наши моряки на Дунаѣ для борьбы съ столь могущественной, какъ мы видимъ, турецкой флотиліей? Ближайшій къ театру военныхъ дѣйствій, нашъ Черноморскій флотъ, не успѣвшій еще оправиться отъ турецкой войны 1856 года, гдѣ онъ погибъ, геройски

защищая родные берега, не могъ отдѣлить отъ себя въ Дунай достаточнаго количества ни людей, ни судовъ, ибо на него, тотчасъ по объявленіи войны, легла тяжелая обязанность бороться съ непріятельскимъ флотомъ въ Черномъ морѣ и у русскихъ береговъ его; а еслибы и не было этого, то все-же было довольно мудрено изъ Севастополя, или Одессы пробраться въ устья Дуная, въ которыхъ, ужъ конечно, плавали непріятельскіе корабли. Въ виду всего этого, главную морскую силу на Дунаѣ пришлось доставить сухимъ путемъ изъ Балтійскаго моря.

Не стану говорить о тѣхъ неимовѣрныхъ трудахъ, которые были потрачены нашими моряками на перевозку по желѣзнымъ дорогамъ и на лошадяхъ различныхъ шлюпокъ и катеровъ. Какъ бы тамъ ни было, но, къ началу войны, намъ удалось доставить на Дунай болѣе 10-ти штукъ небольшихъ судовъ, изъ которыхъ одни ходили на вёслахъ, другіе—подъ парами. Для управленія и дѣйствій этими судами были сформированы двѣ команды: одна—отъ судовъ Балтійскаго флота, другая—Черноморскаго. При первой командѣ, составленной изъ двухъ ротъ Гвардейскаго Экипажа, находилась рота лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона и нѣсколько человѣкъ мастеровъ; начальникомъ ея былъ назначенъ капитанъ-лейтенантъ *Тудэргъ*. Командой моряковъ Черноморскаго флота начальствовалъ капитанъ-лейтенантъ *Бекленевъ*; оба же они подчинялись главному инженеру арміи, генералъ-маіору *Деппу*.

Само собою разумѣется, что вступить съ такими силами въ открытый бой съ турецкой дунайской флотиліей не было никакой возможности. Даже извѣстная

всему міру неустрашимость нашихъ моряковъ мало могла принести пользы дѣлу и только задаромъ погубить лучшія ихъ силы. Приходилось, слѣдовательно, въ столь неравной борьбѣ, прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Эти другія средства состояли: во-первыхъ—въ постановкѣ поперекъ рѣки минныхъ заграждений, а во-вторыхъ—въ дѣйствіяхъ минами при атакахъ непріятельскихъ судовъ. Разсмотримъ и тотъ и другой способъ употребленія минъ на водѣ и хотя вкратцѣ познакомимъ читателей съ ихъ ужасающей разрушительной силой, заставившей затрепетать громадные турецкіе броненосцы передъ тщедушными, по виду, русскими катерами.

Подъ словомъ *мина*, въ военномъ дѣлѣ разумѣется особаго рода снарядъ, наполненный порохомъ, или какимъ-либо другимъ взрывчатымъ составомъ и воспламеняемый или ударомъ, или же помощью особенныхъ проволочныхъ проводниковъ, передающихъ минѣ электрическую искру на значительномъ разстояніи. Разрушительное дѣйствіе мины основано на силѣ газовъ, получаемыхъ отъ сгоранія взрывчатаго вещества. Газы, по общему имъ всѣмъ свойству, будучи свободными, стремятся разлетѣться во всѣ стороны и тѣмъ скорѣе и сильнѣе, чѣмъ скорѣе сгораетъ само вещество. Для примѣра возьмемъ нѣсколько родовъ различно горящихъ веществъ: дерево, бумагу, солому, порохъ, динамитъ и пироксилинъ. При горѣніи первыхъ получается, такъ называемый въ общежитіи, *дымъ*, который есть также газъ, также разлетается во всѣ стороны, но силы не имѣетъ, потому что получается постепенно, отъ медленнаго горѣнія дровъ,

бумаги, или соломы, и въ то время, какъ верхніе слои его успѣли уже подняться высоко, остальные только что еще начинаютъ образовываться. Совсѣмъ другое наблюдается при горѣніи втораго сорта веществъ, т. е. пороха, динамита, пироксилина, извѣстныхъ, по своимъ свойствамъ, подъ названіемъ «взрывчатыхъ». Эти составы, какъ бы велико ни было ихъ количество, вспыхиваютъ разомъ и моментально обращаются въ громадное количество газовъ, каждая частичка которыхъ стремится съ силою разлетѣться во всѣ стороны. Если получившійся такимъ образомъ газъ запереть въ какомъ-либо закрытомъ сосудѣ, то онъ начнетъ давить на стѣнки сосуда и, въ концѣ концовъ, давленіе это будетъ настолько велико, что сосудъ разорвется, газы вырвутся наружу и, если на пути своемъ встрѣтятъ еще новое препятствіе, то, можетъ статься, разрушатъ и его. Въ этомъ случаѣ все будетъ зависѣть отъ количества взорваннаго вещества, а это послѣднее—отъ цѣли, съ которою устроенъ взрывъ.

Въ заряженномъ ружьѣ, или пушкѣ, въ моментъ выстрѣла, происходитъ взрывъ положеннаго туда порохового заряда, достаточнаго только для того, чтобы выбросить изъ ствола пулю, или гранату, и уже ими нанести вредъ. Въ минахъ взрывчатаго вещества находится гораздо болѣе, ибо сила ея должна быть достаточна не только для того, чтобы разорвать оболочку самой мины, но и для непосредственнаго разрушенія намѣченнаго предмета.

Въ настоящее время, военной наукой выработано нѣсколько родовъ различныхъ минъ, которыя примѣняются на дѣлѣ. Одинъ изъ нихъ употребляются въ

сухопутной войнѣ, для взрывовъ крѣпостныхъ стѣнъ, штурмующихъ колоннъ и извѣстны въ войскахъ съ давнихъ временъ подъ именемъ: подкоповъ, фугасовъ, горновъ и пр. и пр. Другія, болѣе новѣйшаго изобрѣтенія, служатъ для борьбы съ врагомъ на водѣ, и въ первый разъ съ полнымъ успѣхомъ употреблялись нашими моряками въ минувшую войну. Примѣненіе этого рода водяныхъ минъ, называемыхъ также *торпедами*, можетъ быть двоякое, смотря по цѣли, которой хотятъ достигнуть ими. Для загражденія, напримѣръ, устьевъ рѣки отъ вторженія въ нее непріятельскихъ судовъ, или же для воспрепятствованія свободному плаванію ихъ въ любомъ мѣстѣ, въ воду, поперекъ рѣки, опускаютъ, въ шахматномъ порядкѣ, нѣсколько желѣзныхъ кувшиновъ, начиненныхъ особымъ составомъ, называемомъ «динамитомъ», который, по силѣ взрыва, въ нѣсколько разъ сильнѣе пороха. Всѣ эти кувшины устроены такимъ образомъ, что, съ помощью якорей, держатся подъ водой на извѣстной высотѣ, но наружу не высовываются и, оставаясь невидимыми для непріятеля, взрываются тотчасъ, лишь только неосторожное судно задѣнетъ днищемъ своимъ за свинцовый колпачекъ мины. Весьма понятно, что боязнь налетѣть на такую штуку и быть взорваннымъ на воздухъ со всѣмъ судномъ, значительно уже затрудняло свободное плаваніе по рѣкѣ, и не даромъ, вскорѣ по появленіи этихъ страшилищъ на Дунаѣ, турки прозвали ихъ «шайтанъ-баба», т. е. дьявольскія рыбы.

Но на сколько страшны были для непріятеля эти «дьявольскія рыбы», на столько же трудна и опасна была работа по постановкѣ ихъ. Малѣйшая неосторожность, ударъ—и мина взрывается, производя страшное опусто-

шеніе среди самихъ работающихъ. Достаточно, наконецъ, непріятельской пулѣ пробить наружную оболочку мины, чтобы также послѣдовалъ взрывъ ея. Между тѣмъ, какъ увидимъ ниже, въ большинствѣ случаевъ, приходилось работать не только подъ ружейнымъ, но и подъ сильнѣйшимъ орудійнымъ непріятельскимъ огнемъ, то есть при обстановкѣ, въ которой довольно трудно, а иногда и положительно невозможно сохранить должное спокойствіе духа.

Какъ бы тамъ ни было, но одними минами такого рода невозможно было устрашить непріятеля на столько, чтобы заставить его совершенно отказаться отъ плаванія по рѣкѣ и высматриванія всего, что происходитъ на нашемъ берегу. Разъединенныя между собой минными заграждеиіями, непріятельскія суда все же имѣли еще возможность мѣшать нашимъ приготовленіямъ къ переправѣ. Нужно было окончательно отдѣлаться отъ нихъ: уничтожить, или выгнать въ море, словомъ — напасть открытой силой, атаковать. Но возможно-ли было сдѣлать это съ тѣми силами, которыми располагали мы? Не было-ли положительнымъ безразсудствомъ броситься въ атаку на большіе непріятельскіе корабли, обшитые броней, которую и не всякое ядро-то возметъ, съ маленькими шлюпками безъ пушекъ и почти безъ людей? Конечно — нѣтъ, если бы это были дѣйствительно простыя шлюпки, но на нихъ находилось болѣе страшное орудіе, стоющее и пушекъ, и ружей, и штыковъ вмѣстѣ взятыхъ, это опять-таки-же — *мина*, но уже не неподвижно погруженная въ воду и ожидающая своей жертвы, а пристроенная къ катерамъ, которые. поэтому, и назывались «минными катерами». Такая

мина снаружи представляетъ металлическій цилиндръ, начиненный 50-ю фунтами взрывчатаго состава страшной силы и прикрѣпленный, для болѣе удобнаго дѣйствія, къ длинному шесту. Вооруженный миной, катеръ, завидѣвъ непріятеля, стрѣлой несется къ нему и, не смотря на выстрѣлы въ упоръ, подводитъ мину подъ корпусъ судна и, помощью особыхъ проводниковъ, воспламеняетъ ее. Происходитъ взрывъ на столько сильный, что даже металлическая обшивка корабля не выдерживаетъ. Въ большинствѣ случаевъ, онъ, со всѣми людьми и вооруженіемъ, идетъ ко дну. Вотъ въ чемъ, слѣдовательно, заключалась сила минныхъ катеровъ и вотъ на что, главнымъ образомъ, разсчитывали наши моряки, отправляясь на Дунай. Поэтому, еще до объявленія войны, стоя на границѣ, они обратили все свое вниманіе на усовершенствованіе себя въ дѣйствіяхъ такими минами. Ежедневно на рѣкѣ Днѣстрѣ, куда были отправлены съ этою цѣлью находившіеся при арміи моряки и минеры, раздавались взрывы минъ и скользили катера, а на берегу шли дѣятельныя приготовленія къ отправкѣ этихъ катеровъ на Дунай по первому требованію Главнокомандующаго.

По мѣрѣ того, какъ шло усовершенствованіе нашихъ моряковъ въ дѣйствіяхъ минами на родной рѣкѣ, въ нихъ росла и крѣпла надежда побѣдить и на водахъ Дуная. Эта надежда увеличивалась еще болѣе отъ того, что минное дѣло въ то время было вообще ново и турки мало знали о немъ. Что же касается до необходимой въ этомъ случаѣ неустрашимости, то ее нашимъ морякамъ не занимать стать. Воспитанные въ духѣ геройскихъ подвиговъ своихъ

славныхъ предковъ, они рвались доказать всему міру, что ученики вполнѣ окажутся достойными своихъ учителей и не помрачатъ памяти народныхъ героевъ-моряковъ, стяжавшихъ безсмертную славу всему Россійскому флоту. Они знали, что ждетъ ихъ впереди, знали, съ какими превосходными силами непріятеля придется вступить въ бой и все же неудержимо стремились къ завѣтной цѣли. На сколько дѣйствительно тяжелы были предстоящія имъ задачи, видно уже изъ того, что никто, за исключеніемъ самихъ моряковъ, не разсчитывалъ на успѣшное исполненіе ихъ, а турецкій главнокомандующій флотомъ въ Черномъ морѣ, англичанинъ Гобартъ-паша, такъ прямо похвалялся, что потопитъ въ Дунаѣ всю Русскую армію. Оправдались-ли впослѣдствіи эти хвастливыя слова Гобарта-паши, мы увидимъ скоро, а теперь укажемъ на то, въ чемъ заключались главныя обязанности моряковъ съ появленіемъ ихъ на Дунаѣ, до и послѣ переправы Русской арміи черезъ него. Во первыхъ, какъ мы видѣли, они должны были, постановкой минныхъ заграждений въ различныхъ мѣстахъ его, стѣснить, елико возможно, плаваніе по рѣкѣ турецкихъ броненосцевъ и тѣмъ облегчить намъ постройку на берегу батарей и заготовку различныхъ принадлежностей для переправы и для моста. Затѣмъ — помогать войскамъ во время самой переправы и, наконецъ, по переходѣ ихъ на турецкій берегъ, охранять отъ разрушенія турецкими судами мостъ, который съ этого момента становился для насъ единственнымъ путемъ сообщенія съ родиной, по которому, при дальнѣйшемъ развитіи военныхъ дѣйствій, подвозились къ арміи боевые припасы, про-

віантъ и шли подкрѣпленія, а въ случаѣ неудачи — должны были отступать войска.

Познакомивъ, такимъ образомъ, читатателей въ краткихъ словахъ со всѣмъ тѣмъ, что необходимо имъ знать для яснаго пониманія слѣдующихъ разсказовъ, перейдемъ къ самымъ разсказамъ, изъ которыхъ можно видѣть, какъ наши моряки справлялись съ возложенными на нихъ тяжелыми обязанностями на Дунаѣ. Изъ цѣлаго ряда примѣровъ неустрашимости, распорядительности и преданности своему долгу, мы можемъ почерпнуть и для себя много такого, чего нельзя встрѣтить въ обыденной жизни, но что, между тѣмъ, такъ необходимо каждому истинно военному человѣку, чтобы имѣть право причислить себя къ великой Семьѣ Русскаго Побѣдоноснаго Воинства и по справедливости пользоваться заслуженной его вѣковой славой.

I.

Взрывъ турецкаго броненосца «Хивзи-Рахманъ», 4-го мая 1877 года.

Весна! Кто не испытывалъ какого-то необыкновенно-пріятнаго чувства съ наступленіемъ весны! Кто не ощущалъ близости ея всѣми пятью чувствами! Въ просыпающейся отъ долгаго зимняго сна природѣ съ каждымъ днемъ появляются все новые и новые признаки жизни. Яркое солнце, журчащіе ручейки, зеленѣющая травка неотразимо тянутъ изъ душныхъ комнатъ на воздухъ и, если вы уже пожилой чело

вѣкъ, невольно воскрешаютъ въ душѣ сладкія впечатлѣнія дорогаго дѣтства, когда еще ни печали, ни горести, ни заботы не омрачали чистыхъ, беззаботныхъ дѣтскихъ грезъ.

А какъ сладко спится въ хорошую весеннюю ночь! Напоенный всевозможными ароматами, воздухъ нагоняетъ дремоту, во всемъ тѣлѣ чувствуется какое-то томленіе, и счастливъ тотъ, кто, потрудившись днемъ, имѣетъ возможность предаться полному отдохновенію ночью. Но... не все на свѣтѣ дѣлается такъ, какъ хочется. Бываютъ положенія, которыя не позволяютъ распоряжаться собою по желанію. Не говоря уже объ отдѣльныхъ личностяхъ, но цѣлыя массы людей, иногда, ради общей пользы, жертвуютъ собственными удобствами и спокойствіемъ. Лучшій примѣръ этому есть война съ ея неизбѣжными суровыми требованіями. И зимой, и лѣтомъ, во всякое время дня и ночи, и бѣдный и богатый должны быть одинаково готовы дѣйствовать и терпѣливо переносить всевозможныя невзгоды. Иногда такое напряженное состояніе продолжается мѣсяцы, а то, и годы. И привыкаетъ въ концѣ концовъ человѣкъ къ нему, какъ привыкаетъ ко многому другому, и живетъ не какъ хочется, а какъ Богъ велитъ. Сначала, дѣйствительно, тяжело, а потомъ и горя мало. Но ужъ за то, если и выпадетъ случай побаловать себя, то каждому пустяку радъ, точно во всю свою жизнь не видалъ ничего подобнаго.

Въ достопамятную весну 1877 года, многимъ изъ русскихъ людей приходилось тяжко, до того тяжко, что ни яркій свѣтъ солнца, ни журчаніе весенніихъ водъ не радовали усталаго духа, а все, смотришь, нѣтъ-

пѣтъ, да и зальется веселымъ смѣхомъ какой-нибудь весельчакъ, зазвенитъ въ воздухѣ разудалая солдатская пѣсня. И чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ больше свыкаются съ непривычной обстановкой военнаго времени, тѣмъ сильнѣе дастъ себя знать русская молодецкая удаль.

Вотъ, мы на берегу широкаго, привольнаго Дуная. Война въ самомъ началѣ. Все тихо: быстрыя волны безпрепятственно несутся куда-то вдаль, къ синему морю, чтобы, вырвавшись изъ узкихъ рамокъ береговъ, погулять по его свободному простору. Однообразный плескъ ихъ сливается съ журчаніемъ весенннихъ водъ и одинъ нарушаетъ спокойствіе дня. Но... чу! вотъ изъ-за мыса довольно большаго острова показался громадный корпусъ непріятельскаго броненосца. Медленно подвигается черное чудовище внизъ по рѣкѣ, оставляя за собой длинную полосу дыма и широкій слѣдъ всплесненной воды. Скрылся изъ вида броненосецъ, разсѣяна вѣтромъ полоса дыма и снова рѣка спокойно катитъ свои волны, снова тишина и спокойствіе вокругъ...

Да гдѣ же войска? Одни — еще не прибывали и двигаются по дорогамъ, другія—хотя и здѣсь, но ждутъ наступленія ночи, чтобы начать свою работу по берегу Дуная. Это, по преимуществу, саперы, посѣтившіе сюда для закладки осадныхъ батарей. Днемъ въ ихъ лагерѣ, расположенномъ недалеко отъ берега, царствуетъ тишина; но лишь только наступаетъ ночь, тянутся къ берегу темныя фигуры и принимаются за дѣло. Ловко дѣйствуютъ въ искусныхъ рукахъ топоры и лопаты, быстро ростетъ земляной валъ и, смотришь, къ утру половина и сдѣлана, а на другую ночь и все укѣпи-

леніе готово. Удивляются турки проворству Русскихъ, всѣми средствами стараются помѣшать имъ: и изъ ружей стрѣляютъ, и броненосцевъ подсылаютъ; да нѣтъ, —ростутъ грозныя батареи, не по днямъ, а по часамъ, по берегу Дуная и ужъ не боятся ни пушекъ, ни броненосцевъ, а сами начинаютъ огрызаться.

— Теперь, что хошь дѣлай,—не боимся,—говорятъ между собой саперы, самодовольно посматривая на сооруженное дѣтище.

— Вотъ, сейчасъ пущеночки поставимъ, а тамъ ужъ ваше дѣло, братцы, облагодѣтельствуйте, отцы родные, турку; все пристаетъ, видно, орѣховъ калеными захотѣлъ,—обращались они затѣмъ къ артиллеристамъ, разставлявшимъ свои орудія на вновь возведенной батареѣ.

— Спасибо! въ обиду не дадимся...—слышатъ за собой удаляющіеся голоса артиллеристовъ.

Свѣтаетъ. Бомъ!... раздается сзади оглушительный выстрѣлъ...

— Это, никакъ, ужъ наши начали! —удивляются саперы.

Бомъ!... долетаетъ съ непріятельскаго берега отвѣтный выстрѣлъ и пошла потѣха. На дворѣ не совсѣмъ еще и прояснилось, а ужъ противники спѣшатъ обмѣняться выстрѣлами, будто радуются наступленію дня и, какъ птицы, своей боевой пѣснью привѣтствуютъ восходящее солнце.

Вслѣдъ за постройкой батарей было приступлено къ постановкѣ минныхъ заграждений у города *Рени*, чтобы не дать возможности новымъ непріятельскимъ судамъ пробираться въ Дунай со стороны Чернаго моря. Эту

чрезвычайно трудную и опасную работу съ успѣхомъ исполнили, 17-го и 18-го апрѣля, наши минеры, подъ руководствомъ морскихъ штабъ-офицеровъ Рогули и Беклешева, съ помощью двухъ наемныхъ пароходовъ. Турки нѣсколько разъ намѣревались воспрепятствовать этой работѣ, придвигая къ мѣсту работъ свои броненосцы, но каждый разъ были прогоняемы мѣткими выстрѣлами береговыхъ батарей.

Такимъ образомъ, хозяйничаніе турокъ на Дунаѣ, съ каждымъ днемъ, получало все большее и большее стѣсненіе. Вскорѣ на нашихъ батареяхъ, взамѣнъ легкихъ орудій, появились тяжелыя, дальнобойныя, а спустя еще немного времени, спустились въ Дунай и давно ожидаемые первые паровые катера,—будущая гроза турецкихъ броненосцевъ. Тутъ только турецкій главнокомандующій Гобартъ-паша началъ понимать справедливость извѣстной пословицы: «не хвались, ратникъ, ѣдучи на рать...» и ничего не нашелъ лучшаго, какъ убраться въ Константинополь, оставивъ всѣ свои броненосцы вѣдаться съ Русскими, какъ они хотятъ и исполнить на дѣлѣ его хвастливыя слова. Пока, однако, все шло еще довольно благополучно для турокъ: всѣ суда ихъ были цѣлы и, хотя съ опаской, продолжали ходить по рѣкѣ. Но вдругъ, грянулъ громъ и зловѣщимъ эхомъ раскатился по всей Турціи.

29-го апрѣля, въ 2 часа дня, съ береговой Браиловской батареи подстерегли, наконецъ, одинъ изъ турецкихъ броненосцевъ «Лютфи-Джелиль», и два ядра, одновременно пущенныя поручиками Самойло и Романовымъ, пустили его ко дну со всѣми пушками и матрюсами.

Впечатлѣніе было столь сильно, что съ этого роковаго дня, самыя храбрыя изъ товарищей погибшаго судна не осмѣливались далеко отходить отъ своихъ крѣпостей и съ суевѣрнымъ ужасомъ обходили мѣсто катастрофы, гдѣ долгое еще время потомъ торчала изъ воды одинокая мачта...

1890

Лейтенантъ Дубасовъ.

Нашимъ, конечно, только этого и нужно было. Пока турки приходили въ себя отъ полученнаго урока, моряки успѣли поставить второй рядъ минныхъ заграждений у Браилова и, такимъ образомъ, въ какія-нибудь три недѣли, отхватили у турокъ громадный участокъ рѣки, въ 150 верстъ длиною, на которомъ

не смѣли уже показываться ихъ суда. Не довольствуясь, однако, этимъ успѣхомъ, моряки задумывали перейти къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Ждать пришлось не долго. Не прошло и двухъ недѣль, какъ эта смѣлая мысль впервые была осуществлена на дѣлѣ геройскимъ подвигомъ лейтенантовъ Дубасова и Шестакова, доказавшимъ туркамъ, что и при тѣхъ незначительныхъ силахъ, которыми располагали мы,—возможна борьба съ ними на Дунаѣ.

Знаменитыя имена этихъ двухъ героевъ, извѣстныя нынѣ всей Россіи и столь неразрывно связанныя между собой совершеннымъ дѣломъ, заставляютъ насъ, хотя въ краткихъ словахъ, познакомить читателей съ ихъ прошлымъ.

Ѳедоръ Васильевичъ Дубасовъ, сынъ капитанъ-лейтенанта, воспитывался въ Морскомъ училищѣ, откуда, въ 1863 году, былъ выпущенъ гардемариномъ въ Гвардейскій экипажъ. Совершивъ, вскорѣ по поступленіи на службу, кругосвѣтное плаваніе, онъ, по окончаніи его, поступилъ въ Морскую академію, гдѣ и докончилъ свое образованіе, съ успѣхомъ выдержавъ выпускной экзаменъ. Турецкая война застигла его, такимъ образомъ, въ полномъ разцвѣтѣ умственныхъ и физическихъ силъ, съ громаднымъ запасомъ опытности и необходимыхъ для своего дѣла знаній. Явясь на Дунай однимъ изъ первыхъ, лейтенантъ Дубасовъ скоро пришелъ къ убѣжденію, что единственнымъ вѣрнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ турками на Дунаѣ могутъ быть мины и тотчасъ же настойчиво принялся за разработку этого вопроса, подготовляя себя и своихъ товарищей къ предстоящимъ дѣйствіямъ и съ каждымъ днемъ все болѣе

и болѣе пріобрѣтая себѣ единомышленниковъ. Ни грозившая опасность, ни убѣжденія противниковъ его мысли не могли поколебать въ немъ увѣренности въ успѣхѣ и только пуще разжигали желаніе скорѣе осуществить ее на дѣлѣ.

Лейтенантъ Шестаковъ.

Однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ Дубасова, былъ лейтенантъ 1-го флотскаго экипажа Александръ Павловичъ Шестаковъ. Окончивъ курсъ въ Морскомъ училищѣ въ 1869 году, онъ, такъ же какъ и Дубасовъ, совершилъ кругосвѣтное плаваніе, а когда, въ 1876 году, началось формированіе, отъ Балтійскаго флота, командъ для отправки на Дунай, то

попалъ въ одну изъ нихъ и прибылъ по назначенію съ своимъ катеромъ одновременно съ Дубасовымъ. Излюбленная Дубасовымъ минная война не могла не произвести сильнаго впечатлѣнія на молодую, горячую голову его новаго товарища и скоро они сдѣлались искренними друзьями, съ жаромъ принявшись за осуществленіе своихъ плановъ. Близость непріятеля, видъ широко разлившагося Дуная убѣждали ихъ все болѣе и болѣе въ необходимости рѣшительныхъ дѣйствій. Когда же, 29-го апрѣля, на ихъ глазахъ пошелъ ко дну одинъ изъ лучшихъ турецкихъ пароходовъ,—терпѣніе ихъ лопнуло. Они тутъ же рѣшили воспользоваться наведеннымъ на турокъ страхомъ и атаковать видиѣвшіеся броненосцы; но въ ту минуту, когда лейтенантъ Дубасовъ садился на свой катеръ и намѣревался отвалить отъ берега, получено было письменное приказаніе, до поры до времени, не рисковать слишкомъ смѣлыми предпріятіями. Скрѣпя сердце, пришлось подчиниться этому распоряженію, и на сей разъ наши моряки ограничились тѣмъ, что, подплывъ къ затонувшему врагу, собственноручно сняли съ его мачты развѣвавшійся флагъ.

Продолжая выжидать удобный моментъ для осуществленія своей завѣтной мечты, лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ не упускали, однако, случая оказать какую-либо услугу общему дѣлу и первые спѣшили туда, куда призывало ихъ это дѣло.

Между прочимъ, почти наканунѣ своего славнаго подвига, они участвовали въ смѣломъ предпріятіи капитана Рогули, пытавшагося поставить минныя заграждепія въ Мачинскомъ рукавѣ, и когда это предпріятіе

не удалось, въ виду превосходныхъ силъ противника, прикрыли отступленіе отряда капитана Рогули, простоявъ для сего на одномъ мѣстѣ, подъ перекрестнымъ огнемъ съ нѣсколькихъ судовъ, съ 6-ти до 11-ти часовъ утра. Дождавшись затѣмъ удаленія непріятеля, они отошли къ берегу, накормили проголодавшуюся команду, а съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня снова пошли къ Мачинскому рукаву, имѣя намѣреніе, въ случаѣ встрѣчи опять съ значительнымъ непріятелемъ, поставить тамъ хотя фальшивыя заграждепія и тѣмъ ввести турокъ въ заблужденіе. Какъ предполагали, такъ и случилось. Лишь только наши катера стали приближаться къ намѣченному мѣсту, по нимъ открыли огонь съ трехъ турецкихъ судовъ, стоявшихъ у берега. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на него, моряки, въ теченіи 3-хъ часовъ, занимались опусканіемъ въ воду ведеръ съ пескомъ и, окончивъ эту работу, благополучно возвратились къ берегу, отъ души потѣшаясь надъ турками, позволившими такъ удачно надуть себя.

Это предпріятіе и цѣлый рядъ предшествующихъ ему, убѣждали моряковъ все болѣе и болѣе въ необходимости поспѣшить своими дѣйствіями, ибо перетрусившіе турки могли легко измѣнить мѣста стоянки, или же укрыться подъ защитою крѣпостей, и тогда, какъ говорится, «ищи, гдѣ были свищи». Поэтому, всего удобнѣе было предпринять что-либо рѣшительное теперь же, пока турецкіе броненосцы были на виду. Соблазнъ былъ слишкомъ великъ; какъ рѣдкая, но пугливая дичь манитъ и дразнитъ охотника, такъ манили къ себѣ и дразнили они нашихъ моряковъ.

— Нечего терять напрасно драгоцѣнное время; нужно сегодня же попытать счастья,—говорилъ лейтенантъ Дубасовъ, только что вернувшійся съ описанной экспедиціи къ Мачинскому рукаву и еще болѣе раздраженный видомъ непріятельскихъ судовъ.

— Нужно, нужно!—подтвердилъ Шестаковъ и находившіеся тутъ же другіе офицеры, и всѣ вмѣстѣ, общими силами, начали приготовлять катера, чтобы, съ наступленіемъ ночи, двинуться въ опасный путь. Къ вечеру (это было 12-го мая), четыре катера: «Царевичъ», «Царевна», «Ксенія» и «Джигитъ» стояли уже подъ парами. На каждомъ было по нѣскольку минъ и должное число матросовъ. Изъ офицеровъ, на катерѣ «Царевичъ» находился, въ качествѣ начальника всего отряда, лейтенантъ Дубасовъ и при немъ, охотникомъ, маіоръ румынской арміи Муржеско. Шестаковъ взялъ себѣ катеръ «Ксенія», на которомъ, также охотникомъ, былъ лейтенантъ Петровъ. Катеры: «Царевна» и «Джигитъ», подъ командою мичмановъ Баля и Персина, служили конвоирами первыхъ двухъ.

Наступила ночь. Весело и бодро вступили офицеры на приготовленные катера и двинулись въ путь, разсчитывая къ часу ночи прибыть къ назначенному мѣсту. Прошло довольно много времени. По разсчетамъ, турецкія суда должны быть уже не далеко. Всѣ, съ напряженнымъ вниманіемъ, прислушиваются къ малѣйшему шороху, вглядываются въ темную даль, но напрасно— никакихъ признаковъ непріятеля. Вѣроятно, онъ успѣлъ отойти къ другому мѣсту. Это обстоятельство немного огорчило всѣхъ, но, тѣмъ не менѣе, рѣшено было продолжать поиски. Между тѣмъ, ночь приходила уже къ

концу, вечерній мракъ разсѣевался. Прошло еще часа два, и моряки, вдругъ, увидѣли, сквозь чащу деревьевъ, покрывавшихъ выдающійся въ рѣку мысъ, темныя очертанія турецкихъ броненосцевъ. Послѣдніе остатки ночной темноты исчезли, весеннее утро сіяло во всей своей красѣ...

Мичманъ Персинъ.

Еще минута—и катера, обогнувъ мысъ, очутились передъ непріятелемъ, какъ на ладони.

— Атаковать, или нѣтъ? — обращается Дубасовъ къ Шестакову, вопросительно посматривая то—на него, то—на грозные корпуса кораблей.

— Не лучше-ли отложить до завтра,—шепчетъ въ отвѣтъ Шестаковъ.—Ужъ очень свѣтло; напрасно напугаемъ, да и не подпустятъ.

— Ладно, до завтра,—поспѣшно отвѣчаетъ Дубасовъ и поворачиваетъ свой катеръ назадъ.

Все это произошло такъ быстро и ловко, что турки или не замѣтили нашихъ смѣльчаковъ, или растерялись на столько, что не успѣли сдѣлать ни одного выстрѣла. Какъ бы тамъ ни было, но отрядъ благополучно возвратился назадъ къ Браилову. Постигшая его неудача не охладила, однако, охоты, съ наступленіемъ ночи, повторить опытъ и уже, во что бы то ни стало, взорвать турецкій броненосецъ. Лейтенанты Дубасовъ и Шестаковъ дали другъ другу клятву не возвращаться иначе, какъ съ турецкимъ флагомъ въ рукахъ, въ противномъ случаѣ — лучше погибнуть въ волнахъ Дуная.

Медленно, невыносимо тянулся остатокъ дня. Часовъ въ 7 вечера вся утренняя компанія собралась въ каютѣ парохода «Николай», поужинали и рѣшили, не расходясь, *дождаться здѣсь ночи и прямо отсюда сѣсть на приготовленные катера.*

— А, вѣдь, нынѣшняя ночь не въ примѣръ лучше вчерашней для исполненія нашего предпріятія. Ишь, какъ барабанитъ дождь, да и темь, хоть глазъ выколи... — сказалъ мичманъ Персинъ, возвращаясь въ каюту съ палубы и стряхивая съ фуражки крупныя капли дождя.

— Да, да; это чудесно! Подкрадемся такъ, что и не услышатъ, — подхватили всѣ, и разговоръ снова перешелъ на тотъ же предметъ.

— Главная задача въ томъ, чтобы самимъ не сбиться съ пути въ такую темь, — отозвался опять Персинъ, присаживаясь къ столу и щурясь отъ яркаго свѣта.

Мичманъ Петровъ.

— Это ужъ моя забота. Я, за эти дни, великолѣпно изучилъ рѣку и пойду впереди, — сказалъ на это Дубасовъ. — Только, господа, уговоръ: держаться другъ къ другу ближе и тишина чтобы была полная. А теперь, господа, выпьемъ за успѣхъ общаго намъ дѣла и, съ Богомъ, въ путь!

Дубасовъ поднялся, за нимъ поднялись и всѣ остальные офицеры. Былъ 12-й часъ ночи. На дворѣ, дѣйствительно, стояла такая темень, что офицеры съ трудомъ отыскали свои катера. Чтобы не начинать такого важнаго дѣла въ несчастливое, по русскимъ понятіямъ, 13-е число, моряки дождались, на мѣстѣ, двѣнадцати часовъ ночи, и въ 4 минуты перваго часа, 14-го мая, отвалили отъ берега. Впереди, какъ и предполагали, шелъ Дубасовъ на катерѣ «Царевичъ», за нимъ—Шестаковъ, а дальше — мичманы Персинъ и Баль. Шли они тихо, осторожно, стараясь не производить никакого шума. Разговоры велись въ полголоса. Надъ рѣкой висѣлъ густой туманъ и еще болѣе увеличивалъ темноту ночи. Безпрестанно попадавшіеся на пути камышевыя заросли и мелкіе островки страшно затрудняли движеніе. Матросы напрягали зрѣніе, чтобы разсмотрѣть фарватеръ и не налетѣть на мель, или же не врѣзаться и не запутаться въ камышахъ; но черная, какъ сама ночь, вода Дуная совершенно сливалась съ окружающимъ ее воздухомъ. По временамъ, когда ужъ окончательно терялся изъ вида фарватеръ, или же начинали слишкомъ громко шумѣть машины, отрядъ останавливался. Начинались розыски.

— Что такое? Что случилось?—слышались вопросы съ заднихъ катеровъ.

— Тсъ! Уймите машину... Осторожнѣй, осторожнѣй!.. не зацѣпи... Вотъ, сюда держи... такъ, такъ, такъ... Теперь прямо... Готово! пошелъ!—долетали въ отвѣтъ отрывочныя слова.

Время шло. Какъ ни были увѣрены въ успѣхѣ наши герои, однако, иногда, эта увѣренность ихъ, вдругъ,

омрачалась мыслію: «а, ну, какъ не застанемъ непріятеля? Что, если опять удрали?»—и нетерпѣніе, скорѣе достигнуть цѣли, росло съ ужасающей быстротой. Вдругъ, часа черезъ $2^1/_2$ такого плаванія, впереди, въ почной темнотѣ, показались темныя фигуры турецкихъ броненосцевъ: одинъ стоялъ по срединѣ, а два другіе—по сторонамъ, поодаль другъ отъ друга.

— Вотъ они! — вырвался у всѣхъ единодушный, сдержанный крикъ и, не смотря на то, что всѣ къ этому приготовились, невольная дрожь пробѣжала по тѣлу.

Оправившись отъ минутнаго впечатлѣнія, Дубасовъ выбралъ самый большой изъ турецкихъ броненосцевъ,—средній, и стрѣлой пустился къ нему на своемъ катерѣ... за нимъ пошли и остальные...

На броненосцахъ, видимо, еще спали; только часовые стояли на-сторожѣ.

— Кто идетъ?—вдругъ, среди ночной тишины, раздался грозный окликъ одного изъ нихъ, заслышавшаго шумъ воды отъ нашихъ катеровъ.

— Сизинъ-адамъ (нашъ человѣкъ),—громко отвѣтилъ Дубасовъ, въ полной увѣренности, что сказалъ пропускъ, принятый, какъ увѣрялъ его наканунѣ одинъ переводчикъ, на турецкихъ судахъ.

Вѣроятно, это было не вѣрно, или же неправильное произношеніе Дубасовымъ турецкихъ словъ, не зная ни слова на этомъ языкѣ, показалось часовому подозрительнымъ; только, черезъ минуту, онъ снова повторилъ свой окликъ и на этотъ разъ еще громче и внушительнѣй.

— Сизинъ-адамъ! —отвѣтилъ также еще разъ Дубасовъ громко и даже съ досадой...

Часовой далъ выстрѣлъ изъ ружья. За нимъ послѣдовали два такихъ же выстрѣла съ остальныхъ судовъ, но ни одинъ изъ нихъ не попалъ въ цѣль. Между тѣмъ, Дубасовъ былъ уже близко... На всѣхъ броненосцахъ забили тревогу, на палубахъ поднялась страшная суматоха. Среди всевозможной смѣси различныхъ криковъ и шума, до Дубасова ясно долетѣли слова: «сизинъ-адамъ! сизинъ-адамъ!» нѣсколько разъ повторенныя ошалѣвшимъ часовымъ.

— Сизинъ-адамъ!—оретъ, въ свою очередь, во все горло, съ катера Дубасова, маіоръ Муржеско, чтобы еще болѣе озадачить турокъ.

Собѣжавшаяся команда спѣшитъ къ пушкамъ. Часовой схватился за ударный снурокъ, но выстрѣла не послѣдовало—осѣчка. Сама судьба, видимо, покровительствовала нашимъ; нужно было пользоваться этой минутой всеобщей суматохи, чтобы нанести роковой ударъ, и лейтенантъ Дубасовъ ловко воспользовался ею. Подлетѣвъ, мгновенно, почти къ самому броненосцу, онъ выдвинулъ впередъ шестовую мину и подвелъ ее подъ кормовую часть корабля... Въ тотъ же мигъ, раздался оглушительный, ужасный взрывъ. Громадный столбъ воды, въ нѣсколько саженей высотою, взвился на воздухъ и тотчасъ же, всею своею массою, рухнулъ на катеръ Дубасова. На турецкомъ суднѣ послышался отчаянный вопль; кормовая часть его разсѣлась, но вмѣстѣ съ тѣмъ, ружейная и пушечная трескотня усилилась еще больше... Въ первую минуту, остававшіеся позади, въ томъ числѣ и лейтенантъ Шестаковъ, думали, что Дубасовъ погибъ вмѣстѣ съ катеромъ, залитымъ водою. Но Богъ хранилъ героя.

Подвигъ лейтенанта Дубасова на Дунаѣ 14-го мая 1877 года.

Нанеся ударъ, онъ тотчасъ же приказалъ машинисту дать задній ходъ, а остальнымъ матросамъ—откачивать живѣе воду. Не смотря на это, катеръ начиналъ уже опускаться.

— Сбрось якорь въ воду!—крикнулъ Дубасовъ рулевому Кислову, желая облегчить катеръ.

— Помилуйте, ваше благородіе, — отвѣчалъ спокойно рулевой,—зачѣмъ же туркамъ казенный якорь оставлять... и, отодвинувъ его немного въ сторону, чтобы не мѣшалъ работѣ, продолжалъ свое дѣло.

Между тѣмъ, поврежденный миной, турецкій броненосецъ продолжалъ еще держаться на водѣ, и какъ съ него, такъ равно и съ двухъ другихъ, летѣли въ нашихъ моряковъ тучи пуль и ядеръ. Къ счастію, большинство ихъ падало въ рѣку, поднимая на поверхности ея массу различной величины водяныхъ фонтанчиковъ и не причиняя пока морякамъ никакого вреда. Медлить, однако, было нечего. «Шестаковъ, подходи!»—послышался вдругъ громкій голосъ Дубасова и вслѣдъ за симъ катеръ «Ксенія» стрѣлою понесся къ броненосцу... Подскочивъ къ нему, лейтенантъ Шестаковъ подвелъ вторую мину прямо подъ середину. Раздался новый взрывъ, еще ужаснѣе перваго. Что-то будто треснуло, рухнуло съ громадной высоты; по водѣ пронесся, раздирающій душу, стогрудый стонъ, воздухъ наполнился шипѣніемъ и свистомъ отъ взлетѣвшихъ вверхъ обломковъ; громадная чугунная плита пролетѣла чуть не надъ самыми головами моряковъ и шлепнулась въ воду... Нѣсколько секундъ длился настоящій адъ. Выстрѣлы и крики не умолкали. Они неслись съ неудержимой силой, какъ бы стараясь пере-

силить другъ друга изъ массы дыма, окутывавшаго пораженный броненосецъ. Ударъ былъ на этотъ разъ смертельный. Громадный корпусъ корабля, словно раненое чудовище, боролся еще со смертью, но, видимо, терялъ послѣднія силы и медленно погружался въ воду... Надъ головой его, высоко, въ поблѣднѣвшемъ передъ разсвѣтомъ небѣ, крутились стаи пернатыхъ птицъ.

Исполнивъ дѣло, Шестаковъ хотѣлъ дать задній ходъ, но, къ ужасу своему, увидѣлъ, что винтъ запутался въ обломкахъ погибающаго броненосца подъ самымъ бортомъ, съ котораго не переставали, чуть не въ упоръ, раздаваться выстрѣлы. Нѣсколько турецкихъ матросовъ взобрались на башню и открыли оттуда огонь изъ штуцеровъ. Шестаковъ далъ условленный свистокъ, требующій помощи, а самъ, между тѣмъ, съ четырьмя матросами началъ отстрѣливаться изъ револьверовъ; остальные старались освободить злосчастный катеръ отъ обломковъ. Но мичманъ Перепнъ не являлся, катеръ запутывался все болѣе и болѣе, точно утопающій броненосецъ не хотѣлъ отпустить его отъ себя.

«Боже мой! да гдѣ же, наконецъ, Перепнъ?!—повторялъ про себя лейтенантъ Шестаковъ, теряя и терпѣніе, и силы въ этой неравной борьбѣ и недоумѣвая, что произошло съ Перепнымъ, что онъ не слышитъ призывныхъ свистковъ. Неужели, онъ оставилъ меня въ эту критическую минуту? Неужели не видитъ, что еще минута—и мы погибнемъ!» думается ему и горькія слезы обиды, разочарованія въ лучшемъ товарищѣ,—готовы брызнуть изъ глазъ.

Прошло, можетъ быть, нѣсколько мгновеній такого отчаяннаго положенія, но онѣ показались всѣмъ вѣчностью. Пули, по прежнему, съ яростью шлепались въ воду, рекошетировали, съ звономъ стукались о желѣзныя части катера, а одна даже, ударившись о воду, забрызгала ею глаза матросу Ничипоренко, нагнувшемуся къ борту, чтобы распутать какую-то веревку.

— Тьфу, проклятая!—обтирая лицо, проговорилъ Ничипоренко: — ажно глаза запорошило. Дѣло дѣлать мѣшаетъ.

Между тѣмъ, какъ экипажъ катера «Ксенія» боролся межъ жизнью и смертью, лейтенантъ Дубасовъ успѣлъ откачать воду и спѣшилъ на помощь... Но... судьбы Божіи не исповѣдимы!... Въ ту именно минуту, когда, казалось, исчезла послѣдняя надежда на спасеніе, катеръ, благодаря стараніямъ мичмана Петрова, самъ выпутался изъ обломковъ и, давъ полный ходъ, поспѣшно началъ удаляться отъ непріятнаго сосѣда. Вскорѣ, вдали показался и мичманъ Персинъ на своемъ «Джигитѣ».

«Поздно!»—подумалъ Шестаковъ и непріятное чувство къ товарищу еще разъ сжало его грудь.

— Хорошо! хорошо!—обратился онъ, затѣмъ, громко къ Персину, когда катера ихъ поравнялись.—Гдѣ былъ?

— Какъ гдѣ? Развѣ не видишь, какъ исковеркало. Насилу отлили.

Оказалось, что въ то время, когда Шестаковъ напрасно призывалъ на помощь своего конвоира и, не зная причины, чуть не обвинилъ его въ измѣнѣ товарищу, этотъ самый конвоиръ, т. е. мичманъ Персинъ, на своемъ «Джигитѣ», чуть самъ не попалъ

ко дну. Турецкое ядро пробило корму «Джигита», а отъ взрыва, по-близости, другаго, его залило водой. Пришлось отойти къ ближайшему острову, заткнуть тамъ пробоину пенькою съ саломъ, откачать воду и уже затѣмъ идти къ своимъ.

— Прости, прости меня, голубчикъ!—воскликнулъ Шестаковъ со слезами на глазахъ, бросаясь въ объятія Перспну, когда объяснилось все дѣло. — Какимъ образомъ я могъ усумниться въ тебѣ! Какимъ образомъ допустилъ мысль, что ты оставилъ меня! Только окружавшій меня адъ, да отчаяніе заставили быть несправедливымъ...

Когда, такимъ образомъ, весь отрядъ снова соединился вмѣстѣ, лейтенантъ Дубасовъ приказалъ отходить назадъ. Разсвѣтало. Непрерывный ревъ ружейныхъ и пушечныхъ выстрѣловъ слышался сзади. Пули и ядра то—не долетали, то—перелетали, шипѣли и свистѣли надъ головами, но ни одинъ волосъ не упалъ отъ нихъ съ головы нашихъ героевъ. Кто-то, Невидимый, но Всемогущій, покровительствовалъ ихъ правому дѣлу. Отойдя немного, моряки оглянулись. Пороховой дымъ разстилался по водѣ, на поверхности которой осталась только верхняя часть затонувшаго броненосца.

«Ура!!!»—крикнули моряки во все горло и, уже не останавливаясь, направились къ Браилову. Безпорядочная канонада все еще неслась вслѣдъ, и пули и ядра, по прежнему, бороздили воздухъ.

Не обращая ни малѣйшаго вниманія на нихъ, матросъ Стѣпинъ, бывшій на катерѣ съ Шестаковымъ, преспокойно принялся шарить что-то на днѣ лодки.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—спросили его.

— Винтикъ ищу, ваше благородіе; винтикъ потерялся отъ батареи...

— Да, ну, его къ чорту! До винтика-ли тутъ!

— Нельзя, ваше благородіе; безъ винтика машина не будетъ дѣйствовать; винтикъ казенный,—отвѣчалъ спокойно Стѣпинъ и нашелъ-таки этотъ «казенный» винтикъ, не смотря на то, что сто разъ могъ бы изъ-за него потерять свою голову.

Подходя къ Брайловскому берегу, моряки замѣтили на немъ массу любопытныхъ.

Привлеченные сюда громомъ выстрѣловъ, они, съ замираніемъ сердца, ожидали прибытія моряковъ, не вѣря возможности видѣть ихъ невредимыми послѣ той бури, которая, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, бушевала надъ ними. Каково же было удивленіе и радость всѣхъ, когда, вдругъ, въ виду берега, показались наши катера, и чѣмъ ближе подходили они, тѣмъ шумнѣе выражалась эта радость. Сотни рукъ замахали въ воздухѣ платками, головы обнажились. Съ катеровъ отвѣтили тѣмъ же и не успѣли моряки ступить на берегъ, какъ были окружены плотной кучкой товарищей, спѣшившихъ выразить свою радость и удивленіе совершенному подвигу.

Измученные и духомъ и тѣломъ, герои наши съ трудомъ успѣвали отвѣчать на тысячи предлагаемыхъ вопросовъ. Но уже одно это искреннее, теплое участіе товарищей служило имъ не малой наградой. Они видѣли, что придуманное ими средство борьбы съ непріятельскимъ флотомъ восторжествовало и никто отнынѣ не усомнится въ примѣнимости его. Нужно только желаніе, твердая воля и храбрость—и карликъ побѣ-

дитъ великана, какъ, тысячи лѣтъ тому назадъ, Давидъ побѣдилъ Голіафа.

Съ невыразимой быстротой событіе 14-го мая разнеслось по всему міру. Радостно встрѣтили его всѣ русскіе люди, омрачилось чело басурмановъ, пуще прежняго напалъ на нихъ ужасъ. Мало того, что, въ короткое время, они лишились двухъ лучшихъ своихъ броненосцевъ, по полумилліону каждый, они чувствовали, что этотъ примѣръ не останется безъ подражанія и что съ появленіемъ русскихъ миноносокъ, настанъ конецъ ихъ вольницѣ, что, въ ихъ лицѣ, они встрѣтили грознаго, ужаснаго врага.

Къ полудню, взорванный броненосецъ окончательно погрузился въ воду и только на поверхности ея торчала верхушка мачты и служила новымъ пугаломъ для остальныхъ турецкихъ судовъ. Съ нимъ вмѣстѣ пошли ко дну все вооруженіе судна и, вѣроятно, большая часть матросовъ, не успѣвшихъ спастись во-время. Назывался онъ «Хивзи-Рахманъ», а, по увѣренію турокъ,—«Зелфи».

Когда вѣсть о геройскомъ подвигѣ моряковъ дошла до Великаго Князя, Главнокомандующаго, Его Высочество немедленно пожелалъ видѣть героевъ лично и собственноручно возложилъ на главныхъ участниковъ его, лейтенантовъ Дубасова и Шестакова, Георгіевскіе кресты. Не забыты были также и всѣ остальные, своимъ мужествомъ, ловкостью и хладнокровіемъ не мало способствовавшіе успѣху.

II.

Постановка минныхъ загражденій у Гуры-Яломницы.

Не прошло и двухъ недѣль со времени взрыва турецкаго броненосца «Хивзи-Рахманъ», какъ мы снова видимъ героевъ-моряковъ за работой, снова снующими вверхъ и внизъ по Дунаю на своихъ крошечныхъ катерахъ. Бывало, появится такая шлюпка на Дунаѣ, прибрежные казаки ужъ знаютъ, что моряки затѣваютъ какую-нибудь новую штуку и всѣми средствами стараются помочь имъ. Они чувствуютъ, что вся сила теперь въ моякахъ, что, со времени появленія ихъ на Дунаѣ, они полные хозяева его. Что подѣлаешь безъ моряковъ съ броненосцами? Сколько хочешь пали изъ ружей, а онъ себѣ идетъ и вниманія не обращаетъ на выстрѣлы. Для его толстой брони пули—что мухи—только надоѣдаютъ. Совсѣмъ другое дѣло—миноносная шлюпка. Мала штука, а зло кусается; боятся ее, какъ слонъ мыши, турецкіе броненосцы... Скоро таинственная сила этихъ малютокъ сдѣлалась очевидна для всѣхъ. Турки—трепетали, завидѣвъ ихъ, наши—радовались и толпами сбѣгались къ берегу встрѣчать дорогую гостью, когда какая-нибудь изъ нихъ имѣла намѣреніе причалить. Начинаются разспросы: «что и какъ, гдѣ были, что видѣли?» Усталые моряки еле поспѣваютъ отвѣчать, а тутъ, смотришь, время идетъ, опять пора въ путь, опять нырнули въ свои лодки и только узкая полоса чернаго дыма, да расходящіяся струйки

воды остаются позади. «Счастливаго пути вамъ!»—слышится вслѣдъ съ берега и долго еще потомъ безмолвная толпа зрителей смотритъ на синія волны Дуная, стараясь уловить на нихъ исчезающихъ вдали моряковъ...

Главная задача моряковъ теперь—постановка минныхъ заграждений. Задача трудная, но, послѣ 14-го мая, легче исполнимая, ибо турки, напуганные взрывомъ, не рѣшались уже очень далеко отходить отъ своихъ крѣпостей и, слѣдовательно, можно было думать, не помѣшаютъ нашимъ работамъ. Мѣстомъ для постановки минныхъ заграждений была избрана та часть Дуная, насупротивъ турецкаго города Гирсова, гдѣ рѣка развѣтвляется на нѣсколько, различной ширины, рукавовъ, раздѣленныхъ между собой болотистыми островами и у турецкаго берега образуетъ широкое водное пространство, извѣстное подъ именемъ *Мачинскаго* рукава. Двѣ турецкія крѣпости *Гирсово* и *Мачинъ* охраняютъ эту часть Дуная: одна—сверху, другая—снизу рѣки и служатъ хорошимъ убѣжищемъ для плавающихъ здѣсь броненосцевъ. Не задолго до описываемыхъ событій, Мачинскій рукавъ былъ уже загороженъ минами снизу у города Мачина, а 22-го мая, состоящій при Великомъ Князѣ Главнокомандующемъ, капитанъ 1-го ранга Рогуля *) получилъ отъ Его Высочества прика-

---

*) Капитанъ 1-го ранга Иванъ Григорьевичъ Рогуля, изъ дворянъ Таврической губерніи. Воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда, въ 1855 году, поступилъ на службу въ Балтійскій флотъ. Въ 1858 г. былъ въ кругосвѣтномъ плаваніи на корветѣ «Рында». Опытный морякъ и искусный руководитель подвѣдомственной флотиліи, исполнявшей различныя порученія.

заніе заградить его сверху, у Гирсова. Моряки тотчасъ же принялись за составленіе подходящей флотиліи, и къ вечеру, 25-го мая, у города Браилова собрались:

1) Румынская лодка «Фульджеро», подъ командой лейтенанта Дубасова; на ней: мичманъ Ѳедоровъ, докторъ Поплавскій, механикъ—подпоручикъ Синебрюховъ и 30 человѣкъ матросовъ.

2) Катеръ «Царевичъ», подъ командой лейтенанта Шестакова; на немъ: мичманъ Ѳеодосіевъ и 16 человѣкъ матросовъ.

3) Катеръ «Ксенія» — мичманъ Персинъ и 16 человѣкъ матросовъ.

4) Катеръ «Джигитъ»— мичманъ Баль и 10 человѣкъ матросовъ.

5) Пароходъ «Загражденіе», подъ командой лейтенанта Туркула; на немъ: мичманъ Аркасъ, механикъ—подпоручикъ Огладинъ, румынской морской службы маіоръ Муржеско и 12 человѣкъ матросовъ. Пароходъ этотъ служилъ, главнымъ образомъ, для склада на немъ минъ и велъ на буксирѣ четыре минные барказа, съ пятью матросами на каждомъ, подъ командой лейтенанта Петрова.

Съ разсвѣтомъ, 26-го мая, флотилія тронулась вверхъ по Дунаю, а часовъ около 9-ти утра, моряки замѣтили два дыма отъ турецкихъ броненосцевъ, шедшихъ имъ на встрѣчу, но по другому руслу рѣки Опасаясь, чтобы эти броненосцы не отрѣзали имъ путь отъ Браилова. моряки заложили въ началѣ рукава, по которому шли броненосцы, мины. Эта работа потребовала часа три времени, такъ что только въ полдень моряки могли продолжать путь далѣе, къ главной цѣли

своей экспедиціи. Тутъ имъ на встрѣчу попались два сотника казачьяго № 29-го полка—Лодочниковъ и Сережниковъ, которые разсказали, что у города Гирсова, откуда они прибыли, часовъ въ 9 утра показались два непріятельскіе парохода и начали ходить вверхъ и внизъ по рѣкѣ, желая, вѣроятно, попасть къ Гирсову. Наши стрѣлковыя цѣпи, стоявшія у деревни Гуры-Яломницы, открыли по нимъ огонь, но въ это же время, какъ бы для прикрытія пароходовъ, изъ подъ непріятельскаго берега вышли три броненосца и, прикрываясь лѣсистымъ островомъ отъ нашихъ батарей, начали стрѣлять по деревнѣ. Пароходы быстро направились къ Гирсову; но лишь только миновали лѣсистый островъ, до поры до времени защищавшій ихъ отъ взоровъ и выстрѣловъ нашей береговой батареи, какъ, въ свою очередь, подверглись обстрѣливанію, при чемъ одна граната попала въ, шедшую на буксирѣ, лодку и пустила ее ко дну со всѣми находившимися на ней людьми. Часовъ въ 10 канонада прекратилась.

Былъ уже вечеръ, когда флотилія капитана Рогули достигла деревни Гуры-Яломницы и расположилась здѣсь на ночлегъ съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день хорошенько осмотрѣть рѣку и уже окончательно избрать мѣсто постановки минъ.

27-го мая, чуть стало свѣтать, лодка «Фульджеро», катера «Царевичъ» и «Ксенія» вышли изъ подъ Гуры-Яломницы. День обѣщалъ быть хорошимъ; сквозь полупрозрачный слой утреннихъ испареній, низко лежавшихъ надъ водой, можно было видѣть противуположный, крутой непріятельскій берегъ, городъ Гирсово и стоявшіе у города турецкія суда. Ихъ было пять.

Все старые знакомые, про которыхъ разсказывали вчера морякамъ сотники Лодочниковъ и Сережняковъ. Завидя наши лодки, всѣ они начали усиливать пары, а одинъ броненосецъ, вѣроятно изъ самыхъ храбрыхъ, отважился даже отдѣлиться отъ остальныхъ судовъ и началъ спускаться внизъ по рѣкѣ.

«Ишь, какой прыткій: на насъ идетъ!»—подумали на катерахъ и, не успѣлъ броненосецъ окончательно избрать направленіе, какъ изъ носоваго орудія лодки «Фульджеро» раздался выстрѣлъ, а катера смѣло пошли ему на встрѣчу.

Выстрѣлъ далеко разнесся по рѣкѣ, отозвался нѣсколько разъ въ прибрежныхъ возвышенностяхъ; про свистѣло падъ водою ядро и бухнуло гдѣ-то въ рѣку...

Все на минуту стихло и только шипѣніе машинъ, да легкій плескъ воды, разбивавшейся о носовыя части катеровъ, слышался надъ рѣкой... Рѣшительное наступленіе нашихъ катеровъ произвело на турокъ удручающее впечатлѣніе. Помня трагическую кончину «Хивзи-Рахмана», броненосецъ быстро повернулъ обратно къ Гирсову. Моряки—за нимъ, имѣя въ виду, если и не атаковать уходящаго врага, то, по крайности, опредѣлить направленіе и дальность выстрѣловъ съ гирсовскихъ береговыхъ батарей и, такимъ образомъ, убѣдиться лично, на сколько этотъ огонь можетъ препятствовать нашимъ работамъ. Скоро, дѣйствительно, на возвышенностяхъ, лѣвѣе города, взвился большой клубъ пороховаго дыма. Ядро пролетѣло; дымъ началъ расползаться по берегу. Но вотъ, опять блеснулъ огонь, опять на томъ же самомъ мѣстѣ появился клубъ дыма. Ядро не долетѣло.

— Теперь павѣрняка въ насъ угодятъ! — заговорили моряки, ожидая третьяго, болѣе удачнаго выстрѣла.

Минуты черезъ двѣ, въ самомъ дѣлѣ, раздался выстрѣлъ, за нимъ тотчасъ же другой и обѣ гранаты шлепнулись саженяхъ въ 20-ти отъ флотиліи.

Опредѣливъ такимъ образомъ все, что было нужно. моряки направились обратно къ Гуры-Яломницѣ, гдѣ ихъ ожидали капитанъ Рогуля и маіоръ Муржеско, успѣвшіе, тѣмъ временемъ, изслѣдовать устье рѣки Яломницы и этимъ закончившіе обзоръ избраннаго мѣста.

Въ 2 часа дня, того же числа, вся флотилія полностью отчалила снова отъ берега для постановки заграждеиій въ главномъ руслѣ Дуная. Впереди всѣхъ, для охраны работъ отъ броненосцевъ, стала лодка «Фульджеро». Моряки на катерахъ живо принялись за дѣло. Мины быстро, привычными руками, погружались одна за другой въ рѣку. Броненосцы не показывались. по весь противуположный турецкій берегъ, до котораго было версты двѣ, покрылся громадной толпой, тысячи въ три, солдатъ, вышедшихъ изъ лагерей посмотрѣть на работы. Зрители эти толпились на брустверахъ и между батареями, и, повидимому, не имѣли ни малѣйшаго желанія помѣшать работамъ.

Такъ прошло часовъ шесть усиленной работы. Вечерѣло, когда, наконецъ, послѣдняя мина опустилась въ Дунай и непроницаемой страшной преградой заперла его русло. Часть дѣла была сдѣлана. Оставалось продолжать то же самое въ ближайшемъ къ турецкому берегу Мачинскомъ рукавѣ Дуная, что, однако, за на-

ступленіемъ темноты, пришлось отложить до другаго дня.

На нашемъ берегу, возвращавшихся къ нему моряковъ ждала огромная толпа солдатъ и офицеровъ ближайшихъ частей; всѣ они были свидѣтелями того поразительнаго хладнокровія и умѣнья, съ которыми исполнялась крайне трудная и опасная работа моряками. Громкое, единодушное «ура», лучше всякихъ словъ, сказало морякамъ, какъ цѣнятся ихъ заслуги въ арміи.

Спустилась ночь и черным покровомъ задернула рѣку. Турецкій берегъ какъ бы утонулъ въ ней, а вмѣстѣ съ нимъ погрузились туда же и городъ, и вражескій станъ со своими бѣлыми остроконечными палатками, и темныя дула стальныхъ орудій... Полночь. Все будто умерло кругомъ, или притаилось въ ночномъ мракѣ, боясь нарушить торжественную тишину южной, роскошной ночи. Но въ этой наступившей тишинѣ, въ этомъ непроницаемомъ мракѣ чувствуется присутствіе живыхъ людей, для которыхъ и ночь не служитъ отдохновеніемъ. Это — передовые посты. На нихъ тихо, но не мертво. Бдительный глазъ часоваго зорко всматривается въ черную поверхность Дуная, привычное ухо чутко вслушивается въ малѣйшій подозрительный шорохъ. Набѣжитъ-ли вѣтерокъ и зашелеститъ жесткими листьями камыша, плеснется-ли рыба — часовой встрепенется и крѣпче сожметъ въ рукѣ—своего друга, винтовку. Ночью, на аванпостахъ, всякій пустякъ способенъ произвести безпокойство; и сколько перечувствуетъ часовой прежде, чѣмъ дождется разсвѣта! Но вотъ, короткая весенняя ночь проходитъ. Мракъ

разсѣивается, на востокѣ появляется розовая полоска утренней зари. До восхода солнца еще далеко, а ужъ на бивуакахъ закипаетъ обычная жизнь. Проснулся богатырь-казакъ, сладко проспавшій ночь въ стогѣ душистаго сѣна и, быть можетъ, побывавшій во снѣ далеко-далеко отъ этихъ мѣстъ. Проснулся пѣхотинецъ, проснулся артиллеристъ, проснулся и морякъ, и каждый изъ нихъ спѣшитъ къ своему дѣлу. На флотиліи, ночевавшей у Гуры-Яломницы, замѣтно оживленіе: пары подняты, команды на мѣстахъ. Все и всѣ готовы, чтобы двинуться въ путь по первому приказанію.

Вотъ, отвалили отъ берега лейтенантъ Дубасовъ— на лодкѣ «Фульджеро» и лейтенантъ Шестаковъ — на катерѣ «Царевичъ». Имъ дано порученіе осмотрѣть Мачинскій рукавъ: не произошло-ли въ немъ какихъ-либо перемѣнъ за ночь, не высадился-ли непріятель на одномъ изъ ближайшихъ острововъ, не притаился-ли гдѣ-нибудь въ засадѣ броненосецъ, могущій помѣшать работамъ. Моряки идутъ впередъ тихо, осторожно. Внимательно осматриваютъ каждый подозрительный уголокъ рѣки, каждый островъ. Ничего не видать. Идутъ далѣе. Вотъ уже и Мачинскій рукавъ близко, уже и посвѣтлѣе стало. Всматриваются вдаль — чернѣетъ что-то. «Э! да это, никакъ, ихъ шлюпки!» —быстро соображаютъ моряки. И, дѣйствительно; еще немного и въ плавняхъ Мачинскаго рукава ясно обозначаются двѣ непріятельскія шлюпки, наполненныя стрѣлками. Лодка «Фульджеро» остановилась и открыла по нимъ огонь картечью. настолько удачный, что послѣ трехъ выстрѣловъ на шлюпкахъ произошелъ сначала переполохъ, а затѣмъ всѣ они поспѣшно направились къ своему берегу.

Очистивъ, такимъ образомъ, рукавъ, катеръ «Царевичъ», а за нимъ и подоспѣвшіе къ этому времени другіе катера быстро принялись за дѣло и къ 9-ти часамъ утра загражденіе было готово. Моряки торжествовали. Благодаря нерѣшительности турокъ и собственной предпріимчивости, они замкнули мпнами рукавъ сверху и снизу, и, такимъ образомъ, лишили турецкій Дунайскій флотъ свободы движенія и раздѣлили его силы на три части. Это былъ первый и, можно сказать, весьма удачный опытъ, послѣ чего борьба съ этими разъединенными силами значительно облегчилась. Вмѣсто того, чтобы имѣть дѣло со всей Дунайской флотиліей, какъ мы видѣли, довольно внушительной, съ этого дня моряки наши могли, по желанію, избирать любую часть ея для своихъ дѣйствій, а главное, продолжая ставить заграждепія, вытѣснялп турокъ изъ тѣхъ мѣстъ рѣкп, которыя почему-либо были для насъ особенно важны.

Для охраны вновь поставленныхъ заграждепій, капитанъ Рогуля оставилъ у Гуры-Яломницы двѣ шлюпки съ матросами, поручивъ ихъ попеченію командира стоявшаго здѣсь казачьяго полка, а самъ съ флотиліей, въ тотъ же день, 23-го мая, благополучно прибылъ обратно въ Браиловъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого славнаго дѣла, капитанъ Рогуля получилъ золотое оружіе съ надписью «за храбрость», Высочайше пожалованное ему исключительно за загражденія минами Мачинскаго рукава Дуная.

III.

Атака турецкихъ броненосцевъ на Сулинскомъ рейдѣ *) миноносными катерами лейтенантовъ Пущина и Рождественскаго, въ ночь на 29-е мая 1877 года.

Рѣка Дунай, верстахъ во ста отъ впаденія въ Черное море, развѣтвляется на нѣсколько отдѣльныхъ рукавовъ и образуетъ, такъ называемую, Дунайскую «дельту». Наиболѣе широкіе изъ этихъ рукавовъ: *Килійскій, Сулинскій* и *Георгіевскій* представляютъ какъ бы отдѣльныя рѣки, по которымъ суда, плавающія въ Черномъ морѣ, могутъ проходить въ Дунай. Сулинскій рукавъ, по своей ширинѣ (отъ 100 до 150 сажень) имѣетъ преимущество передъ первыми двумя и считается самымъ судоходнымъ, не смотря даже на то, что, въ иные годы, передъ входомъ въ него, намываетъ множество песку и громадныя песчаныя мели выходятъ далеко въ море.

Весеннее разлитіе рѣки уничтожаетъ, до нѣкоторой степени, это неудобство Сулинскаго рукава, и вотъ почему, лишь только была объявлена война, турецкіе броненосцы начали сосредоточиваться на его рейдѣ, сначала — чтобы подвозить арміи провіантъ и боевые припасы, а затѣмъ—стараться воспрепятствовать нашей переправѣ. Скоро, однако, геройскіе подвиги нашихъ моряковъ на Дунаѣ заставили непріятельскіе броне-

*) Мѣсто, гдѣ стоятъ корабли.

носцы, стоявшіе у Сулина, позаботиться объ ограждепіи себя отъ грозившей опасности, съ каковою цѣлью они начали окружать мѣста своихъ стоянокъ плавающими бревнами, а на ночь выходили въ открытое море, гдѣ труднѣе было произвести атаку, чѣмъ въ замкнутомъ пространствѣ рейда. До конца мая ихъ здѣсь никто не тревожилъ. Русская дунайская флотилія работала на самомъ Дунаѣ, черноморскіе моряки поглощены были обороной собственныхъ портовъ и береговъ. Но вотъ, раздался знаменитый взрывъ, произведенный руками Шестакова и Дубасова. Это былъ первый толчекъ къ подвигамъ и славѣ. Черноморскіе товарищи ихъ почувствовали свою силу; но такъ какъ, въ данную минуту, передъ ними не было броненосцевъ, на которыхъ можно бы было испробовать эту силу и доказать туркамъ, что русскіе и безъ флота могутъ вести успѣшно борьбу съ ними, то взоры моряковъ, естественно, обратились къ устьямъ Дуная.

Первый опытъ смѣлаго похода къ Сулину, имѣвшій цѣлью прогнать сосредоточившуюся здѣсь турецкую эскадру, а, при случаѣ, такъ и пустить броненосецъ-другой ко дну, былъ предпринятъ, 28-го мая, пароходами «Константинъ и «Владиміръ».

Въ этотъ день, въ часъ пополудни, пароходъ «Константинъ», подъ командой опытнаго, уже бывшаго въ огнѣ, лейтенанта Макарова *), вышелъ изъ Одессы.

---

*) Лейтенантъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ, уроженецъ Камчатки, откуда былъ вывезенъ въ дѣтствѣ, получилъ воспитаніе въ Морскомъ училищѣ. Офицеромъ съ 1869 года. Служилъ преимущественно на судахъ броненосной эскадры и своими разносторонними способностями скоро обратилъ на себя вниманіе начальства, исключительно

На немъ было четыре собственныя шлюпки и, кромѣ того, на буксиръ были взяты миноносные катера №№ 1-й и 2-й, имѣвшіе превосходныя машины. «Константинъ» направился сначала къ Змѣиному острову, а затѣмъ къ Сулину. Около 7-ми часовъ вечера, въ тотъ же самый день, вышелъ изъ Одессы и пароходъ «Владиміръ», посланный вслѣдъ за «Константиномъ», чтобы, въ случаѣ какихъ-либо поврежденій на немъ, привести обратно въ Одессу миноносные катера.

Въ 8 часовъ вечера, когда пароходъ «Константинъ» былъ уже въ открытомъ морѣ, на немъ, по обычаю, пропѣли молитву. Лейтенантъ Макаровъ, обратившись къ офицерамъ и матросамъ, сказалъ горячую рѣчь, на которую всѣ отвѣтили единодушнымъ «ура» и, отъ перваго до послѣдняго, приготовились мужественно встрѣтить ожидавшее ихъ впереди. Не видя тогда въ морѣ непріятельскихъ судовъ, пароходъ продолжалъ направляться къ Сулину. Ночь была тихая, но неугомонное море волновалось; катера то — исчезали въ волнахъ, то—появлялись на ихъ пѣнистыхъ гребняхъ, буксирные канаты скрипѣли... О снѣ, конечно, никто и не думалъ. Каждый спокойно занимался своимъ дѣломъ, будто и не предстояло ничего впереди.

Часовъ около двухъ ночи, лейтенантъ Макаровъ, стоявшій все время на капитанскомъ мостикѣ паро-

---

чего назначенъ былъ командиромъ парохода «Вел. Кн. Константинъ», на которомъ и дѣйствовалъ въ продолженіи всей войны, имѣя многочисленныя схватки съ турецкими судами, то—у береговъ Кавказа, то—въ дунайскихъ устьяхъ, то въ открытомъ морѣ, а въ январѣ 1878 г., будучи уже капитаномъ 2-го ранга, назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству.

хода, приказалъ остановить ходъ и громко закричалъ, обращаясь къ катерамъ:

— Мы въ 6-ти миляхъ (около 12-ти верстъ) отъ Суллинскаго рейда. Отдайте буксиры и постарайтесь отыскать турецкія суда! Держите направленіе правѣе маяка; если, пройдя пять миль, ничего не увидите, то поворачивайте къ сѣверу — и въ пяти миляхъ встрѣтите меня. Помните условіе: раздѣляйтесь только тогда, когда увидите непріятеля. Съ Богомъ!

Буксиры немедленно отдали и катера пошли впередъ двумя колоннами. Прошло полчаса, но непріятельскихъ судовъ еще не было видно. Лѣвѣе, точно звѣзда, блестѣлъ яркій огонь маяка. Катера, выстроившись въ одну линію, медленно подвигались въ темную даль моря. Машины слабо шипѣли; щели, пропускавшія свѣтъ, были затянуты наглухо, команды размѣщены по рубкамъ. Черезъ нѣсколько минутъ, катеръ «Чесма» приблизился къ катеру № 2-й, на которомъ былъ лейтенантъ Рождественскій *), и, сообщивъ, что видитъ съ лѣвой стороны непріятельское судно, повернулъ направо и исчезъ во мракѣ. Лейтенантъ Рождественскій началъ всматриваться и скоро, дѣйствительно, разглядѣлъ впереди, саженяхъ въ восьмидесяти, корпусъ большаго двухъ-мачтоваго броненосца.

---

*) Главные участники атаки турецкихъ броненосцевъ въ Суллинскомъ рейдѣ, лейтенанты: Владиміръ Олимпіевичъ Рождественскій и Леонидъ Петровичъ Шущинъ — воспитанники Морского училища. Первый изъ нихъ выпущенъ офицеромъ въ 5-й флотскій экипажъ въ 1872 г., и, по окончаніи полнаго курса наукъ въ кронштадтской минной школѣ, съ началомъ войны былъ назначенъ командиромъ катера № 2-й на пароходѣ «Константинъ».

Пріостановивъ катеръ, Рождественскій нѣсколько минутъ поджидалъ «Чесму», но, не дождавшись, двинулся впередъ и въ то же время увидѣлъ, что, справа, его обгоняетъ катеръ № 1-й, на которомъ былъ лейтенантъ Пущинъ *). Механикъ Канцеровъ спросилъ Пущина тихо:

— Видите-ли вы, влѣво, турецкое судно?

— Вижу, — отвѣчалъ въ полголоса Пущинъ, и такъ же, какъ и катеръ «Чесма», быстро исчезъ во тьмѣ.

Вслѣдъ за этимъ, Рождественскій увидѣлъ турецкое судно, выходившее изъ-за маяка въ море, а лѣвѣе, рядомъ съ первымъ, вытянувшись въ одну линію, стояли еще два броненосца. По всему было видно, что катера попали въ самую средину непріятельской эскадры, заграждавшей входъ въ Сулинскій рукавъ. До нихъ начинали уже долетать оклики турецкихъ часовыхъ; громадные корпуса броненосцевъ отчетливо выступали изъ окружающей темноты и, на сколько можно было замѣтить, стояли подъ парами. Огни были потушены, или прикрыты.

---

*) Судьба Пущина болѣе разнообразна. Выпущенный гардемариномъ въ 1863 году, онъ, гардемариномъ же, плавалъ на винтовомъ фрегатѣ «Дмитрій Донской» въ Атлантическомъ океанѣ и, по возвращеніи изъ этого плаванія, въ теченіи пяти лѣтъ служилъ на судахъ броненосной эскадры, а затѣмъ перешелъ на службу въ «Русское общество пароходства и торговли». Открывшаяся война заставила Пущина, вмѣстѣ съ другими товарищами, возвратиться снова на дѣйствительную службу и принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на миномъ катерѣ № 1-й съ парохода «Великанъ», причемъ, 29-е мая было для него первымъ и послѣднимъ боевымъ столкновеніемъ съ [illegible].

«Какой изъ нихъ атаковать?»—мигомъ пронеслось въ головѣ Рождественскаго, при видѣ этихъ безмолвныхъ, темныхъ гигантовъ. По мнѣнію однихъ, было безопаснѣе атаковать крайній—дальній, но положеніе катера относительно крайняго — ближняго броненосца, стоявшаго у него, такъ сказать, «на носу», было такъ соблазнительно, что Рождественскій рѣшился атаковать его и, скомандовавъ полный ходъ, приказалъ опустить въ воду шестовую мину, чтобы ударить сю въ подводную, не обшитую бронёй часть броненосца.

Чтобы лучше видѣть окружающее и, въ темнотѣ, не наскочить на другіе катера, Рождественскій не приказалъ закрывать боевой рубки и, такимъ образомъ, оставался совершенно открытымъ для пуль и ядеръ во все продолженіе атаки. Саженяхъ въ десяти отъ броненосца, его окликнулъ часовой и почти тотчасъ же раздались ружейные выстрѣлы. Тревога быстро распространилась по всѣмъ судамъ, темные корпуса ихъ опоясались сплошными линіями вспыхивающихъ огоньковъ... Машина усилила ходъ, катеръ дрогнулъ и черезъ минуту очутился у самаго борта броненосца... Произошелъ оглушительный взрывъ, на мгновеніе заглушившій ружейную трескотню и освѣтившій окружающій мракъ. За взрывомъ, тотчасъ же, съ броненосца раздался первый пушечный выстрѣлъ. Ядро пролетѣло высоко надъ головами. Поднявшійся отъ взрыва мины, громадный столбъ воды ясно обрисовался на красномъ пламени выстрѣла и... всею своею массою рухнулъ на катеръ Рождественскаго. Рулевое отдѣленіе катера наполнилось водой и это, повидимому, неблагопріятное происшествіе, какъ оказалось впослѣд-

ствіи, спасло катеръ отъ неминуемой гибели. О происшедшихъ поврежденіяхъ на броненосцѣ невозможно было судить, во первыхъ потому, что еслибы онъ и потерпѣлъ крушеніе, то, за незначительностью здѣсь глубины воды, все же остался бы на поверхности ея, а во вторыхъ, яркое пламя взрыва и пушечнаго выстрѣла на столько ослѣпили всѣхъ, что въ первую минуту невозможно было ничего разглядѣть.

Когда катеръ Рождественскаго далъ задній ходъ, чтобы, какъ можно скорѣе, выбраться изъ-подъ адскаго огня, открытаго со всѣхъ судовъ, сзади раздался новый взрывъ, произведенный съ катера Пущина. Вмѣстѣ съ этимъ, одинъ изъ броненосцевъ двинулся въ погоню за катеромъ Рождественскаго. Тутъ оказалось, что катеръ не можетъ управляться: рулевое колесо отскочило отъ переборки, къ которой было прикрѣплено. Бросились къ другому рулю, наверху, но и онъ не дѣйствовалъ: цѣпочки ходили по блокамъ, а руль не поворачивался.

Рождественскій, вмѣстѣ съ механикомъ Канцеровымъ, начали перевязывать цѣпочки руля веревками, и когда ихъ стянули, то руль сталъ дѣйствовать. Затѣмъ, Канцеровъ, съ минеромъ Соколовскимъ, бросились рубить проводники и отвинчивать гайки миннаго шеста, который былъ сломанъ и могъ сильно затруднить ходъ впередъ.

Между тѣмъ, раздававшіеся сзади, выстрѣлы не умолкали. Пули и ядра со свистомъ проносились надъ головами и по сторонамъ, били по металлическимъ частямъ катера и, отскочивъ, жалобно пѣли въ окружающей темнотѣ. Покончивъ кое-какъ съ рулемъ и

сбросивъ въ воду, мѣшавшій движенію, минный шестъ, катеръ, наконецъ, далъ полный ходъ. Всѣ вздохнули свободнѣе,—точно гора съ плечъ свалилась; но, черезъ минуту,—новое несчастіе: паръ внезапно упалъ въ котлѣ, машина отказывалась дѣйствовать!... Что тутъ дѣлать? Какъ выбраться изъ такого отчаяннаго положенія? Гнавшійся броненосецъ настигаетъ и, вотъ-вотъ, готовъ наскочить на безпомощный катеръ; турки видятъ это и, быть можетъ, заранѣе радуются столь неожиданной удачѣ. Еще одно мгновеніе—и, казалось, все погибло. Смерть висѣла надъ головами... Вдругъ, счастливая мысль озарила механика Канцерова. Вспомнивъ, что на катерѣ есть около 5-ти пудовъ сала, онъ приказалъ тотчасъ же бросить его въ топку. Сало запылало, паръ поднялся и вскорѣ броненосецъ началъ отставать, а затѣмъ и совсѣмъ перемѣнилъ направленіе.

Разсвѣтало, когда Рождественскій отыскалъ, наконецъ, пароходъ «Константинъ». Вся команда его высыпала на бортъ и встрѣтила громкимъ «ура» своихъ героевъ-товарищей, которые, къ счастію, всѣ оказались здравы и невредимы. Легкая царапина на лбу, отъ разбившагося, при взрывѣ мины, стекла, была только у минера Соколовскаго. За то, на катерѣ остались глубокіе слѣды ночнаго боя: борты его, во многихъ мѣстахъ, избиты картечными пулями, дымовая труба пробита насквозь. Однако, скоро неподдѣльная радость экипажа парохода «Константинъ», проявившаяся въ шумной встрѣчѣ возвращавшихся товарищей, омрачилась и замѣнилась безпокойствомъ. Всѣ шлюпки и катера были на лицо, за исключеніемъ миннаго катера Пущина. Что сталось съ нимъ—было неразрѣшимой

загадкой. Съ тѣхъ поръ, какъ Рождественскій въ послѣдній разъ видѣлъ его, минутъ за десять до взрыва, онъ исчезъ безслѣдно въ ночной темнотѣ и болѣе не показывался. Знали только, что второй взрывъ принадлежалъ ему и на этомъ оканчивались всѣ свѣдѣнія, которыя, бывшіе на другихъ катерахъ, могли сообщить капитану парохода...

Прождавъ еще довольно много времени и не видѣвъ никакихъ слѣдовъ исчезнувшаго катера, пароходъ «Константинъ» направился обратно въ Одессу. На душѣ у всѣхъ было тяжело. Судьба лейтенанта Пущина и бывшихъ съ нимъ, видимо, безпокоила всѣхъ, и прошло много времени, прежде чѣмъ загадочное исчезновеніе катера разъяснилось. Оказалось, что катеръ затонулъ, а лейтенантъ Пущинъ, со всѣми офицерами и матросами, былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Константинополь. Приключеніе катера № 1-й въ злосчастную ночь 29-го мая столь интересно, что мы посвятимъ ему отдѣльную страницу, а пока возвратимся къ катеру № 2-й.

На другой день по прибытіи въ Одессу, катеръ, для осмотра, былъ вытащенъ изъ воды, причемъ на немъ оказались слѣдующія поврежденія: въ носовой части, близъ киля, ослабѣли и лопнули 16 заклепокъ; посрединѣ, на килѣ, замѣтны явные слѣды тренія о какое-то твердое тѣло; въ кормѣ—желѣзная наддѣлка на килѣ согнута на правую сторону и назадъ; нижняя часть руля помята и одно изъ перьевъ винта согнуто назадъ.

Всѣ эти поврежденія подводныхъ частей катера заставляютъ предполагать, что турецкіе броненосцы

въ Сулинѣ стояли за боннымъ загражденіемъ, т. е. впереди ихъ, на водѣ, плавали бревна, препятствовавшія приближенію къ броненосцу и что катеръ Рождественскаго, а, вѣроятно, и Пущина, съ разбѣгу, во время атаки, незамѣтно перескочилъ черезъ бревна и повредилъ себѣ руль и винтъ. Этимъ же объясняется и поломка рулеваго колеса, чуть-чуть не поставившая катеръ въ безвыходное положеніе. Но, перескочивъ черезъ бревна и произведя подъ самымъ бортомъ броненосца взрывъ, катеръ не могъ сдѣлать этого при движеніи назадъ и, такимъ образомъ, неминуемо долженъ былъ быть или захваченъ, или потопленъ турками, еслибъ не счастливая случайность, неожиданно избавившая его отъ гибели. Дѣло въ томъ, что столбъ воды, упавшій на носовую часть катера послѣ взрыва и наполнившій ее водою, поднялъ корму на столько, что, при полномъ ходѣ назадъ, она не зацѣпилась за бревна и тѣмъ дала возможность всему катеру благополучно перескочить черезъ заграждеиіе. Какимъ образомъ совершилось это,—сами участники не могли объяснить, да оно и не мудрено при томъ состояніи духа, въ которомъ должны были находиться они.

Что касается турецкаго броненосца, атаковаиiаго Рождественскимъ и Пущинымъ, то, какъ оказалось впослѣдствіи, причиненныя ему взрывами поврежденія были настолько значительны, что онъ вскорѣ былъ отправленъ въ Константинополь для починки и только въ концѣ іюля возвратился въ Черное море.

За этотъ подвигъ, лейтенантъ Рождественскій награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

Обратимся теперь къ Пущину. Обогнавъ катеръ

Рождественскаго и перескочивъ черезъ загражденіе, онъ очутился подъ страшнымъ огнемъ броненосца и почти у самаго борта его. Раздался взрывъ Рождественскаго, а затѣмъ, совершенно неожиданно, взорвало и мину Пущина, какъ полагаютъ, отъ удара пули въ проводникъ электрической батареи, которая, впослѣдствіи, найдена въ морѣ съ отбитой бомбой стороною и въ настоящее время хранится въ Адмиралтействѣ. Что произошло затѣмъ,—можно видѣть изъ писемъ самаго лейтенанта Пущина, писанныхъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя изъ Константинополя:

«При всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, какъ все это было, я не могу и даже не имѣю права винить кого-нибудь въ неподаніи помощи и приписываю все это не болѣе, какъ несчастной случайности. Будь я въ состояніи, послѣ взрыва, дать ходъ, то, не взирая на то, что вслѣдъ за моимъ взрывомъ я замѣтилъ, что одинъ изъ броненосцевъ далъ ходъ и пустился за кѣмъ-то изъ насъ въ погоню, я все-таки могъ-бы надѣяться на помощь, или, наконецъ, могъ-бы вызвать ее; но все горе въ томъ, что хода дать я не могъ и принужденъ былъ простоять подъ бортомъ непріятеля довольно продолжительное время. Какимъ родомъ случилось, что насъ не забрали тутъ же—это для меня не понятно. Катеръ сталъ носомъ нѣсколько въ сторонѣ отъ фортштевня, а кормою вдоль борта и почти вплотную. Изъ этого положенія вы можете ясно видѣть, что взрывъ мой произошелъ въ носовой части, а вѣрнѣе—около. Не доходя еще до борта, я почувствовалъ какое-то непонятное сотрясеніе въ катерѣ и ходъ тотчасъ же началъ уменьшаться; потомъ, при-

близившись, еще перебило штуръ-тросъ (рулевую цѣпь), а затѣмъ, минута, и послѣдовалъ взрывъ. Когда перебило штуръ-тросъ, я былъ въ такомъ разстояніи отъ борта, что при моемъ ходѣ извернуться уже не могъ и вынужденъ былъ продолжать идти впередъ. Чтобы сказать, что я былъ встрѣченъ довольно теплымъ огнемъ, я этого не могу, потому что слышалъ только одну пулю, которая довольно близко свистнула у меня мимо праваго уха; но, судя по поврежденіямъ, надо полагать, что было нѣсколько жарко. Машинный люкъ былъ перебитъ; въ машинѣ отбило водомѣрную трубу и, вѣроятно, вмѣстѣ съ краномъ, такъ какъ Морозовъ (механикъ) все время, до взрыва, парился тамъ, пережегъ себѣ руки и ничего не могъ подѣлать. О другихъ тамъ поврежденіяхъ я не имѣлъ времени спросить. Рубку пробило насквозь и рѣшетчатый кормовой люкъ былъ перебитъ. Мое помѣщеніе осталось совсѣмъ невредимо; какъ видно, всѣ выстрѣлы были выше и направлены въ кормовую часть. На трубѣ нѣсколько пробоинъ. Послѣдовалъ взрывъ. Я тотчасъ же приказалъ дать ходъ, а самъ выскочилъ съ топоромъ, чтобы рубить пайтовы, но, замѣтя, что катеръ не трогается, а Морозовъ спускается уже въ каюту, я бросилъ все и побѣжалъ къ машинѣ, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Машина оказалась полна пару и быть тамъ, дѣйствительно, не было никакой возможности; но, не смотря на это, я все-таки могъ замѣтить, что машина была поставлена на передній ходъ и кранъ былъ открытъ. Что за причина—понять не могъ, и что было дѣлать—не зналъ; но пришла мысль въ голову—сходить осмотрѣть винтъ. Только что я спустился.

какъ наткнулся на какой-то конецъ, толщиною въ $3^1/_2$ — 4 дюйма; откуда онъ взялся — до сихъ поръ понять не могу и никакъ не думалъ, чтобы это была причина задержки машины; однако, какъ только перерубили этотъ конецъ, катеръ далъ ходъ, при чемъ я лично чуть было не остался на мѣстѣ, но минеръ Гостевскій успѣлъ подать помощь и вытащилъ меня изъ воды уже на ходу (замѣтьте, что все это продѣлывалось у борта непріятеля; времени ушло не мало и никто насъ не безпокоилъ); что было съ винтомъ, я замѣтить не могъ, но перо руля (оба) имѣло видъ дугообразный и, если смотрѣть къ носу, то изгибъ былъ вправо. Когда катеръ далъ ходъ, то атаковавшій броненосецъ сейчасъ же открылъ огонь и, по правдѣ сказать, проводы его были весьма радушны и теплы. Но какъ насъ Богъ спасъ, что всѣ мы, находившіеся наверху, остались невредимы и ранило только кочегара Непомнящаго, который былъ внизу, при подшипникахъ, это вещь непонятная. (Я думаю, что чувствительнѣе всѣхъ было Самозванцеву и Гостевскому, которые сидѣли у руля). Только что мы удалились отъ броненосца, какъ другой броненосецъ не замедлилъ догнать насъ, взялъ насъ къ себѣ на лѣвый траверзъ (т. е. обогналъ справа) и такъ какъ не могъ держаться близко, то открылъ огонь изъ орудій. Выстрѣлами своими хотя вреда намъ онъ никакого не причинилъ, но, надо было отдать ему полную справедливость, что одинъ изъ его выстрѣловъ былъ довольно удачный: упалъ онъ за кормою, по линіи движенія катера, не далѣе десяти футовъ. Обстоятельство это меня нѣсколько смутило и я уже началъ побаиваться, что,

наконецъ, опъ напрактикуется такъ, что угодитъ прямо въ катеръ. Стало даже какъ-то непріятно представлять изъ себя движущійся щитъ. Потомъ, справившись у Морозова о состояніи машины, я получилъ въ отвѣтъ: «ничего и скоро будетъ паръ хорошій». Я былъ совершенно спокоенъ и не заботился о приближеніи къ берегу, а только держалъ себя въ приличномъ разстояніи отъ броненосца. Наконецъ, чувствую, что машина, вдругъ, сразу остановилась и потомъ Морозовъ вышелъ объяснить, что идти дальше нельзя,—огонь залило разомъ. Вотъ вамъ мое положеніе! Что теперь я долженъ былъ дѣлать? Идти къ берегу, хотя и не далеко, но средствъ не было; стоять на якорѣ сбоку броненосца, который замолчалъ, но тоже держался все нашего хода и тоже какъ будто остановился. Отдать себя на произволъ теченію и затѣмъ, чтобы дать насъ забрать вмѣстѣ съ катеромъ, мнѣ этого больно не хотѣлось, да, кажется, и не подобало. Имѣть какую-нибудь надежду на помощь другихъ катеровъ я не могъ, потому что броненосецъ, который вышелъ въ погоню раньше, былъ довольно далеко, а стало-быть и катера должны были быть около того мѣста. Итакъ, считая свой катеръ во всякомъ случаѣ пропавшимъ и надѣясь вполнѣ на имѣвшіяся у насъ спасительныя средства, я рѣшилъ покончить съ катеромъ, а самимъ пуститься вплавь къ берегу, думая: коль доберемся—слава Богу, а нѣтъ—то попадемъ въ плѣнъ одни, безъ катера. Берегъ хотя и былъ довольно близко, но я не разсчитывалъ на теченіе. Сначала, пока у насъ были силы, мы сопротивлялись теченію хорошо и довольно успѣшно подвигались впередъ. но

затѣмъ оно взяло-таки свое и понемногу насъ начало сносить и пронесло. Отплывъ съ командою нѣсколько сажень, я замѣтилъ, что броненосецъ все еще стоялъ. Катеръ также былъ еще на поверхности, а потому

Лейтенантъ Пущинъ.

вернулся назадъ, на катеръ, чтобы ускорить его исчезновеніе. Послѣ этого я потерялъ команду изъ вида. Когда меня поднесло къ эскадрѣ, я замѣтилъ, что она стояла уже не на старомъ мѣстѣ, а много дальше отъ Сулина. На пути, во время моего плаванія, я

наткнулся на какой-то бакань (бочка, или другой пустой предметъ, плавающій на поверхности воды, для предупрежденія судовъ объ опасномъ мѣстѣ); не знаю, самъ я здѣсь никогда не бывалъ, но думаю, что это не былъ-ли входный, потому что и теченіе тутъ меня начало нѣсколько какъ бы отдалять отъ берега. Воспользовавшись такою прекрасною находкой (т. е. бакапомъ), я немного отдохнулъ, уцѣпился за него, какъ чайка, и прятался отъ берега какъ школьникъ (вѣроятно потому, что это былъ непріятельскій берегъ и Пущинъ предпочиталъ быть взятымъ въ плѣнъ моряками, чѣмъ сухопутными войсками). Впрочемъ, тогда объ этомъ думать не приходилось; но объ чайкахъ-то подумалъ, потому что одно время онѣ меня очень бѣсили: вопервыхъ, я боялся, чтобы присутствіемъ своимъ онѣ меня не выдали туркамъ, а во вторыхъ, чтобы и живаго-то меня не потрепали. Довольно долгое время онѣ вертѣлись надо мною, но потомъ оставили въ покоѣ»... Что случилось затѣмъ, лейтенантъ Пущинъ не помнилъ, вѣроятно вслѣдствіе потери силъ, и очнулся только на флагманскомъ турецкомъ броненосцѣ.

О времяпрепровожденіи Пущина и его команды въ плѣну у турокъ имѣется также его собственный разсказъ въ письмѣ къ сестрѣ и нѣкоторыя свѣдѣнія, появившіяся тогда же въ русскихъ и иностранныхъ газетахъ.

«Я и команда моя, исключая машиниста, спасеніемъ своимъ обязаны поясамъ, — писалъ Пущинъ къ своей сестрѣ изъ Константинополя.—Понятно, если бы пхъ не было, то всѣ мы были бы на днѣ. И пробылъ

въ водѣ около 5-ти часовъ. Сначала бросился безъ сюртука и шапки, а затѣмъ пришлось постепенно, для облегченія, срывать и все остальное. Съ катера мы всѣ пустились плыть къ берегу. Я, хотя и не пловецъ, но весьма успѣшно подвигался впередъ и достигъ бы берега, если бы не помѣшали судороги, которые четыре раза заставляли меня оставаться въ бездѣйствіи, а въ это время теченіе относило меня назадъ. Послѣ четвертаго раза я уже не въ силахъ былъ двигаться болѣе: теченіе меня несло къ Сулину, но все-таки я надѣялся высадиться выше его. Однако, всѣ старанія мои были безполезны и теченіе приближало меня все болѣе и болѣе къ турецкой броненосной эскадрѣ, которая, наконецъ, меня замѣтила и прислала катеръ, чтобы взять. Команда моя взята была получасомъ раньше. Я вышелъ на палубу броненосца съ помощью турецкихъ матросовъ, и былъ въ совершенномъ изнеможеніи, пока не отдохнулъ. Первое время, пока я находился на эскадрѣ и въ пути, я былъ въ очень грустномъ настроеніи; въ Константинополѣ стало лучше. Первый, кто явился на пароходъ и произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе, это былъ адмиралъ Гобартъ-паша. Полагаю, что, благодаря ему, я имѣю порядочное помѣщеніе. Домъ, въ которомъ я нахожусь, повидимому, принадлежитъ адмиралтейству; комната въ два окна и, какъ слѣдуетъ быть, съ рѣшетками. Берегутъ меня очень хорошо: у дверей стоятъ двое часовыхъ, и по саду, противъ оконъ, тоже ходятъ двое. Тоска страшная. Впрочемъ, благодаря Гобарту-пашѣ и содѣйствію Германскаго посольства, у меня бываютъ праздники, — это тогда, когда даютъ читать газеты.

Недавно разрѣшили писать письма и вчера разрѣшили, всегда, когда захочу, видѣть свою команду. Вчера я видѣлся съ нашими матросами и, поговоривши съ ними на родномъ языкѣ, былъ весьма счастливъ. Всѣхъ насъ, на катерѣ, было 6 человѣкъ: теперь уже осталось только четыре. Машинистъ Морозовъ былъ первой жертвой: онъ утонулъ почти у борта, вѣроятно потому, что какъ-нибудь упустилъ поясъ. Второй жертвой былъ кочегаръ, который здѣсь, въ Константинополѣ, заболѣлъ горячкой и, въ припадкѣ, выскочилъ за окно.

«Думаю, что еслибы машинистъ и спасся, то—тоже бы горячки не миновалъ, потому что, пробывши $4^1/_2$ часа въ водѣ послѣ страшнаго жара и испарины у машины, получить горячку не долго. Изъ оставшихся—одинъ раненъ въ правый нахъ. Странно и довольно счастливо обошлось, что при такомъ страшномъ огнѣ, открытомъ съ непріятельскаго судна, когда, исключая машиниста, всѣ находились наверху, раненъ только одинъ человѣкъ, да и этотъ молодецъ, не смотря на рану, все-таки продолжалъ работать подъ выстрѣлами, а затѣмъ со всѣми вмѣстѣ бросился вплавь и $4^1/_2$ часа продержался на водѣ. Слава Богу, здоровье его поправляется; остальные двое здоровы, но смотрятъ не хорошо, потому что въ комнатѣ, въ которой они помѣщаются, мало воздуха. Буду хлопотать, чтобы разрѣшили имъ гулять по саду. Зная ихъ, я могу за нихъ дать честное слово, что они не уйдутъ. Свѣтлымъ изъ свѣтлыхъ праздниковъ для меня было полученіе двухъ первыхъ писемъ съ родины. Одно изъ нихъ было отъ П. М. Чихачева. Всякій, говорящій по фран-

цузски или по англійски, доставляетъ мнѣ праздникъ своимъ посѣщеніемъ. Недавно меня почтилъ своимъ посѣщеніемъ герцогъ Эдинбургскій (супругъ Великой Княгини Маріи Александровны). Онъ былъ со своимъ старшимъ офицеромъ, но я его не узналъ, и когда онъ взялъ у меня визитную карточку, полученную мною отъ старшаго офицера и написалъ «Герцогъ Эдинбургскій», то мнѣ было крайне неловко и пришлось извиняться. На другой, или третій день, Герцогъ прислалъ двухъ своихъ офицеровъ съ посылкой, въ которой находился весь черный форменный костюмъ и морская шапка. Затѣмъ прислалъ два своихъ портрета въ англійской и русской формѣ, портреты Государя, Государыни, Августѣйшей своей супруги Маріи Александровны, группу всего Августѣйшаго Семейства, фотографическій видъ своего фрегата и нѣсколько послѣднихъ нумеровъ «Иллюстраціи». Теперь у меня есть много, что читать. Здѣсь мнѣ сдѣлали форму морскаго турецкаго офицера, конечно, съ феской».

Благодаря высокому покровительству Герцога Эдинбургскаго и заступничеству Германскаго посольства, положеніе плѣнниковъ улучшилось, но первое время они, помимо весьма понятной тоски, терпѣли недостатокъ во всемъ. Имъ запрещалось писать письма, читать, видиться другъ съ другомъ, а пищей служилъ кусокъ чернаго хлѣба и вонючій пилавъ, отъ котораго Пущинъ страдалъ безсонницей и принужденъ былъ каждые три дня принимать лекарство, чтобы освободить желудокъ отъ непривычной пищи. О какомъ-либо напиткѣ, болѣе пріятномъ чѣмъ простая вода, не было и помину.

И въ такой-то обстановкѣ герои погибшаго катера пробыли почти 8 мѣсяцевъ, пока, наконецъ, по заключеніи мира, не были освобождены изъ плѣна и представлены въ Русскую главную квартиру.

***

Въ то время, какъ лейтенантъ Пущинъ и его отважная команда томились въ стѣнахъ турецкаго сераскеріата, въ городскомъ клубѣ города Одессы, 12-го іюня, давался обѣдъ въ честь лейтенанта Рождественскаго и команды катера № 2-й. На обѣдѣ этомъ присутствовали военныя, гражданскія и судебныя власти, а также представители земства, городскаго управленія и значительное число моряковъ.

Первый тостъ былъ предложенъ генералъ-адъютантомъ Семекой за здоровье и благоденствіе Государя Императора. Музыка заиграла народный гимнъ, всѣ присутствующіе подняли бокалы и огласили залу дружнымъ, долго неумолкавшимъ «ура». Послѣ того, старшина клуба, г. Евреиновъ, предлагая тостъ за здоровье Рождественскаго и его сподвижниковъ, сказалъ: «Я увѣренъ, что этотъ тостъ найдетъ сочувственный откликъ на всемъ пространствѣ Матушки Россіи, которая родитъ такихъ сыновъ, могущихъ составлять гордость и славу каждой страны». Снова загремѣла музыка, заискрилось вино въ бокалахъ, сотни рукъ потянулись къ виновнику торжества; а когда все успокоилось, онъ отвѣтилъ на привѣтственныя слова старшины: «Я и товарищи мои исполнили только долгъ свой. Благодарность Одесскаго общества должна относиться всецѣло къ тѣмъ, которыя дали намъ средства и облег-

графа и долго еще потомъ гремѣла музыка, лплось вино и въ дружеской бесѣдѣ вспоминались былые и настоящіе подвиги...

Послѣ обѣда, отъ имени общества, старшины просили матросовъ принять отъ клуба подарки въ видѣ часовъ и денегъ.

Лейтенантъ Рождественскій былъ на высотѣ своей славы. Награжденный орденомъ, оцѣненный обществомъ, онъ могъ считать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Но кто-бы могъ думать, что, ощаженный пулями, въ полномъ разцвѣтѣ своей славы и молодыхъ силъ, онъ приметъ смерть отъ того, что не разъ служило ему орудіемъ этой славы и спасало отъ вражескихъ пуль и гранатъ. Кто-бы могъ подумать, что миноносный катеръ, которымъ онъ привыкъ наводить ужасъ на непріятеля, погубитъ и его. А между тѣмъ, это было такъ. Смерть пришла оттуда, откуда ее менѣе всего можно было ожидать. Сдѣлавшись. уже по заключеніи мира, командиромъ миноноснаго катера «Сулина», онъ, вмѣстѣ съ другими, 30-го іюля 1878 г.. вышелъ изъ Одессы по направленію къ Очакову, гдѣ былъ назначенъ смотръ миноносокъ. Имѣя отличный ходъ, «Сулинъ» нѣсколько опередилъ другія суда, затѣмъ, на нѣсколько минутъ пріостановился. Вдругъ, раздался страшный, оглушающій взрывъ, и шедшимъ сзади представились лишь жалкіе обломки. Оказалось, что на катерѣ взорвало паровой котелъ. Сидѣвшіе въ это время на рулѣ Рождественскій и одинъ матросъ были обварены и сброшены въ воду. Матросъ спасся, а несчастный Рождественскій пошелъ ко дну и болѣе не показывался...

IV.

Постановка минныхъ загражденій у Парапана и атака лейтенантомъ Скрыдловымъ турецкаго парохода на миноносной шлюпкѣ «Шутка».

Наступилъ іюнь. Вода въ рѣкѣ постепенно спадала, хотя все еще не доходила до своего постояннаго уровня и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заливала низменный румынскій берегъ, образуя множество большихъ и малыхъ озеръ, ручейковъ и рѣчекъ. Противники, по прежнему, стояли другъ противъ друга, раздѣленные только рѣкой; но, по всему видно, что роковой часъ перваго рѣшительнаго столкновенія приближается. И по эту и по ту сторону Дуная къ нему дѣятельно приготовляются. И здѣсь и тамъ зорко наблюдаютъ за рѣкой. Но гдѣ и когда должно произойти это столкновеніе—по прежнему остается глубокой тайной. Мѣсто и время переправы извѣстны только Русскому Главнокомандующему, да самымъ приближеннымъ къ нему лицамъ. Изслѣдовавъ лично берега Дуная, Великій Князь Главнокомандующій остановился, наконецъ, на мѣстности, прилегающей къ румынскому городу Систово, какъ на самой подходящей для переправы. Выборъ этотъ былъ сдѣланъ, во-первыхъ, потому, что эта часть рѣки вдали отъ турецкихъ крѣпостей, вокругъ которыхъ, къ этому времени, группировались главныя ихъ силы, а во вторыхъ, что, переправившись здѣсь, армія наша становилась сразу на прямомъ пути къ Балканскимъ горамъ и къ сердцу турецкой имперіи — городу Константинополю.

Второй заботой Главнокомандующаго, послѣ окончательнаго избранія мѣста для переправы, было — оградить это мѣсто отъ покушеній турецкихъ судовъ, плавающихъ по Дунаю. Поэтому, нашимъ морякамъ было приказано: поставить немедленно минныя заграждения ниже и выше города Систова, чтобы сдѣлавъ, такимъ образомъ, эту часть Дуная недоступной для турокъ, приступить къ переправѣ, а затѣмъ, и къ постройкѣ постояннаго моста.

Догадывались-ли турки о принятомъ нами рѣшеніи, или просто случайно обратили вниманіе на Средній Дунай, только съ нѣкоторыхъ поръ здѣсь, болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, замѣтна была дѣятельность ихъ судовъ. Они особенно зорко слѣдили за каждой нашей шлюпкой и открывали огонь тотчасъ же, лишь только какая-нибудь изъ нихъ появлялась на поверхности рѣки.

При такихъ условіяхъ, дѣло постановки минныхъ заграждений становилось крайне рискованнымъ. Нужно было выбирать удобные моменты, или же производить работы ночью, озаботившись, предварительно, объ охранѣ рабочихъ отъ нечаянныхъ нападеній и отъ ружейнаго и артиллерійскаго огня.

7-го іюня, въ главномъ мѣстѣ пребыванія моряковъ, деревнѣ Мало-де-Жосъ, начались приготовленія къ предстоящей работѣ и, когда все было готово, флотилія, въ количествѣ 10-ти паровыхъ и 8-ми гребныхъ шлюпокъ, спустилась по рѣчкѣ Камѣ, къ деревнѣ Парапанъ, гдѣ должна была дождаться ночи и, съ наступленіемъ темноты, выйти въ Дунай.

Главнымъ распорядителемъ минныхъ работъ былъ капитанъ 1-го ранга Новиковъ *). Принятый имъ планъ

---

*) Модестъ Дмитріевичъ Новиковъ служилъ во флотѣ во время Крымской войны и за оборону Севастополя, 28-го декабря 1855 года, награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. По окончаніи Крымской войны, Новиковъ перешелъ изъ флота въ сухопутныя войска, дослужился до чина полковника и вышелъ въ отставку. На Георгіевскомъ парадѣ, 26-го ноября 1876 года, Новиковъ обратилъ на себя вниманіе Государя Императора и тогда же всеподданнѣйше заявилъ желаніе вновь поступить на службу, въ случаѣ открытія военныхъ дѣйствій. Дѣйствительно, лишь только открылась война, отставной полковникъ Новиковъ былъ принятъ на службу во флотъ и тотчасъ же отправленъ на Дунай. Здѣсь, своимъ знаніемъ дѣла, опытностью и непреклонной волей, онъ скоро снискалъ общее уваженіе не только своихъ товарищей-моряковъ, но и другихъ войскъ, имѣвшихъ съ нимъ какое-либо дѣло. Каждый видѣлъ въ немъ опытнаго руководителя морскихъ дѣйствій и сознавалъ, что дѣло, порученное ему, не вывалится изъ рукъ, и что отнынѣ вся ширь и глубь Дуная находится въ полномъ его распоряженіи. Въ силу этого всеобщаго расположенія, капитанъ Новиковъ скоро превратился между офицерами въ «дяденьку» Новикова, а солдаты называли его не иначе, какъ «морскимъ полковникомъ». И тѣ и другіе наперерывъ старались исполнять малѣйшія требованія своего любимца. Разсказывали, въ шутку, что Новиковъ пользуется такимъ же уваженіемъ и у турокъ, и что они не только не стрѣляютъ, когда «адмиралъ» (такъ тоже называли офицеры Новикова) со своимъ «флотомъ» появляется на рѣкѣ, но отдаютъ ему честь. Поводомъ къ этому разсказу послужилъ слѣдующій случай: Вскорѣ по прибытіи въ Журжево, Новиковъ, вмѣстѣ съ Скрыдловымъ, отправились на лодкѣ вверхъ по рѣкѣ и, обогнувъ вдающійся въ рѣку мысъ, очутились вблизи непріятельскаго берега, на которомъ стоялъ турецкій карауль. Завидѣвъ лодку, карауль тотчасъ же сталъ въ ружье и оставался въ такомъ положеніи все время, пока Новиковъ дѣлалъ измѣренія рѣки, не обнаруживъ ни малѣйшаго желанія помѣшать этому занятію. Не видя никакой причины подобнаго деликатнаго обращенія турокъ съ русскими моряками, солдаты начали, шутя, разсказывать, что турки отдали имъ честь. Обладая рѣдкими внутренними качествами, капитанъ Новиковъ вселялъ уваженіе и своимъ внѣшнимъ видомъ. Высокая, плотная фигура его; спокойный, глубокій взоръ и горячая, согрѣтая чувствомъ, рѣчь, заставляли видѣть въ немъ человѣка рѣшительнаго, владѣющаго собой и дѣломъ.

состоялъ въ слѣдующемъ: Съ наступленіемъ ночи, вся флотилія выйдетъ въ Дунай и у острова Мечки (въ 12-ти верстахъ отъ Рущука) поставитъ минное заграждеиіе. Затѣмъ, если это удастся, раздѣлится на двѣ части, изъ которыхъ одна поднимется вверхъ по Дунаю, для уничтоженія непріятельскихъ судовъ и постановки заграждеиій выше Систова; другая, подъ командой лейтенанта Подъяпольскаго, останется у Мечки, для охраненія уже поставленнаго заграждеиія.

Распорядившись такимъ образомъ, моряки съ нетерпѣніемъ начали ожидать наступленія роковой ночи. Катера и шлюпки, выровнявшись въ рядъ, скрытно стояли въ устьѣ рѣчки Камы. Лица у моряковъ были серьезны: каждый сознавалъ, что дѣло предстоитъ важное.

Часовъ въ 10 вечера, когда стало уже замѣтно темнѣть, весь отрядъ собрался на берегу у катеровъ. Явился старичекъ священникъ, отслужить напутственный молебенъ. Маленькая семья моряковъ окружила столикъ, на которомъ лежали: походный крестъ, Евангеліе и стояла чашка съ водой. Головы обнажились и молебенъ начался. Къ концу молебна пріѣхалъ генералъ Скобелевъ 2-й съ княземъ Церетелевымъ (бывшимъ секретаремъ русскаго посольства въ Константинополѣ, поступившимъ охотникомъ въ одинъ изъ казачьихъ полковъ и заслужившемъ, впослѣдствіи, 4 солдатскихъ георгіевскихъ креста). Скобелеву поручено было оказать содѣйствіе морякамъ, занявъ островъ Мечку стрѣлками.

Вечеръ былъ тихій, вода стояла неподвижно и, какъ зеркало, отражала ярко-оранжевое небо. По окончаніи

молебна и окропленіи святой водой людей и катеровъ, капитанъ Новиковъ, громкимъ басомъ, скомандовалъ: «разводить пары», а затѣмъ, обратившись къ офицерамъ и объяснивъ имъ главную суть предстоящаго дѣла, сказалъ:

— Я нисколько не сомнѣваюсь въ вашей храбрости, господа; но одной храбрости для успѣха дѣла еще недостаточно: необходимо также хладнокровіе, полное самообладаніе и спокойствіе!

Пока катера, по очереди, разводили пары, генералъ Скобелевъ послалъ князя Церетелева въ Парапанъ съ приказаніемъ: назначеннымъ для занятія острова, стрѣлкамъ начать посадку на суда. Князь Церетелевъ засталъ стрѣлковъ уже въ сборѣ; тутъ же, на площади, стояла полсотня Уральскихъ казаковъ, назначенная гребцами на лодки со стрѣлками. У берега тихо качались и самыя лодки, собранныя отъ мѣстныхъ рыбаковъ. Началась посадка. Пріѣхалъ Скобелевъ и, по обыкновенію, вызвалъ къ себѣ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, объяснилъ, для чего ихъ посылаютъ и что нужно дѣлать. Всѣ, конечно, отлично понимали важность возложенной на стрѣлковъ задачи и опасность, которой подвергались они на островѣ, въ случаѣ рѣшительныхъ дѣйствій турокъ. Турки, еслибъ захотѣли, могли свободно отрѣзать сообщеніе острова съ нашимъ берегомъ и забрать, находившихся на немъ, живьемъ. Не смотря, однако, на полное сознаніе грозившей опасности, стрѣлки нисколько не унывали. Они живо прыгали въ лодки, собираясь, какъ-бы, не воевать, а пріятно провести время въ прогулкѣ по великолѣпной

рѣкѣ, насладиться ея роскошнымъ видомъ, полной грудью вдохнуть душистый воздухъ.

— Ну, съ Богомъ, отваливайте!—сказалъ генералъ Скобелевъ, когда посадка была окончена. Гребцы ударили веслами и лодки скоро скрылись въ серебристо-туманной мглѣ... Вслѣдъ за стрѣлками двинулась въ путь и флотилія. Каждый паровой катеръ ея былъ снабженъ двумя носовыми и двумя кормовыми шестовыми минами. «Шутка» же и «Мина», какъ наиболѣе быстроходные, имѣли, кромѣ того, по одной откидной на носу и по двѣ буксирныхъ, такъ называемыхъ «крылатыхъ», мины на кормѣ. Команда была вооружена ружьями «Крынки» и револьверами. Плавучія мины везлись на гребныхъ шлюпкахъ.

Ночное путешествіе по Дунаю, изобилующему въ этомъ мѣстѣ множествомъ острововъ, мелей и извилинъ, требовало присутствія на флотиліи какого-нибудь свѣдущаго лица; по этому, моряки заблаговременно подъискали себѣ мѣстнаго жителя, хорошо знакомаго со всѣми особенностями рѣки, который и взялся провести флотилію по назначенію; но въ самую послѣднюю минуту, увидѣвъ, вѣроятно, что моряки не на шутку собираются воевать, исчезъ безслѣдно, какъ въ воду канулъ. Дѣлать нечего, пришлось положиться на собственныя знанія. Первое время все шло благополучно. Великолѣпная лунная ночь много способствовала тому, что моряки удачно находили фарватеры *) и не сбивались съ пути. Но чѣмъ больше удалялась флотилія

*) Фарватеромъ называется глубокое мѣсто воды, по которой могутъ ходить суда.

отъ берега, тѣмъ труднѣе становилось опознаваться въ незнакомой мѣстности. Гдѣ-то мелькали огоньки, слышалось шипѣніе выпускаемаго пара. Легкій туманъ поднимался надъ водой и вѣяло сыростью. Поминутно попадавшіяся мели и частыя камышевыя заросли заставляли постоянно мѣнять направленіе, поворачивать то—въ одну, то—въ другую сторону; связь между катерами и шлюпками постепенно терялась: одни уходили впередъ, другіе, задержанные на пути мелью, или инымъ препятствіемъ, отставали. Между тѣмъ, часы быстро бѣжали. Свинцовый цвѣтъ воды, мало-по-малу, блѣднѣлъ, тѣни становились мягче, на горизонтѣ обозначалась розовая полоска зари, а подъ нею, темной линіей, протянулся непріятельскій берегъ. Ночь, видимо, проходила. Нужно было скорѣе пользоваться остатками ея; но, сколько ни старались моряки, непредвидѣнныя препятствія задержали ихъ въ пути на столько, что они прибыли къ мѣсту назначенія лишь тогда, когда іюньское солнце высоко уже стояло надъ непріятельскимъ берегомъ и ярко освѣщало Дунай. Приходилось, слѣдовательно, начать работу уже не ночью, какъ предполагалось, а днемъ, на виду у турокъ и, чего добраго, подъ огнемъ. Турки скоро замѣтили флотилію. Сначала на ихъ берегу появилась небольшая группа всадниковъ и начала маячить изъ стороны въ сторону, давая этимъ знакъ по близости стоявшимъ войскамъ, что на рѣкѣ творится что-то не ладное. Затѣмъ, надъ самыми головами моряковъ, прожужжала пуля.

— Жарко будетъ!—промолвилъ кто-то.

И дѣйствительно. Не прошло и получаса послѣ первой пули, какъ на турецкомъ берегу появилось нѣ-

сколько сотъ стрѣлковъ и пошла потѣха... Пули уже не поодиночкѣ, а цѣлыми кучами неслись надъ головами, то — перелетая, то — не долетая до катеровъ... Берегъ дымился. Моряки мужественно встрѣтили этотъ первый приступъ непріятеля, старавшагося разстроить задуманное ими предпріятіе, и черезъ нѣсколько времени катера заняли уже опредѣленныя имъ заранѣе мѣста. Для огражденія работъ отъ могущихъ появиться броненосцевъ, у окопечности острова Мечки стали быстроходные катера «Шутка» и «Мина». Не смотря на убійственный огонь, первое время работы быстро подвигались впередъ. Укрываясь отъ пуль частью—подъ желѣзными навѣсами, частью—за бортами катеровъ, матросы навинчивали на мины ударные свинцовые колпачки и одну за другой опускали въ воду. Къ счастію, пули, летая въ изобилін вокругъ, не задѣвали заряженныхъ минъ и, такимъ образомъ, моряки избѣжали страшнаго погрома отъ собственныхъ минъ. Дѣло, видимо, спорилось у нихъ. Къ огню, мало-по-малу, привыкали и, вѣроятно, довели бы трудную работу до конца, если бы, вдругъ, изъ-за сосѣдняго острова не показался зловѣщій дымъ турецкаго парохода.

— Господа! Скорѣе ставьте мины! Турецкій пароходъ сюда идетъ!—крикнулъ морякамъ капитанъ Тудэръ.

Заслышавъ этотъ крикъ, моряки съ удвоеннымъ стараніемъ принялись за дѣло. Нужно было, во что бы то ни стало, докончить работу до приближенія парохода и постараться поставить хотя одинъ рядъ минъ между румынскимъ берегомъ и островомъ Мечкой.

Между тѣмъ, пароходъ, на которомъ, какъ оказа-

лось впослѣдствіи, было около 300 человѣкъ экипажа и 10 пушекъ, подвигаясь со стороны Рущука, вдоль своего берега, видимо приготовлялся къ чему-то рѣшительному. Это замѣтили не только моряки, но и стрѣлки, занимавшіе островъ, которые, будучи скрыты

1873

Лейтенантъ Скрыдловъ.

въ кустахъ и тростникахъ его, встрѣтили пароходъ сначала залпами, а затѣмъ открыли по немъ учащенный огонь. Въ первую минуту, пароходъ какъ бы опалѣлъ отъ неожиданности, но не надолго. Оправившись, онъ повернулъ бортомъ къ нашимъ катерамъ и сталъ

ихъ осыпать картечью. Въ то же время усилился огонь и съ берега. Моряки очутились подъ перекрестнымъ огнемъ. Однако, это было еще полъ-бѣды. Какъ ни жарко приходилось морякамъ, работать все же было возможно. Но вдругъ, пароходъ далъ ходъ впередъ, прямо на катера... Что могли сдѣлать моряки на своихъ шлюпкахъ съ 30-ти-саженнымъ чудовищемъ, борты котораго поднимались надъ водой, какъ стѣны крѣпости, а палуба кишѣла вооруженнымъ гарнизономъ! Казалось, при такихъ условіяхъ, самое благоразумное, какъ можно скорѣе уходить къ своему берегу. Вѣроятно, такъ бы и сдѣлали, если бы за островомъ Мечкой не стояли на этотъ случай «Мина» и «Шутка». Къ сожалѣнію, у «Мины» оказалась неисправность въ машинѣ и потому вся тяжесть предстоящей борьбы легла на «Шутку» и ея отважнаго командира, лейтенанта Скрыдлова *).

— Іосифъ Никодимычъ, видите дымъ?—обратился Скрыдловъ къ своему механику, прапорщику Болеславскому, лишь только замѣтилъ зловѣщій дымъ.

— Вижу...

---

*) Николай Иларіоновичъ Скрыдловъ—лейтенантъ Гвардейскаго экипажа. Воспитывался въ морскомъ училищѣ, изъ котораго вышелъ въ 1862 году. Состоя въ Гвардейскомъ экипажѣ. Скрыдловъ командовалъ парусною яхтой Государя Наслѣдника Цесаревича «Никса»; при сформированіи же своднаго отряда для дѣйствующей арміи, Скрыдловъ, вмѣстѣ съ Дубасовымъ, вызвался идти на Дунай въ качествѣ ротнаго командира и, такимъ образомъ, сдѣлался однимъ изъ видныхъ дѣятелей минувшей войны. Знаменитый катеръ «Шутка», на которомъ Скрыдловъ совершилъ свой геройскій подвигъ, построенъ въ 1874 г., въ Англіи, по заказу Наслѣдника Цесаревича. изъ стали, за 9,573 р.: имѣетъ около 8-ми саженъ длины и 1-й ширины, великолѣпную машину въ 12 лошадиныхъ силъ и отличается быстроходностью.

— Когда у васъ все готово,—скажите.

На катерѣ тщательно осмотрѣлись, въ ожиданіи предстоящаго боя. Успѣхъ зависѣлъ, главнымъ образомъ, отъ исправности машины и мины, поэтому на нихъ и было обращено особое вниманіе. Кромѣ командира, находившагося на носовой части у рулеваго колеса, и механика, зорко наблюдавшаго за своей машиной, на «Шуткѣ» былъ еще знаменитый русскій живописецъ, Василій Васильевичъ Верещагинъ *), прибывшій къ арміи прямо изъ Парижа и вызвавшійся добровольно участвовать въ рискованномъ предпріятіи моряковъ.

Въ то время, какъ на катерѣ всѣ были заняты осмотромъ различныхъ частей его, Верещагинъ, не имѣвшій опредѣленной обязанности, наблюдалъ за непріятелемъ и первый замѣтилъ разсыпавшуюся по непріятельскому берегу стрѣлковую цѣпь, о чемъ и поспѣшилъ сообщить Скрыдлову.

— Все равно,—отвѣтилъ ему на это тотъ,—пойдемъ въ атаку. Объ одномъ лишь буду просить тебя, Василій Васильевичъ: позволь высадить тебя на берегъ; не хотѣлось бы мнѣ грѣха на душу брать... Самъ видишь, дѣло предстоитъ крайне опасное...

Верещагинъ отвѣтилъ товарищу рѣшительнымъ отказомъ и взялся помогать минёру Виноградову, около котораго и помѣстился въ кормовой части «Шутки». Команда ея состояла изъ семи человѣкъ: одного рулe-

*) Участіе Верещагина въ атакѣ турецкаго парохода, 8-го іюня, было не первымъ его военнымъ подвигомъ. Въ 1868 году, онъ тоже, какъ частный человѣкъ, получилъ георгіевскій крестъ за защиту Самарканда.

ваго (унтеръ-офицеръ Жилинъ), одного машиниста, одного кочегара, одного минёра и трехъ строевыхъ матросовъ.

Спустя немного времени, Болеславскій доложилъ командиру, что машина въ полной готовности. Минута отчаянной атаки приближалась. Всѣ невольно сняли шапки и перекрестились. Между тѣмъ, непріятельскій пароходъ направился въ правый рукавъ Дуная (между Мечкой и турецкимъ берегомъ), очевидно, не рѣшаясь прямо атаковать работавшія шлюпки. Онъ только по прежнему продолжалъ обстрѣливать ихъ картечью.

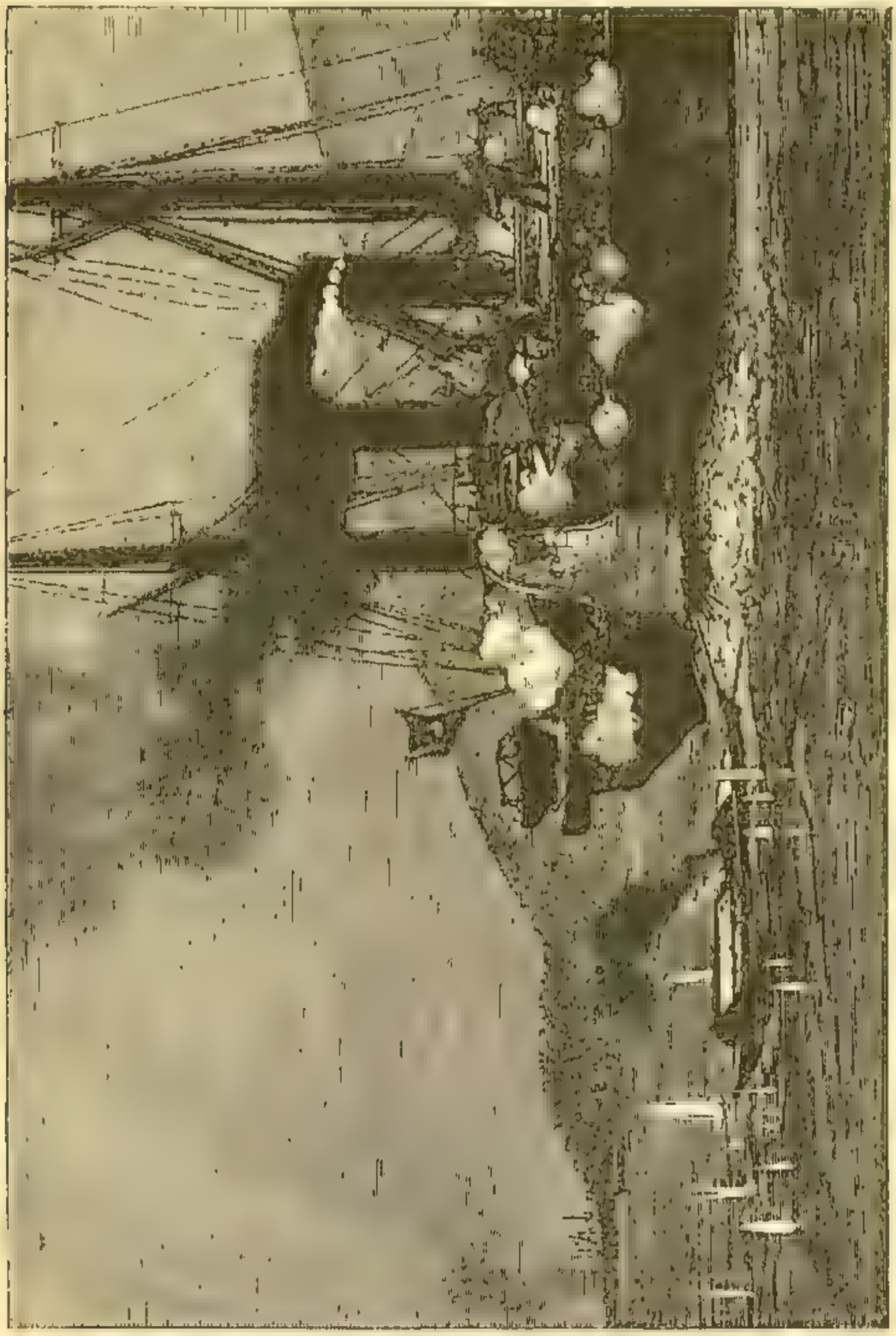
— Ходъ впередъ!—рѣшительно скомандовалъ Скрыдловъ, выбравъ удобный моментъ.

Болеславскій взглянулъ на часы. Было 8 часовъ 5 минутъ утра. Выдвинувъ впередъ, на длинномъ шестѣ, мину, скрывавшаяся до сего времени за густой растительностью острова, «Шутка» мгновенно выскочила изъ-за него и стрѣлой помчалась къ пароходу. Длинный шестъ дрожалъ отъ быстроты движенія, слѣдъ пѣнящейся воды далеко оставался позади...

— Ходъ впередъ!—крикнулъ снова, воодушевляясь Скрыдловъ, когда катеръ, быстро пробѣжавъ изрядное разстояніе подъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля съ берега и парохода, замѣтно приблизился къ нему.

Турки, успѣвшіе уже замѣтить появленіе «Шутки» и отъ которыхъ не ускользнуло это рѣшительное движеніе ея впередъ, растерялись. Пароходъ далъ задній ходъ и началъ позорно отступать передъ нашими удальцами, желая избѣжать столкновенія. Этого сдѣлать, однако, имъ не удалось. Пользуясь своей быстроходностью, «Шутка» скоро обогнала пароходъ, перерѣ-

зала ему дорогу и загнала къ самому турецкому берегу. Еще нѣсколько минутъ—и шестовая мина врѣза-



Атака миноносной лодки „Шутка“ подъ командою лейтенанта Скрыдлова, турецкого пароходо-фрегата, 8-го іюня 1877 года.

1150

лась въ самое опасное мѣсто судна, близь колеса.

— Валяй!—крикнулъ Скрыдловъ.

— Есть!—отвѣчалъ мичёръ, замыкая проводники.

Но взрыва не послѣдовало...

— Рви! — скомандовалъ вторично Скрыдловъ.

Но взрыва опять-таки не произошло: электрическіе проводники оказались перебиты пулями.

Въ первую минуту на пароходѣ не замѣтили постигшую моряковъ неудачу. Страшная мысль быть взорваннымъ на воздухъ со всѣмъ пароходомъ нагнала такой ужасъ на турокъ, что они всѣ бросились къ противоположному борту парохода, оглашая воздухъ нечеловѣческими криками. Самъ командиръ соскочилъ съ своего мѣста, прислуга побросала орудія. Но это было только съ минуту. Опомнившись, турки еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ начали стрѣлять изъ пушекъ и ружей по катеру, очутившемуся у нихъ подъ самымъ бортомъ.

— Рви!—скомандовалъ еще разъ раздосадованный Скрыдловъ.

По напрасно: мины не дѣйствовали, да и самъ разбитый катеръ еле держался на водѣ. Положеніе моряковъ сдѣлалось критическимъ. Въ общей суматохѣ никто и не замѣтилъ, что главный руководитель ихъ, лейтенантъ Скрыдловъ, былъ уже раненъ въ обѣ ноги и правый локоть, и всѣ приказанія отдавалъ сидя на своемъ командирскомъ мѣстѣ. Скоро оказалось, что механикъ Болеславскій контуженъ въ правый бокъ и поранепъ мелкими осколками въ обѣ руки, а паръ въ котлѣ упалъ. Какъ на бѣду и теченіе не относило, а прибивало «Шутку» къ борту парохода, такъ, что приходилось отталкиваться отъ него руками. Нужно было, во что бы то ни стало, выбраться изъ этого положе-

нія и, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Изрѣшетенную пулями и картечью, шлюпку начинало уже заливать водой...

— Задній ходъ!—отчетливо, громко скомандовалъ израненый Скрыдловъ.

«Шутка» сдѣлала отчаянное усиліе и... отскочила отъ парохода. Затѣмъ, обогнувъ корму его и пройдя вдоль лѣваго борта, выскочила впередъ. Тысячи выстрѣловъ гремѣли ей вслѣдъ. Въ это время, одна пуля попала въ фуражку мичёра Виноградова, разрѣзала ее, какъ ножемъ; но, къ удивленію, не оцарапала даже головы. Продолжая идти впереди непріятельскаго парохода, «Шутка» такъ стойко выдержала безпощадный огонь его, что пароходъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать, началъ поспѣшно спускаться къ Рущуку. Моряки благодарили Бога за свое чудесное избавленіе и дружными усиліями начали заколачивать, на ходу, пробоины и выкачивали воду. Вдругъ, снизу показалась темная фигура и пыхтящія трубы другаго судна, еще больше перваго. То былъ огромный двухмачтовый броненосецъ, шедшій на выручку своего товарища.

— Приготовь крылатую мину! — крикнулъ Скрыдловъ Верещагину, волочившему ее на буксирѣ.

Смѣлый волонтеръ поспѣшилъ исполнить приказаніе своего товарища, но въ эту минуту почувствовалъ жгучую боль въ бедрѣ: пробуетъ, что-то тепло, дыра— палецъ лѣзетъ. пробуетъ два—и два входятъ. Смотритъ, на пальцахъ кровь. Не обращая, однако, на это никакого вниманія, Верещагинъ приготовилъ мину и «Шутка» двинулась на встрѣчу новому врагу... Конечно, каж-

дый изъ бывшихъ на ней, отлично сознавалъ, что идетъ на вѣрную гибель, сознавалъ это и самъ Скрыдловъ, но выбора другаго не было. Приходилось, или принять атаку, или самимъ атаковать. И въ томъ и другомъ случаѣ израненая «Шутка» мало имѣла надежды на успѣхъ; но «Шутка» бросилась въ атаку... Грозный великанъ сначала убавилъ ходъ, затѣмъ остановился, затѣмъ раздались на немъ громкіе тревожные свистки и команды. «Шутка» безбоязненно продолжаетъ идти прямо на него.

Пораженные такой смѣлостью малютки, турки даже не встрѣчаютъ ее обычной трескотней. Они, видимо, ошалѣли и не знаютъ, что дѣлать. Скрыдловъ тотчасъ же соображаетъ, что наступилъ самый удобный моментъ избѣжать неравнаго боя и лихо проскакиваетъ на катерѣ передъ самымъ носомъ броненосца... И этотъ, какъ и первый, поспѣшно уходитъ къ Рущуку.

Такимъ образомъ, благодаря рѣшительности и неустрашимости Скрыдлова и его маленькой команды, морякамъ не только удалось избавиться самимъ отъ грозившей опасности, но и спасти другихъ своихъ товарищей, работавшихъ надъ постановкой минъ. Появленіе непріятельскихъ судовъ только ускорило эти работы, такъ что, ко времени исчезновенія послѣдняго броненосца, важнѣйшая часть ихъ была окончена, т. е. главный рукавъ Дуная, между румынскимъ берегомъ и островомъ Мечкой, былъ загороженъ двумя рядами грушевидныхъ минъ. Оставалось, слѣдовательно, сдѣлать тоже самое по другую сторону острова. Но если въ настоящую минуту ничто уже не грозило съ рѣки, за то съ берега, по прежнему, сыпался цѣлый градъ

пуль и густо осыпалъ и островъ, и находившихся на немъ стрѣлковъ. Чтобы хотя немного укрыться отъ этого огня и обсудить на свободѣ дальнѣйшій ходъ дѣйствій, моряки зашли за островъ, перекусили здѣсь и порѣшили, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія дневной работы, постараться окончить ихъ теперь же. Съ этою цѣлью капитанъ Тудэръ приказалъ 5-ти катерамъ немедленно подняться вверхъ по Дунаю и, обогнувъ островъ Мечку, бросить между нею и непріятельскимъ берегомъ 5 грушевидныхъ минъ. Сказано—сдѣлано. Катера не заставили себя долго ждать, тѣмъ болѣе, что на нихъ давно все уже было готово: команда на мѣстахъ, пары разведены. Первымъ двинулся катеръ мичмана Иплова... Но лишь только онъ вышелъ изъ-за острова, какъ турецкіе стрѣлки, догадавшіеся, вѣроятно, о намѣреніи моряковъ, бросились бѣгомъ вдоль своего берега, стараясь опередить катера и прежде нихъ придти на мѣсто. До берега было не болѣе 1,000 шаговъ — разстояніе незначительное для того, чтобы засыпать это пространство пулями и сдѣлать невозможнымъ всякую работу съ минами. Однако, моряки не остановились передъ этимъ. Быстро промчавшись подъ пулями, катеръ Иплова приблизился шаговъ на 150 къ непріятельскому берегу и, измѣривъ глубину рѣки, бросилъ тутъ мину. Тоже самое сдѣлалъ и гардемаринъ Аренсъ; но въ эту минуту огонь съ берега на столько усилился, что продолжать работу сдѣлалось положительно невозможно. Къ тому же, на катерѣ Иплова оказалось уже двое раненыхъ.

— Нужно отходить!—крикнулъ Ипловъ Аренсу, и

оба катера, отстрѣливаясь изъ ружей и револьверовъ, поспѣшили скрыться за островъ...

Оставимъ пока моряковъ въ этомъ положеніи и посмотримъ, что въ это время происходило на нашемъ берегу, гдѣ загорѣвшаяся на рѣкѣ перестрѣлка успѣла уже собрать значительную толпу любопытныхъ. Среди этой толпы особенно отчетливо выдѣлялась видная фигура генерала Скобелева 2-го, слѣдившаго съ напряженнымъ вниманіемъ за происходившимъ на рѣкѣ. Истинно геройскій духъ его неудержимо стремился туда, на рѣку, на островъ, ближе къ непріятелю, но, до поры до времени, онъ воздерживался отъ этого шага и безмолвно наблюдалъ за развертывавшейся передъ нимъ все шире и шире боевой картиной. Уже давно стоитъ Скобелевъ на батареѣ, давно нѣмая толпа напрасно вглядывается въ загадочную даль Дуная и прислушивается къ перекатамъ перестрѣлки. Но что происходитъ тамъ, въ этой дали, за этими подернутыми еще утренней росой камышами—сказать никто не можетъ. Изрѣдка напряженное вниманіе толпы развлекается какимъ-либо появившимся на рѣкѣ предметомъ. Вонъ, подъ самымъ непріятельскимъ берегомъ, не освѣщеннымъ еще взошедшимъ солнцемъ, ползетъ что-то черное. Большинство и разглядѣть еще хорошенько не успѣло, что это за штука, а ужъ съ батареи нашей раздается громовой выстрѣлъ.

— По комъ это выпалили? — спрашиваютъ другъ у друга собравшіеся.

— Какъ по комъ? А вонъ, бронносецъ-то ихній... — разъясняетъ кто-нибудь толпѣ и тычетъ пальцемъ по направленію къ непріятельскому берегу, гдѣ, за ми-

нуту передъ этимъ, только-что обозначилось непріятельское судно. Далеко до него, очень далеко. Только привычный глазъ артиллериста можетъ разглядѣть, броненосецъ это, или простое судно.

— Ишь, и онъ стрѣляетъ! — раздастся вдругъ чей-то голосъ. Вдали, опять-таки подъ самымъ берегомъ, взвивается бѣлый клубочекъ дыма. Что-то съ шумомъ несется въ воздухѣ. Сердце невольно замираетъ, но не отъ страха, а отъ ожиданія, гдѣ упадетъ это что-то.

— Мало каши ѣли! Шалишь, не доброспть!—слышатся остроты, когда ядро, далеко не долетѣвъ, шлепается въ воду. Но вотъ, снова поднимается надъ берегомъ бѣлый клубочекъ дыма, снова слышится въ воздухѣ шуршаніе снаряда. Этотъ удачнѣй. Любопытствующая публика начинаетъ, мало-по-малу, подъ разными предлогами, расходиться. Кто—«до вахмистра», кто—напоить лошадь. Болѣе откровенные прямо говорятъ: «теперь пора и уходить, а то, дернетъ такъ, что и костей не соберешь. Коли-бъ дѣло какое было, тогда такъ, а то—безъ пути пропадешь», и, успокоенные такими словами, покидаютъ батарею.

Часовъ въ 10 утра, генералъ Скобелевъ послалъ на островъ лодку, чтобы привести оттуда, если есть, раненыхъ и разъузнать, что тамъ дѣлается. Прошло довольно много времени, прежде, чѣмъ отправленная лодка снова показалась въ виду нашего берега. Болѣе нетерпѣливые бросились ей навстрѣчу, чтобы первыми услышать привезенныя новости.

— Ну, что, все-ли благополучно? -слышится торопливый вопросъ.

— Горшковъ убитъ! — вдругъ раздается съ лодки въ отвѣтъ.

Толпа мгновенно стихаетъ. Это *первый убитый*, котораго ей приходится видѣть. Непреодолимое любопытство тянетъ скорѣе взглянуть на трупъ убитаго. Всѣ бѣгутъ къ тому мѣсту, куда должна причалить лодка и въ ожиданіи замираютъ. Слышенъ только шумъ веселъ, да плескъ воды. Лодка пристаетъ. Уральцы медленно выносятъ на берегъ трупъ товарища. Руки опущены, какъ плети; блѣдная голова, перевязанная окровавленнымъ платкомъ, свѣсилась на сторону. При видѣ трупа, толпа обнажаетъ головы и набожно крестится.

— Экой молодчина-то былъ!... Вотъ она, гдѣ война-то настоящая!...—послышались изъ толпы восклицанія, когда трупъ несчастнаго Горшкова, вмѣстѣ съ несшими его уральцами, скрылся за дверями небольшой желтенькой церкви, стоявшей тутъ же, по близости, на самомъ берегу.

На генерала Скобелева, привыкшаго уже къ такого рода зрѣлищамъ, трупъ убитаго произвелъ совсѣмъ иное впечатлѣніе. Видя, что на островахъ начинается серьезное дѣло, онъ не выдержалъ и рѣшилъ тотчасъ же отправиться туда вмѣстѣ съ полковникомъ Струковымъ и княземъ Церетелевымъ. По дорогѣ къ берегу, на встрѣчу имъ попалась группа людей. Когда группа эта поровнялась со Скобелевымъ, онъ увидѣлъ, что на носилкахъ, составленныхъ изъ веселъ и паруса, моряки несли раненаго Скрыдлова. Тутъ же, поддерживаемый подъ руки, въ штатскомъ платьѣ и бѣломъ картузѣ, шелъ Верещагинъ.

— Что это съ вами, господа? — обратился къ раненымъ Скобелевъ, ничего не подозрѣвавшій о геройскомъ подвигѣ «Шутки».

Скрыдловъ съ жаромъ началъ разсказывать генералу, какъ было дѣло. Верещагинъ же бодрился и все увѣрялъ, что ему нисколько не больно, что пуля прошла не задѣвъ кости.

— Да вы посудите, ваше превосходительство, вѣдь, этакое же несчастье!...— поминутно повторялъ Скрыдловъ, при воспоминаніи о постигшей ихъ неудачѣ, стараясь приподняться на носилкахъ и, отъ волненія, забывая боль въ ногахъ.

Оставивъ раненыхъ, Скобелевъ и его спутники пошли садиться въ лодку, въ ту самую, въ которой только-что привезли ихъ.

«Признаюсь, что, садясь, я какъ-то странно покосился на пятна крови на лавочкѣ и на розовато-грязную воду на днѣ, — пишетъ участникъ скобелевской поѣздки на островъ, князь Церетелевъ. — Это впервые приходилось мнѣ видѣть вблизи кровь, и кровь—нашу. Но намъ было не до размышленій; не прошли мы и полдороги отъ берега къ морякамъ, какъ на противуположной сторонѣ мы замѣтили значительную турецкую колонну съ артиллеріей, шедшую къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли наши стрѣлки. Моряки не могли видѣть этой колонны и подвергались большей опасности отъ огня турецкихъ орудій. Мы усиленно гребли, но скоро стало такъ мелко, что лодка едва уже подвигалась по камышамъ; выскочили и по поясъ въ водѣ пошли къ катерамъ и стали собирать стрѣлковъ. Минуты терять было нельзя. Скобелевъ наскоро объяснилъ Новикову, что

идетъ артиллерія. (Это было въ то время, когда Ниловъ и Аренсъ, бросивъ двѣ мины въ сторону непріятельскаго берега, отстрѣливаясь, отошли за островъ). Моряки тотчасъ сѣли на паровые катера и пошли вверхъ одинъ за другимъ, оставивъ на наше попеченіе небольшую команду и гребныя шлюпки съ минами. Шлюпки эти приходилось вытащить изъ воды, протащить сажень 100 по травѣ, потомъ—по грязи и камышу. Въ это время турки поставили свои орудія на позицію въ какихъ-нибудь 300 саженяхъ, и первая граната засвистала надъ нашими головами, хлопнулась въ камышъ и подняла густой и тяжелый столбъ грязной воды. Граната эта разбудила меня: до той поры я спокойно наблюдалъ — видѣлъ кучки турокъ на той сторонѣ и кучки нашихъ на этой; слышалъ, какъ отдавалъ распоряженіе Скобелевъ; интересовался нашими миніатюрными катерами, напоминавшими былое, и синій Босфоръ, и синіе рубахи нашихъ моряковъ. Теперь я понялъ, что дѣло не шуточное, что зѣвать не время и что я тоже могу принести пользу. Вижу, перетаскиваютъ четыре шлюпки: у каждой тщетно бьются по шести матросовъ. «Эй, ребята, сюда!»—крикнулъ я.—«Давай всѣ за одну»,—схватился за канатъ, подбѣжали другіе, и вотъ, подъ звуки родной «дубинушка, ухнемъ, пойдетъ, пойдетъ», стали тащить мы эту шлюпку. Въ ней лежали какіе-то чудные снаряды, мины, а направо и налѣво отъ насъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, ложились гранаты, обдавая насъ брызгами воды. Цѣль туркамъ представляли мы отличную. Но намъ везло: никого не ранило. Вытащили мы одну лодку въ глубокое мѣсто и другую; стали садиться все

сще подъ выстрѣлами и ждали лишь нѣсколькихъ отсталыхъ, какъ вдругъ, оказалось, что на берегу лежатъ еще до 30-ти стрѣлковъ спрятавшимися. Скобелевъ, очень сердитый, послалъ меня собрать ихъ и убѣдиться, что никого не забыли. Я было только-что успѣлъ влѣзть въ лодку; нàскоро сбросилъ я съ себя мокрую черкеску и все мое оружіе, и спрыгнулъ вновь въ воду. Я начиналъ уже уставать, но въ эту минуту забылъ усталость, и вновь, чуть не по плечи въ водѣ, побрелъ я къ берегу. Выйдя къ сухому мѣсту, я оглянулся, крикнулъ стрѣлковъ; они поднялись. Я передалъ офицеру приказаніе вести ихъ къ лодкамъ, и они быстро двинулись въ ту сторону, подгоняемые ежеминутно падавшими вокругъ насъ гранатами. Чтобы убѣдиться, что никого не осталось, я подошелъ еще къ лодкамъ и увидалъ нѣсколько ружей, тесаковъ и сумокъ съ патронами, брошенныхъ моряками около шлюпокъ. Сталъ я сзывать стрѣлковъ, чтобы забрать это оружіе, но едва дозвался одного какого-то стрѣлка и самъ нагрузивъ на себя два ружья, три тесака и двѣ сумки съ патронами, поплелся къ лодкамъ...»

Между тѣмъ, Скобелевъ и Струковъ, стоя по горло въ водѣ, размѣщали по лодкамъ стрѣлковъ и моряковъ. Тутъ же были Генеральнаго Штаба штабсъ-капитанъ Сахаровъ и командиръ 54-го пѣхотнаго линейнаго полка полковникъ Мойскій. Гранаты продолжали свистать. Люди все прибывали и, въ концѣ концовъ, набралось ихъ столько, что не было никакой возможности разсадить всѣхъ. Пришлось отступать прямо пѣшкомъ по горло въ водѣ, а чтобы меньше теряѣть отъ выстрѣловъ турецкихъ орудій, приказано было разсы-

паться. Объ оставшихся еще у острова двухъ шлюпкахъ съ минами никто и не думалъ. Рѣшено было забрать ихъ на другой день, а теперь стараться, какъ можно скорѣй, доставить на свой берегъ людей. Осмотрѣвъ еще разъ островъ, генералъ Скобелевъ приказалъ флотиліи двигаться и вмѣстѣ съ Струковымъ влѣзъ въ лодку послѣднимъ. Часть Дуная, прилегающая къ острову, представила престранное зрѣлище: нѣсколько лодокъ, биткомъ набитыхъ людьми, съ трудомъ подвигались впередъ, поминутно задерживаемыя мелями и перекатами. За ними, на буксирѣ изъ связанныхъ ружейныхъ ремней, тянулись неумѣющіе плавать; по сторонамъ—настоящіе пловцы, обвязанные пробковыми матросскими поясами, и, наконецъ, кое-гдѣ еще мелькали фигуры отсталыхъ, спѣшившихъ пристроиться либо въ лодкѣ, либо, за неимѣніемъ въ нихъ мѣстъ, воспользоваться пробковымъ поясомъ, а то, такъ и ружейнымъ ремнемъ...

Кое-какъ, однако, генералъ Скобелевъ, его помощники и спасенныя имъ отъ разстрѣлянія стрѣлки и матросы достигли берега. Вдругъ, отчаянный крикъ, умоляющій о помощи, донесся до нихъ съ турецкой стороны. Догадавшись, что кто-нибудь изъ нашихъ остался на покинутомъ островѣ и сознавая, что ему грозитъ неминуемая гибель, Скобелевъ съ Струковымъ перепрыгнули въ легкую веселыную лодку и снова бросились къ острову, откуда не переставалъ раздаваться крикъ и массами неслись, на встрѣчу имъ, шипящія гранаты... Тамъ, на островѣ, дѣйствительно, оказался одинъ изъ нашихъ гвардейцевъ, матросъ Шульскій. Не желая оставлять туркамъ свое ружье, положенное

на землю во время работы, Шульскій пошелъ отыскивать его по берегу и не замѣтилъ, когда отплыли наши. Найдя затѣмъ свое ружье и не найдя лодокъ, онъ очутился совершенно одинокимъ на опустѣвшемъ островѣ. Ужасъ объялъ его. Онъ началъ усиленно звать помощь и, какъ мы видимъ, не напрасно: спасители приближались. Замѣтивъ ихъ, Шульскій бросился бѣгомъ по водѣ на встрѣчу и черезъ нѣсколько минутъ благополучно привезенъ на берегъ.

Тревожный день проходилъ. Все кончилось, сравнительно, благополучно (могло быть гораздо хуже), но не всѣ были довольны имъ. Въ маленькой комнаткѣ, въ деревнѣ Парапанъ, стоятъ другъ противъ друга двѣ кровати: одна пустая, на другой лежитъ Скрыдловъ и спокойнымъ голосомъ упрашиваетъ стоявшаго передъ нимъ, въ окровавленной рубашкѣ, Верещагина, не волноваться и поскорѣе лечь. Оба, видимо, не довольны постигшей ихъ неудачей. Разговоръ, то — затихаетъ, то—снова возвращается къ злобѣ дня.

— А что, вдругъ, «Владиміра» отвалятъ! А! Вотъ, штука-то будетъ! — восклицаетъ вдругъ Скрыдловъ, подскакивая на постели.

— Не можетъ быть!—кричитъ Верещагинъ,—«Георгія», навѣрно «Георгія»! Ты все сдѣлалъ! Чѣмъ ты виноватъ, что у тебя проводники перебило.

Начинается споръ. Скрыдловъ, по врожденной скромности нашихъ моряковъ, сомнѣвается, что сдѣланное имъ есть, дѣйствительно, подвигъ, достойный такой большой награды. Думаетъ, не упустилъ-ли онъ чего-нибудь. Верещагинъ разъубѣждаетъ. И тотъ и другой

горячатся. Входитъ докторъ и заставляетъ обоихъ разойтись по кроватямъ и успокоиться...

Такое тревожное настроеніе героя продолжалось, однако, не долго. Собравшаяся въ Парапанѣ, почти тотчасъ же послѣ боя, кавалерская дума изъ наличныхъ георгіевскихъ кавалеровъ единогласно признала его вполнѣ достойнымъ Георгіевскаго креста, который и былъ возложенъ на него, черезъ нѣсколько дней, собственноручно Государемъ Императоромъ. Посѣтивъ раненаго Скрыдлова въ госпиталѣ и надѣвая на него бѣлый крестикъ, Его Величество при этомъ сказалъ: «Вотъ тебѣ, молодецъ, тотъ крестъ, который ты такъ славно заслужилъ». Затѣмъ, обращаясь къ окружающимъ лицамъ, Государь прибавилъ: «Я радъ видѣть, что герои въ Россіи не перевелись».

Не смотря, однако, на всѣ усилія работавшихъ у Мечки моряковъ, имъ не удалось окончить въ этотъ день начатое дѣло. Неожиданное появленіе на турецкомъ берегу артиллеріи и цѣлаго баталіона пѣхоты, разстроило ихъ планы, и Дунай, между островомъ Мечкой и турецкимъ берегомъ такъ и остался не заграждennымъ. Только впослѣдствіи. черезъ 8 дней, удалось это сдѣлать Гвардейскимъ саперамъ, подъ руководствомъ поручика Гершельмана, подпоручика Злобина и лейтенантовъ Подъяпольскаго и Бартаневича. Чтобы не возвращаться къ этой мѣстности еще разъ, мы теперь же разскажемъ объ этомъ дѣлѣ. Въ ночь съ 16-го на 17 с іюня, взводъ Гвардейскихъ саперъ, подъ командой поручика Гершельмана и при подпоручикѣ Злобинѣ, вышелъ въ Дунай на пяти шлюпкахъ, на которыхъ, кромѣ саперъ, находилось еще по 7-ми человѣкъ матросовъ

Гвардейскаго экипажа. Для прикрытія работъ была назначена рота пѣхоты, размѣстившаяся въ шести небольшихъ, турецкаго фасона, лодкахъ. Вечеръ былъ чудный. Въ 10 часовъ взошла луна и яркимъ свѣтомъ освѣтила дремлющія воды Дуная. Какъ и восемь дней назадъ, сначала все шло благополучно, но лишь только шлюпки съ саперами и моряками прошли полпути и появились на открытомъ, освѣщенномъ пространствѣ рѣки, какъ изъ береговыхъ турецкихъ ложементовъ раздались выстрѣлы. Подъ гулъ этихъ выстрѣловъ, какъ-то особенно звучащихъ въ ночной тишинѣ, саперы и моряки перетащили свои шлюпки волокомъ черезъ камышевыя заросли, которыя тянулись версты на полторы. Огонь прекратился. Пользуясь этимъ, поручикъ Гершельманъ отправилъ для осмотра берега вольноопредѣляющагося унтеръ-офицера Гринева съ двумя саперами и двумя матросами. Убѣдившись, что опасности никакой нѣтъ, шлюпки были спущены въ Дунай и приказано приступить къ работамъ. Къ этому времени подошелъ и паровой катеръ «Не тронь меня». Снова раздались выстрѣлы, скоро перешедшіе въ залпы, но дѣло уже было начато, отступать отъ него не приходилось. Благодаря особенной распорядительности унтеръ-офицеровъ Безкоровайко и Гринева, ефрейторовъ Кручинина и Глазунова, и рядоваго Громова, скоро ввѣренныя имъ шлюпки выравнялись въ линію и, не смотря на быстроту теченія, укрѣпились на якоряхъ. Начали опускать мины: огонь становился все рѣже и рѣже, но при постановкѣ шестой мины снова непріятельскій берегъ заблестѣлъ тысячами перебѣгающихъ огоньковъ. Одинъ залпъ слѣдовалъ за другимъ; но

этимъ дѣло не ограничилось; вскорѣ, среди неумолкаемаго гула ихъ послышались глухіе орудійные выстрѣлы и гранаты начали ложиться близъ катера и шлюпокъ. Къ счастію, полусвѣтъ мѣшалъ туркамъ пристрѣляться и гранаты и пули ихъ неслись мимо, не задѣвая никого. Къ двумъ часамъ ночи заграждеиіе было окончено и команда возвратилась въ свой лагерь, въ Парапанъ.

Такъ блистательно закончили Гвардейскіе саперы то, чего не успѣли сдѣлать 8-го іюня моряки. Этой новой линіей заграждепія турецкіе броненосцы были заперты у Рущука и, такимъ образомъ, Систовскій мостъ съ этой стороны былъ обезпеченъ. Далѣе мы увидимъ, что было сдѣлано моряками, чтобы достигнуть того же самого съ другой стороны, т. е. сверху рѣки.

V.

Пловцы — охотники.

Какъ бы ни были малы и незначительны, по своей боевой силѣ, наши катера сравнительно съ турецкими броненосцами, тѣмъ не менѣе, они, все же, составляютъ нѣкоторую силу, съ которой возможно было отважиться на нападеніи. Совсѣмъ другое дѣло—вступить въ борьбу съ броненосцемъ, такъ сказать, одинъ на одинъ, безъ всякаго вооруженія, и даже не на шлюпкѣ, или катерѣ, а такъ, какъ есть, съ одной маленькой миной въ рукахъ. По первому взгляду, это дѣло совершенно невозможное и, если-бъ кто началъ разсказывать о подоб-

номъ предпріятіи, то, пожалуй, большинство бы подняло разскащика на смѣхъ, полагая, и не безъ основанія, что онъ, или ума рехнулся, или ужъ больно шибко завирается, какъ говорится: «вретъ безъ мѣры». А между тѣмъ, въ минувшую войну были примѣры, теперь уже всѣмъ извѣстные, когда, дѣйствительно, одинъ человѣкъ отваживался взрывать непріятельское судно. Правда, подобныя попытки, благодаря различнымъ случайностямъ, не имѣли успѣха, но ужъ одно то, что находились такіе молодцы, достойно удивленія и во всякомъ случаѣ того, чтобъ имена ихъ сдѣлались общеизвѣстными.

Вмѣстѣ со многими морскими офицерами, поступившими, по объявленіи войны, на дѣйствительную службу на суда Черноморскаго флота, былъ лейтенантъ Михаилъ Ѳедоровичъ Никоновъ,—личность чрезвычайно дѣятельная и безстрашная. Этотъ-то Никоновъ, явившись на Дунай, задумалъ примѣнить къ военнымъ цѣлямъ извѣстный плавательный снарядъ англичанина Бойтона, съ помощью котораго пловецъ очень долгое время можетъ держаться на водѣ и свободно передвигаться, безъ особенныхъ усилій, на довольно значительныя разстоянія.

Собравъ вокругъ себя человѣкъ 15 такихъ же молодцовъ, какъ самъ, Никоновъ задумалъ съ ними предпринять цѣлый рядъ развѣдокъ Дуная, то—съ цѣлью отысканія вражескихъ судовъ, то—для осмотра береговъ, острововъ, устьевъ рѣки и проч. Такой способъ развѣдокъ былъ удобенъ, во 1-хъ, потому, что одному или двумъ пловцамъ всегда возможно пробраться скрытно въ самыя потаенныя мѣста, а во 2-хъ, что подоб-

ные развѣдчики, въ случаѣ открытія ихъ, представляютъ гораздо меньшую цѣль для непріятельскихъ пуль и гранатъ, чѣмъ самый маленькій челнокъ и, слѣдовательно, подвергаются меньшей опаспости.

Не довольствуясь, однако, одними развѣдками, лейтенантъ Никоновъ, подстрекаемый славнымъ примѣромъ Шестакова и Дубасова, рѣшился попытать счастья —взорвать турецкій броненосецъ ручной миной. Съ этою цѣлью, однажды, надѣвъ на себя плавательный снарядъ и прицѣпивъ мину, онъ отправился на поиски. Дѣло было къ ночи. Отважный пловецъ, искусно пробираясь между острововъ и камышевыхъ зарослей, незамѣтпо приблизился къ турецкому берегу и гдѣ-то, недалеко отъ города Тульчи, запримѣтилъ огромный турецкій броненосецъ. Едва справляясь съ быстрымъ теченіемъ, Никоновъ приготовилъ свою ручную мину и началъ держать прямо на броненосца. Однако, сила теченія оказалась выше его силъ. Сколько ни старался пловецъ побороть его, оно неудержимо несло его мимо корабля, безмятежно качавшагося на мелкой зыби заснувшей рѣки... Когда Никоновъ увидѣлъ, что не въ силахъ справиться съ упрямымъ теченіемъ, и что корпусъ корабля, за минуту передъ тѣмъ бывшій отъ него всего въ 3 — 4 саженяхъ, остается позади, онъ, измученный борьбой, отдался въ полную волю этого теченія и, проплывъ верстъ 30 по рѣкѣ, прибился къ какому-то полузатопленному острову. Опасаясь, чтобы наступающій разсвѣтъ не засталъ его на водѣ, Никоновъ провелъ на островѣ остатокъ ночи и весь слѣдующій день, а когда снова сдѣлалось темно, благополучно возвратился на берегъ.

Въ другой разъ, именно, въ ночь съ 10-го на 11-е іюня, лейтенантъ Никоновъ, совмѣстно уже со своей маленькой командой, запялъ, безъ боя, турецкій укрѣпленный городъ Мачинъ, гдѣ еще наканунѣ стояли турецкія войска и стрѣляли по лейтенанту Дубасову.

Лейтенантъ Никоновъ.

Дѣло это, не сложное по исполненію, отлично рисуетъ тотъ, по истинѣ замѣчательный, духъ предпріимчивости, который, искони вѣковъ, присущъ нашимъ

морякамъ, и который, въ описываемую ночь, позволилъ горсти храбрецовъ пробраться къ укрѣпленному непріятельскому городу, не смотря на ожидавшія ихъ на каждомъ шагу опасности. Очевидецъ этого событія разсказываетъ о немъ такъ: «Послѣ переправы русскихъ войскъ у Галаца и боя на Буджакскихъ высотахъ, турки отступили къ городу Мачину. Это было 10-го іюня. Въ ту же ночь, какіе-то молдаване извѣстили Никонова, что городъ Мачинъ очищенъ турками. Желая лично провѣрить это извѣстіе, Никоновъ тотчасъ же собралъ свою команду, сѣлъ съ нею въ легкіе челноки и двинулся черезъ Дунай. Городъ оказался, дѣйствительно, пустъ. Не долго думая, Никоновъ вышелъ на берегъ, осмотрѣлся и расположился провести ночь, какъ дома, въ тѣхъ самыхъ казармахъ, изъ которыхъ только-что ушли турки. Ночью смѣльчаковъ-охотниковъ никто не потревожилъ на новосельи, но лишь стало свѣтать, они замѣтили приближающійся къ берегу русскій катеръ. То былъ лейтенантъ Шестаковъ на катерѣ «Царевичъ», прибывшій навѣстить своихъ товарищей. Поздравивъ Никонова съ благополучнымъ занятіемъ города, Шестаковъ поспѣшилъ водрузить на немъ русскій флагъ и тотчасъ же возвратился въ Браиловъ, донесъ обо всемъ видѣнномъ начальству. Въ тотъ же день, опустѣвшія улицы города Мачина оживились прибытіемъ Бородинскаго полка и, такимъ образомъ, русскія войска утвердились въ одномъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ праваго берега Дуная.

Въ воздаяніе безстрашныхъ подвиговъ лейтенанта Никонова, не разъ доставлявшаго драгоцѣнныя свѣдѣ-

нія, Государь Императоръ, черезъ два дня послѣ описаннаго событія (13-го іюня), Всемилостивѣйше пожаловалъ ему золотую саблю, съ надписью: «за храбрость».

VI.

Атака мичманомъ Ниловымъ и гардемариномъ Аренсомъ турецкаго броненосца «Подгорица», близъ Фламунды.

Описывая постановку моряками минныхъ заграждений 8-го іюня, мы остановились на томъ, что флотилія капитана Новикова, извѣщенная генераломъ Скобелевымъ о появленіи на непріятельскомъ берегу свѣжихъ турецкихъ силъ, поспѣшно оставила островъ Мечку и, раздѣлившись на двѣ части, пошла: одна — къ Румынскому берегу, другая — вверхъ по Дунаю, имѣя въ виду поставить минныя заграждения выше города Зимницы. На одномъ изъ катеровъ этой части флотиліи былъ самъ капитанъ Новиковъ.

Лишь только катера и шлюпки разошлись въ разныя стороны, съ непріятельскаго берега прогремѣлъ первый орудійный выстрѣлъ. Это дало нашимъ знать, что конная турецкая батарея заняла уже позицію. За первымъ орудійнымъ выстрѣломъ вскорѣ послѣдовалъ второй и третій, а потомъ затрещала и частая ружейная пальба. Очевидно, главная масса турецкаго свинца предназначалась морякамъ, открыто продолжавшимъ идти вверхъ по рѣкѣ, къ мѣсту новаго назначенія. Однако, этотъ бѣшеный огонь для моряковъ былъ уже не новъ: за весь день, они на столько успѣли уже прислушаться къ свисту пуль, что теперь самые юные

изъ нихъ преспокойно продолжали дѣлать свое дѣло. Правъ былъ капитанъ Новиковъ, когда, отправляясь къ Мечкѣ, сказалъ мичману Нилову: «только первая пуля страшна: пагнешься — не бѣда, а вторая уже ни почемъ». Турокъ, отлично видѣвшихъ спокойное шествіе моряковъ, должно было страшно бѣсить это равнодушіе къ ихъ жестокому огню, и, по временамъ, какъ бы въ порывѣ безсильной злобы, онѣ усиливали его до невѣроятныхъ размѣровъ.

Случилось такъ, что въ одну изъ подобныхъ минутъ страшнаго развитія огня, капитанъ Новиковъ замѣтилъ, что не достаетъ двухъ катеровъ—Персина и Аресса, назначенныхъ первоначально къ Тудэру, въ Парапанъ, но, затѣмъ, долженствовавшихъ слѣдовать за Новиковымъ. Какъ оказалось впослѣдствіи, это вторичное распоряженіе не было передано ни Персину, ни Аресу, и потому они преспокойно присоединились къ капитану Тудэру. Новикову теперь дорогъ былъ каждый катеръ. Онъ съ нетерпѣніемъ поджидалъ отставшихъ, и чѣмъ дальше уходилъ, тѣмъ сильнѣе выражалось его безпокойство.

Между тѣмъ, ничего не вѣдавшіе о перемѣнѣ въ ихъ назначеніи, Персинъ и Аресъ, какъ уже сказано, направились за капитаномъ Тудэромъ, соболѣзнуя въ глубинѣ души о своей неудачѣ попасть въ отрядъ Новикова, гдѣ ожидалось хорошее дѣло. Разсуждая такъ и думая въ то же время, что «нѣтъ худа безъ добра» и что, быть можетъ, благодаря только этому распоряженію, можно надѣяться выбраться изъ адскаго огня невредимымъ, Аресъ вдругъ услышалъ громкій голосъ Тудэра, шедшаго впереди:

— Аренсъ! Зачѣмъ же вы идете съ нами? Ступайте къ Новикову!

— Какъ?! Вѣдь я въ вашемъ отрядѣ...—изумился Аренсъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! Развѣ вамъ не передали новаго распредѣленія? Ступайте сейчасъ же къ Новикову вверхъ и передайте то же Перепну!

Дѣлать нечего; пришлось возвращаться назадъ и во второй разъ продѣлать ту же прогулку по рѣкѣ, только уже не по теченію, которое способствовало скорѣйшему выходу изъ огня, а противъ него.

— Смирно! Право на бортъ! — крикнулъ Аренсъ командѣ, невольно смущаясь предстоящей прогулкой въ одиночествѣ.

Однако, охватившее его на минуту невеселое чувство, не отразилось ни въ чемъ: голосъ его звучалъ громко и, привыкшіе къ повиновенію, матросы немедленно исполнили приказаніе: катеръ повернулъ и пошелъ вверхъ по рѣкѣ. По пути, Аренсъ передалъ полученное приказаніе Перепну, который шелъ позади. Въ это время, Новиковъ, съ своими катерами, былъ уже далеко впереди; его и слѣдъ простылъ. Приходилось, слѣдовательно, догонять и снова подставлять себя подъ градъ непріятельскихъ пуль и гранатъ, начинавшій-было замѣтно ослабѣвать. Дѣйствительно, турки, замѣтивъ появленіе отставшихъ катеровъ, тотчасъ же подняли бѣшеную стрѣльбу. Одна изъ гранатъ, предназначавшаяся, вѣроятно, для моряковъ, съ трескомъ хватила неподалеку, въ оставленную ими у острова Мечки шлюпку и разщепила ее въ дребезги. Всѣ невольно сняли шапки и перекрестились.

«На четверть дюйма ниже—тутъ бы мнѣ и шабашъ!»—промелькнуло въ головѣ Арепса, вспомнившаго, въ эту минуту, слова Виноградова, показывавшаго ему свою прострѣлянную фуражку, послѣ атаки Скрыдлова.

Къ довершенію бѣды, «Варягъ», на которомъ былъ Арепсъ, не отличался быстроходностью и очень медленно подвигался впередъ, съ трудомъ преодолѣвая теченіе. Когда же, наконецъ, послѣ долгихъ усилій, ему удавалось выбраться изъ подъ адскаго огня, турецкая батарея, заскакавъ впередъ, снова принималась громить его, продѣлывая этотъ маневръ каждый разъ, какъ только катеръ появлялся у нея на виду. Однако, ни убитыхъ, ни раненыхъ пока не было. «Но, Боже мой, сколько мы пережили въ эти нѣсколько часовъ!...—говоритъ Арепсъ.—Опасность отъ непріятельскаго огня увеличивалась еще опасностью заблудиться въ этой огромной рѣкѣ, усѣянной множествомъ острововъ и дѣлящейся часто на множество рукавовъ. Какъ ни жутко, иногда, приходилось мнѣ самому, я не позволялъ себѣ спускаться подъ блиндажъ даже и тогда, когда смѣнялъ меня на рулѣ унтеръ-офицеръ. Этимъ, какъ мнѣ казалось, я значительно поддержалъ свое вліяніе на команду, физически и нравственно утомленную передрягами настоящаго дня и мучительною неизвѣстностью относительно близкаго будущаго».

Непріятное положеніе молодаго начальника еще болѣе увеличивалось отъ того, что сотоварища его, мичмана Перепна, не было не близости. Онъ застрялъ у острова Мечки и не двигался съ мѣста. Поджидая его, Арепсъ, одно время, останавлялъ даже ходъ, но напрасно: катеръ

Персина, вѣроятно, вслѣдствіе какой-нибудь неисправности въ машинѣ, по прежнему, стоялъ, прижавшись къ лѣвому берегу Мечки. Новикова также не было видно. Впереди разстилалась, залитая солнцемъ, водная поверхность Дуная и, то—расширяясь, то—съуживаясь, пропадала въ зеленѣющихъ живописныхъ берегахъ. .

Погруженный въ созерцаніе окружающей природы, Аресъ былъ выведенъ изъ задумчивости радостнымъ восклицаніемъ матросовъ:

— Наши! Ваше благородіе, наши катера!

Впереди, дѣйствительно, показалось нѣсколько дымковъ. «На міру и смерть красна»,—пронеслось въ мысляхъ, обрадованной до-нельзя, команды.—«Что бы тамъ ни было, а теперь не одни!»—подумалъ также Аресъ, вздохнувъ свободнѣе.

Первый вопросъ, который задалъ Новиковъ Аресу, былъ: «Гдѣ Персинъ?»—Аресъ разсказалъ, что зналъ. Затѣмъ, передалъ подробно о своихъ приключеніяхъ и, такъ какъ былъ крайне утомленъ и изнуренъ всѣмъ перенесеннымъ, то съ наслажденіемъ воспользовался любезнымъ предложеніемъ Новикова—закусить. Въ продолженіи этого краткаго отдыха, вновь соединившіеся товарищи обмѣнялись между собой впечатлѣніями только-что пережитаго. Всѣ были крайне утомлены не столько непосильнымъ боемъ, какъ стоящей весь день ужасающей жарой. Подъ желѣзными навѣсами блиндажей, укрывавшими отъ пуль, въ машинномъ отдѣленіи и даже просто на открытомъ воздухѣ—невозможно было дышать. Потъ градомъ струился съ изнуренныхъ лицъ моряковъ, глаза слипались отъ летѣвшаго изъ трубъ мелкаго угля, а на душѣ, тяжелымъ камнемъ,

лежала невыполненная еще обязанность. Поэтому, наскоро закусивъ, флотилія немедленно двинулась далѣе. На случай встрѣчи по пути съ какимъ-нибудь непріятельскимъ судномъ, капитаномъ Новиковымъ было дано слѣдующее наставленіе: катерамъ: «Шуткѣ» и «Минѣ»—атаковать; «Варягу» и «Первенцу» — поддерживать атаку, а «Генералъ-Адмиралу» — быть въ резервѣ.

Было около 4—5 часовъ пополудни, когда съ флотиліи замѣтили, идущій навстрѣчу, небольшой турецкій пароходъ. Капитанъ Новиковъ хотѣлъ-было тотчасъ же атаковать его, но вскорѣ раздумалъ и, отойдя немного назадъ, выбралъ для катеровъ лучшую позицію въ узенькомъ проливчикѣ, раздѣлявшемъ островъ Батинъ на двѣ неравныя половины. Пароходъ, успѣвшій тѣмъ временемъ замѣтить катера, также перемѣнилъ первоначальное направленіе и скоро скрылся за деревьями острова. Нѣсколько минутъ и съ той и съ другой стороны хранилось гробовое молчаніе. Противники какъ бы соображали планъ дѣйствій. Вдругъ, раздался орудійный выстрѣлъ и нѣсколько десятковъ картечныхъ пуль защелкало по древеснымъ стволамъ. Моряки, однако, не смутились знакомой продѣлкой непріятеля и спокойно ожидали появленія его изъ-за острова. Прошло нѣсколько времени. Еще и еще прогремѣли выстрѣлы, еще и еще провизжала картечь и съ шумомъ попадала въ воду. Вслѣдъ за этимъ, темный корпусъ парохода вышелъ изъ-за деревьевъ...

Выполняя заранѣе составленный планъ, капитанъ Новиковъ—на «Минѣ», а за нимъ и мичманъ Пиловъ—на «Шуткѣ» двинулись впередъ, но скоро принуждены

были отойти, потому что на «Мишѣ» упалъ паръ, а у «Шутки» лопнула рулевая цѣпь. Впереди, такимъ образомъ, очутились три тихоходные катера, на которые и обратилъ пароходъ все свое вниманіе. Конечно, при такихъ обстоятельствахъ, объ атакѣ нечего было и думать. Нужно было заботиться только о томъ, какъ бы самимъ не попасть въ руки непріятеля живьемъ. Во избѣжаніе этой опасности, катера не отступили по прямой линіи, а бросились въ проливчикъ. Пароходъ, дѣйствительно, не рискнулъ идти вслѣдъ за ними, но снова обогнулъ островокъ и, въ нѣсколько оборотовъ колесъ, нагналъ ихъ уже въ правомъ рукавѣ. Арепсъ шелъ впереди и потому ему еще не такъ попало, но на спасеніе остальныхъ надежда была плоха: они почти не двигались противъ стремительнаго теченія, и пароходъ, поворачиваясь то — лѣвымъ, то — правымъ бортомъ, стрѣлялъ въ нихъ, какъ въ неподвижную мишень... Какъ ужъ удалось несчастнымъ катерамъ уйти изъ подъ адскаго огня и присоединиться къ своимъ товарищамъ — этого никто не могъ понять. Все случилось какъ-то само собой, неожиданно и непостижимо счастливо для нашихъ, ибо турки не только не воспользовались своимъ преимуществомъ, но, мало-по-малу, прекратили стрѣльбу и исчезли изъ вида.

День клонился къ вечеру. Палящая жара начинала спадать, съ рѣки потянуло пріятной прохладой. Солнце уже закатилось, но на возвышеніяхъ непріятельскаго берега еще трепещатъ послѣдніе лучи его. Рѣка у береговъ замѣтно потемнѣла. Еще нѣсколько минутъ — и въ голубой небесной выси зажглись двѣ-три ранпія звѣздочки. Катера, по прежнему, про-

должали двигаться вверхъ по рѣкѣ и скоро пропали въ наступившей темнотѣ; турецкій огонь, такъ безпощадно преслѣдовавшій ихъ въ теченіи цѣлаго дня, сдѣлался не страшенъ. Моряки имѣли теперь возможность отдохнуть и отъ него, и отъ жары, и хотя немного освѣжить себя сномъ.

На разсвѣтѣ, однако, старая исторія повторилась. Въ это время, флотилія проходила мимо одной турецкой караулки, построенной на берегу. Вездѣ было тихо. Небо чуть-чуть побѣлѣло. Вдругъ, въ окнѣ караулки вспыхнулъ зловѣщій огонекъ... На катерахъ мгновенно встрепенулись. Въ первую минуту, спросонья, никто не могъ понять въ чемъ дѣло. Но вотъ, пули начали свистать чаще и одна изъ нихъ громко щелкнула въ машину катера «Варягъ», на которомъ находился Аренсъ.

— Что тамъ такое опять?—спросилъ съ досадой Аренсъ, съ трудомъ раскрывая глаза.

— Пуля, ваше благородіе, у котла шлепнулась!— отвѣтилъ машинистъ, подавая кусочекъ свинцу.

Появленіе непріятной гостьи въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ разогнало остатокъ сладкаго сна. Аренсъ всталъ и усѣлся на кормѣ, рядомъ съ унтеръ-офицеромъ. Въ караулкѣ снова показался дымокъ и въ то же мгновеніе другая пуля, пронзительно «дзыкнувъ», вилась въ кормовой мишный шестъ, подвѣшенный чуть-чуть ниже того мѣста, на которомъ сидѣли Аренсъ и унтеръ-офицеръ.

— Видно, Богъ смерти не дастъ!... Ловко бы прохватило насъ обоихъ, ваше благородіе, — замѣтилъ серьезно унтеръ-офицеръ, осматривая сквозную про-

бонну въ шестѣ и обожженый слѣдъ на обшивкѣ катера, и раза три набожно перекрестился.

Это маленькое происшествіе было, однако, первымъ и послѣднимъ въ этотъ день, ибо флотилія приближалась уже къ городу Зимницѣ, гдѣ предполагалась остановка. Еще издали моряки замѣтили на берегу солдатъ и офицеровъ различныхъ войскъ, собравшихся поглядѣть на дорогихъ боевыхъ товарищей. Здѣсь еще разъ моряки имѣли случай убѣдиться, какою общею любовью пользовались они средп войскъ. Каждый спѣшилъ угостить рѣдкихъ гостей чѣмъ Богъ послалъ и, такимъ образомъ, Новиковъ и его храбрые товарищи могли вполнѣ отдохнуть, въ пріятной компаніи, отъ пережитыхъ наканунѣ треволненій. Вечеромъ въ Зимницу пріѣхалъ Великій Князь, Главнокомандующій, и посѣтилъ моряковъ. Его Высочеству было уже извѣстно дѣло у Парапана, но все же онъ особенно внимательно выслушалъ разсказъ участниковъ о его подробностяхъ, при чемъ капитанъ Новиковъ особенно лестно отозвался объ офицерахъ.

Съ наступленіемъ ночи, снова бодрые и веселые, моряки двинулись въ дальнѣйшій путь. Рядомъ съ ними, вдоль берега, шли стрѣлки и пластуны. На обязанности ихъ лежало охраненіе флотиліи отъ нечаянныхъ нападеній. Ночь была лунная, свѣтлая. По временамъ, то—съ берега отъ стрѣлковъ, то—съ катеровъ раздавались условные сигналы, что придавало путешествію особенно таинственный характеръ и заставляло усиленно работать воображеніе. Зашелеститъ-ли въ тростникахъ, плеснетъ-ли рыба, прорѣжетъ-ли воздухъ запоздалая птица—всѣ уже на сторожѣ: вотъ-вотъ, вы-

скачетъ засада, затрещатъ выстрѣлы, заблестятъ кривые ятаганы—и пошла писать... Нѣсколько разъ морякамъ мерещились подобные ужасы, нѣсколько разъ замедляли они ходъ, чтобы приглядѣться къ какому-нибудь неясному предмету, или прислушаться къ подозрительному шороху, но все, благодаря Бога, обошлось благополучно. Ночь прошла спокойно. На другой день, часовъ около 3-хъ пополудни, флотилія пристала къ берегу, запастись углемъ, а часа въ 4 со стороны Никополя показался турецкій броненосецъ и, встрѣченный огнемъ съ береговыхъ батарей, началъ поспѣшно спускаться къ тому мѣсту, гдѣ стояли моряки. Замѣтивъ вовремя появленіе судна, моряки приготовились по своему встрѣтить его, но это имъ не удалось, ибо судно перемѣнило быстро направленіе и прошло стороной.

Къ ночи, капитанъ Новиковъ и его спутникъ достигли, наконецъ, мѣста своего назначенія и расположились на отдыхъ у Волчьяго острова, насупротивъ деревни Фламунды. Это было 10-го іюня. Въ три дня флотилія прошла по рѣкѣ около 75-ти верстъ, выдержала жаркое дѣло у острова Мечки; но на этомъ дѣятельность ея еще не окончилась. На слѣдующій же день она должна была подняться нѣсколько выше и поставить минное заграждение у *Карапи*. Однако, изъ разспросовъ находившихся здѣсь войскъ, оказалось, что пройти по Дунаю мимо крѣпости Никополя нѣтъ никакой возможности, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ рѣка значительно съуживается и обстрѣливается съ береговой турецкой батареи, расположенной почти у самой воды.

Въ виду этого, капитанъ Новиковъ рѣшилъ отправить въ Карабію сухимъ путемъ, на подводахъ, два катера и, съ помощью находившихся уже тамъ моряковъ и гвардейскихъ саперъ, лично поставить заграждепіе. Ночь прошла въ предварительныхъ распоряженіяхъ и приготовленіяхъ. Наступило знаменитое и для многихъ моряковъ памятное утро 11-го іюня. Уже съ восходомъ солнца, безоблачное небо и неподвижный воздухъ предвѣщали знойный день. Туманъ упалъ. Красавица рѣка, спокойная, величественная, заискрилась въ яркихъ лучахъ солнца. Нѣкоторые моряки поспѣшили освѣжить себя въ ея прохладныхъ волнахъ и беззаботно, залѣзши въ воду по самое горло, наслаждались утреннимъ купаньемъ. Однако, удовольствіе это было непродолжительно. Начальникъ отряда потребовалъ къ себѣ офицеровъ.

— Господа!—обратился онъ къ Нилову и Аренсу [*]),

---

*) Теперь время познакомить поближе читателей съ нашими юными героями, которые, не смотря на свою молодость и неопытность, безъ малѣйшаго колебанія взялись исполнить важное порученіе и исполнили его съ такимъ умѣньемъ и самоотверженіемъ, на которое способенъ только закаленный въ битвахъ морякъ. Молодость и безграничная отвага, бьющая ключомъ въ жилахъ кровь, сдѣлали у нихъ то, чего другіе достигаютъ опытностью и разсудительностью.

Небольшой ростъ, разсѣянный и слегка задумчивый взоръ мичмана Нилова, по первому взгляду не обличаетъ въ немъ присутствія такихъ душевныхъ качествъ, которыя необходимы истинному герою; но подъ мягкой внѣшностью таился твердый духъ и ждалъ только случая, чтобы проявить себя въ полномъ блескѣ и славѣ. То же можно сказать и про гардемарина Аренса. По его внѣшнему виду такъ же нельзя было угадать въ немъ героя. Что касается прошедшаго Нилова и Аренса, то оба они получили воспитаніе въ Морскомъ училищѣ, оба были выпущены въ Гвардейскій экипажъ и только не задолго до войны оставили школьную скамью. Ко дню знаменитаго боя, старшему изъ нихъ, мичману Нилову, былъ 21 годъ, а гардемарину Аренсу, вѣроятно и того меньше.

когда всѣ собрались;—возьметесь-ли вы атаковать всякое непріятельское судно, пытающееся пройти вверхъ, чтобы оно не могло мнѣ помѣшать въ постановкѣ верхняго заграждения?

— Конечно, возьмемся!—отвѣчали оба въ одинъ голосъ, довольные такимъ важнымъ порученіемъ.

— Такъ выберите же себѣ лучшіе катера и людей и будьте готовы принять бой хотя бы и съ нѣсколькими судами. Нилову, какъ старшему, я поручаю начальство. Не теряйте времени и принимайтесь за работу.

— Неужели, будемъ опять атаковать турокъ?—спросилъ Нилова подпоручикъ Луговой, когда Новиковъ закончилъ свое слово.

— Отчего же нѣтъ, если подвернется!— отвѣтилъ тотъ и принялся дѣлать соотвѣтствующія распоряженія.

Себѣ онъ взялъ «Шутку», на которой находился Гвардейскаго экипажа инженеръ-механикъ, прапорщикъ Болеславскій; гардемарину Аренсу поручилъ «Мину». съ механикомъ, подпоручикомъ Луговымъ; катеръ «Первенецъ», подъ командой унтеръ-офицера Иванова, былъ назначенъ въ резервъ. Остальные два катера: «Генералъ–Адмиралъ» и «Варягъ» въ это время грузились уже на подводы, для отправленія ихъ въ Карабію. Около нихъ суетился мичманъ Качаловъ.

Команда на катерахъ Нилова и Аренса состояла изъ 7-ми человѣкъ, вооруженныхъ ружьями и револьверами. Для атаки имѣлись мины. На катерѣ «Мина»— одна носовая и двѣ кормовыхъ; на «Шуткѣ» — только крылатая, ибо носовая была утеряна въ бою 8-го іюня.

— Теперь, Арепсъ, можемъ разойтись по своимъ катерамъ и ожидать появленія гостя!—обратился Ниловъ къ своему товарищу, окончивъ всѣ распоряженія.— А что гость съ какой-нибудь стороны да появится,—

Мичманъ Ниловъ.

добавилъ онъ вслѣдъ, — въ этомъ я не сомнѣваюсь, потому что турки за послѣднее время усвоили себѣ привычку прогуливаться взадъ и впередъ по рѣкѣ и наблюдать за нашими дѣйствіями.

Арешъ вполнѣ согласился съ предложеніемъ Нилова. Оба начали ждать, съ понятнымъ нетерпѣніемъ посматривая на рѣку. Но прошло довольно много времени, а вокругъ, по прежнему, было все тихо, даже, какъ будто, сдѣлалось тише: волны катились; лѣнивый, слабый, однообразный плескъ ихъ о берега острова успѣлъ прислушаться; ни въ раскаленномъ, неподвижномъ воздухѣ надъ рѣкой, ни въ тѣнистыхъ зарослях острова— ни звука: точно замерло все, засыпало, попряталось отъ полдневнаго жара. Отъ скуки, моряки принялись уже, было, за чай; вдругъ, Нилов получаетъ отъ генерала Лесова записку, въ которой значилось: «Съ постовъ получено извѣстіе, что со стороны Рущука идетъ турецкій броненосецъ. Приготовьтесь!...» Моряки встрепенулись. Катера тотчасъ отвалили и, подойдя вплотную къ румынскому берегу, выстроились гуськомъ, за мысомъ. Впереди сталъ Арешъ, за нимъ Нилов и, наконецъ, унтеръ-офицеръ Ивановъ. Сейчасъ же за ними, на возвышенномъ берегу, помѣстились четыре орудія 15-й конной батареи, подъ командой штабсъ-капитана Коломейцева, а почти у самой воды, за кустами и камнями, залегли нѣсколько человѣкъ казаковъ № 8-го полка, составлявшіе прикрытіе флотиліи.

Спрятавшись, такимъ образомъ, отъ непріятеля за мысомъ, моряки рѣшили ждать здѣсь непріятеля, а чтобы дѣло вышло вѣрнѣе, — заранѣе сговорились между собой, артиллеристами и казаками, какъ и когда кому дѣйствовать. На этомъ совѣщаніи рѣшено было: 1) когда броненосецъ будетъ на мушкѣ лѣваго крайняго орудія нашей батареи, оно сдѣлаетъ по немъ первый выстрѣлъ; 2) этотъ выстрѣлъ послужитъ морякамъ

сигналомъ для атаки; 3) какъ артиллерія, такъ и стрѣлки должны сейчасъ же открыть возможно частый огонь, стараясь, до приближенія катеровъ къ броненосцу, подбить ему трубу, винтъ, или руль, и прогнать съ палубы команду; 4) катеръ Аренса, какъ имѣющій посовую мину, первымъ бросается въ атаку, съ цѣлью ударить въ правый бортъ броненосца; 5) «Шутка» идетъ на нѣкоторомъ разстояніи, позади и, обрѣзавъ броненосцу носъ, свою лѣвую, крылатую, мину подводитъ подъ его лѣвый бортъ, и 6) «Первенецъ» долженъ держаться подъ парами не вдалекѣ отъ мѣста боя, чтобы оказывать атакующимъ необходимую помощь (спасать тонущихъ людей, выводить тонущій, или совершенно разбитый катеръ и пр.), въ случаѣ же неудачи, во что бы то ни стало, поддерживать атаку.

Кромѣ того, каждый изъ начальниковъ сдѣлалъ соотвѣтствующія наставленія своимъ подчиненнымъ.

— Ну, молодцы, на Бога надѣйся, а самъ не плошай! — закончилъ Аренсъ свое наставленіе морякамъ, которые должны были первыми броситься въ атаку.

Молодцы повеселѣли и впились глазами вдаль, откуда ожидался броненосецъ.

— А довольно-ли у насъ пару?—обратился вслѣдъ за симъ Аренсъ къ своему механику.

— Сейчасъ нагонимъ до ста-шестидесяти.

— Ого! Богатый ходъ будетъ...

***

Было около 4-хъ часовъ. Изъ-за острова Белино показался подозрительный дымъ, но черезъ нѣсколько времени началъ какъ бы рѣдѣть и удаляться; вскорѣ,

однако, опять замѣтно приблизился къ верхней части острова. Хотя самаго корабля не было еще видно, но по дыму можно было догадаться, что онъ высматриваетъ и чего-то выжидаетъ.

Моряковъ начинало разбирать нетерпѣніе. На оживленныхъ лицахъ было замѣтно то особенное волненіе, которое, обыкновенно, охватываетъ человѣка передъ боемъ. Прошло еще нѣсколько времени въ неопредѣленномъ положеніи; вдругъ, черный, густой дымъ неожиданно очутился у самой оконечности острова и сѣрая масса броненосца плавно выползла изъ-за деревьевъ. Въ ту же минуту раздался первый сигнальный выстрѣлъ.

— По мѣстамъ!—крикнулъ Аресъ своей командѣ и перекрестился; за нимъ перекрестилась и команда.

— Полный ходъ! — послышалась вслѣдъ за симъ новая команда,—и катеръ стрѣлой выскочилъ изъ-за мыса.

Что произошло затѣмъ, узнаемъ изъ собственнаго разсказа храбраго бойца, чрезвычайно живо описавшаго ходъ и впечатлѣнія своего перваго боеваго подвига.

«Чтобы удобнѣе было управлять въ одно время рулемъ, машиной и минами,—разсказываетъ гардемаринъ Аресъ, — я взобрался на одинъ изъ большихъ минныхъ буйковъ, лежавшихъ въ кормовой части. Гигантскимъ зеркаломъ лежалъ передо мной, залитый солнечнымъ свѣтомъ, Дунай; катеръ быстро мчался, легко разрѣзывая его гладкую поверхность и оставляя на ней длинный бѣлѣсоватый слѣдъ. Почти вплотную у самаго турецкаго берега, шелъ среднимъ ходомъ мониторъ. Первоначальное разстояніе до него (около

500—600 сажень) незамѣтно уменьшилось вдвое и, среди визжанья картечи, все чаще и чаще слышалось пронзительное пѣніе пуль. Принявъ во вниманіе очень сильное теченіе, я приказалъ Бѣлову (унтеръ-офицеръ) держать выше носа монитора и самъ зорко слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ этого приказанія. Когда «Мина» подошла на столько близко къ непріятелю, что даже можно было хорошо различить физіономіи столпившихся на кормѣ турокъ, то они, давъ залпъ изъ ружей, дрогнули и съ отчаяннымъ крикомъ «алла! алла!», бросились бѣгомъ на носъ. Наученный опытомъ Скрыдлова, я, признаюсь, приготовился къ такой безпадежной паникѣ и именно думалъ ею воспользоваться для нанесенія смертельнаго удара; но, видно, не судьба была! Замѣтивъ выдвинутый съ праваго борта шестъ съ миной, я немного приспустился и такъ близко подошелъ къ кормовой раковинѣ, что у меня почти уже сорвалось съ языка: «рви!» Какъ вдругъ, матросъ Пивпевъ крикнулъ мнѣ:

«— Ваше благородіе, шестъ перебило! Мины нѣтъ!

«— Какъ перебило! Гдѣ же мина? — почти задыхался я отъ досады, теперь лишь вспомнивъ, что, дѣйствительно, только-что упалъ передъ самымъ носомъ какой-то снарядъ.

«— Она у насъ подъ катеромъ; не вытащить: теченіемъ больно подтянуло!...

«Въ это время, турки, замѣтивъ наше опасное положеніе и оправившись отъ паническаго страха, снова перебѣжали на корму и открыли по катеру убійственный ружейный огонь, такъ какъ для орудійнаго дистанція была уже черезъ-чуръ мала. Тогда же ранили

въ ногу на вылетъ моего кочегара Бобкова, который, какъ мнѣ самъ послѣ разсказывалъ, и не замѣтилъ сгоряча этой раны.

«— Лѣвую, крылатую, за бортъ!—скомандовалъ я.— Бѣловъ, держи выше раковины; не спускайся!

«— Есть! Ничего, ничего ваше благородіе. Идетъ впередъ! — ободрялъ бравый рулевой, безсознательно отмахиваясь руками отъ пуль, словно отъ назойливыхъ мухъ.

«Онъ сидѣлъ въ особой желѣзной будкѣ, какъ двѣ капли воды, похожей на суфлерскую *), но она не была покрыта угольными мѣшками и притомъ защищала его до тѣхъ поръ, пока катеръ не повернулъ носомъ противъ теченія; когда же это случилось, въ его будку сразу посыпалась куча турецкихъ гостинцевъ.

«Между тѣмъ, оправившись отъ одной бѣды и возобновивъ атаку буксирной миной, я потерпѣлъ новую неудачу: паръ въ котлѣ совершенно упалъ. Еще раньше, въ самый разгаръ боя, мое привычное ухо замѣтило, что въ машинѣ что-то не ладно, но, занятый минами, я тогда не обратилъ на это должнаго вниманія. Когда же катеръ, завернутый буксирной миной и стремительнымъ теченіемъ, сталъ все больше и больше отставать отъ удиравшаго монитора, въ то время дѣло было уже совсѣмъ плохо.

«— Полный ходъ! Полный ходъ! — кричалъ я, все еще не теряя надежды взорвать врага крылатой миной.

---

*) Суфлерская будка устраивается въ театрѣ, на сценѣ; въ ней сидитъ человѣкъ, подсказывающій актерамъ ихъ роли.

Схватка Мичмана Нилова съ турецкимъ пароходомъ.

«— Евгеній Ивановичъ, пару нѣтъ! Всего тридцать фунтовъ!—отвѣтилъ мнѣ Луговой, высунувшись изъ подъ блиндажа.

«Я не помнилъ себя отъ досады. Въ эту минуту, я совершенно забылъ о туркахъ, продолжавшихъ осыпать насъ пулями, и только постоянно кричалъ въ машину:

«— Пошевеливай въ топкѣ! Паклп сальной подбрось! Не жалѣй сала!

«Въ машинѣ засуетились.

«— Сколько пару?—спросилъ я черезъ нѣсколько минутъ.

«— Двадцать-четыре фунта! Все убываетъ! — послышался голосъ механика.

«Я загляпулъ подъ блиндажъ и, Боже мой, что тамъ дѣлалось! Стукъ машины, шумъ пара, страшная жара, помнпутное щелканье пуль о блиндажъ и борта, и, среди всего этого хаоса, какія-то ужасныя, покрытыя пóтомъ и сажей, лица!... Луговой, съ засученными по локоть рукавами, пагнулся къ крану и въ тотъ же моментъ пуля задѣла мѣдную трубу надъ самой его головой. «Вовремя пагнулся», — промелькнуло у меня въ головѣ».

* * *

Видя неудачу своего храбраго товарища, мичманъ Ниловъ выскочилъ впередъ и, подъ страшнымъ огнемъ, полетѣлъ прямо на броненосецъ, намѣреваясь поразить его миной въ бортъ. Однако, на этотъ разъ, противникъ, научепный горькимъ опытомъ прежнихъ столкновеній съ нашими моряками, былъ не безпеченъ. Замѣ-

тивъ намѣреніе Ипилова, онъ спустилъ съ своихъ бортовъ, на встрѣчу атакующему, также мины и, такимъ образомъ, предупредилъ нападеніе. Но Ипловъ не унывалъ. Больше раздосадованный, чѣмъ устрашенный этой неудачей, онъ тотчасъ же перемѣнилъ первоначальное направленіе и рѣшилъ пройти подъ корму. Катеръ былъ на полномъ ходу. Экипажъ его, отуманенный быстрымъ бѣгомъ и гремѣвшей перестрѣлкой, въ эту минуту не замѣчалъ опасности. Передъ глазами его стоялъ только дымящійся корпусъ непріятеля, а на душѣ было одно желаніе, одна мысль—скорѣе свалить грознаго великана...

Что долженъ былъ чувствовать этотъ великанъ, видя безстрашно несущійся на него катеръ,—догадаться не трудно. Ясно было, что онъ думалъ только о своемъ спасеніи, и въ ту минуту, когда «Шутка» намѣревалась уже нанести свой смертельный ударъ, онъ, собравъ всѣ свои силы, далъ полный ходъ впередъ... Хлынувшей волной «Шутку» отбросило въ сторону, повернуть она не успѣла и, пройдя въ какой-нибудь саженн отъ броненосца, съ разбѣга выскочила на берегъ... Все это случилось такъ неожиданно, такъ быстро, что Ипловъ не имѣлъ времени ни предупредить эти несчастія, ни сообразить, что дѣлать. Онъ очнулся тогда, когда уже былъ со своимъ злосчастнымъ катеромъ на непріятельскомъ берегу и всего въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ броненосца. Сквозь тонкую пелену неразошедшагося еще пороховаго дыма, онъ ясно видѣлъ на мостикѣ броненосца высокую фигуру капитана-англичанина, видѣлъ его бѣлокурую бороду, расчесанную на обѣ стороны, заложенныя въ карманы

руки, слышалъ спокойный, какъ бы вызывающій, голосъ. Злоба, досада, отчаяніе овладѣли всѣмъ его существомъ; но онъ былъ безсиленъ теперь; онъ чувствовалъ себя вполнѣ въ рукахъ врага и на волосъ отъ неизбѣжной гибели. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ чувствъ, Ниловъ невольно хватается за послѣднее, оставшееся въ его рукахъ, средство: выхватываетъ револьверъ и наводитъ его въ ненавистную фигуру капитана... Раздастся выстрѣлъ, но капитанъ, по прежнему, продолжаетъ спокойно стоять и также спокойно отдаетъ приказанія. Взбѣшенный еще болѣе этой неудачей, Ниловъ снова наводитъ револьверъ и снова стрѣляетъ. Дымъ разсѣивается... о, счастье! Капитана нѣтъ болѣе на старомъ мѣстѣ: онъ убитъ, или раненъ...

Пока Ниловъ, увлеченный этой стрѣльбой, сосредоточивалъ все свое вниманіе на капитанѣ парохода, надъ нимъ готовилась разразиться новая гроза: турки поспѣшно наводили одно изъ своихъ орудій прямо на катеръ. Еще минута—и адскій замыселъ будетъ приведенъ въ исполненіе и, кто знаетъ, что станется съ храбрыми бойцами? Къ счастію, въ это время не далеку былъ Аресъ.

— Ребята!—крикнулъ онъ своей командѣ.—Брось все, бери ружья и катай въ орудійную прислугу! Не давай имъ сдѣлать ни одного выстрѣла!...

«Ребята» мигомъ сообразили въ чемъ дѣло: схватили ружья и принялись стрѣлять. Самъ Аресъ, изъ револьвера, посылалъ врагу пулю за пулей. но, не видя отъ этой стрѣльбы никакого толку, взялся за ружье...

— Ваше благородіе, феска упала!... — закричали матросы, замѣтивъ, что послѣ перваго же выстрѣла ихъ командира, покатился одинъ изъ артиллеристовъ.

«Признаюсь, я возликовалъ въ душѣ въ эту минуту,—говоритъ Аренсъ.—Да и было отъ чего возликовать: устрашенные безпощадной мѣткостью матросовъ «Мины», турки бросили орудія и только изъ амбразуръ продолжали еще вести безпорядочную ружейную трескотню.

Между тѣмъ, сѣвшая на берегъ, «Шутка» все еще была на краю гибели, и въ то время, когда матросы Аренса колотили турецкихъ артиллеристовъ, она напрасно пыталась сдвинуться съ мѣста. Къ довершенію несчастія, машинисту Пѣмчинову раздробило руку, а паръ въ котлѣ окончательно упалъ. Но и тутъ Господь Богъ помогъ вырваться изъ бѣды. Находившійся на кормѣ, инженеръ-механикъ Болеславскій принялъ въ свое вѣдѣніе машину, а унтеръ-офицеръ Антиповъ, не долго думая, выскочилъ на берегъ и сильной рукою столкнулъ катеръ въ воду... Очутившись снова на водѣ, освобожденная «Шутка» тотчасъ же дала полный задній ходъ и, къ великой радости всѣхъ находившихся на ней, благополучно проскочила мимо непріятеля, которому теперь было не до нея. Со смертію браваго командира, рѣшительность, съ которой дѣйствовало судно вначалѣ, исчезла. Къ тому же, мѣткіе выстрѣлы конной батареи штабсъ-капитана Коломейцева успѣли пробить у брандспосца трубу, блиндажи и нанести множество другихъ, болѣе мелкихъ поврежденій, заставившихъ, въ концѣ-концовъ, судно искать спасенія въ бѣгствѣ. Бой, такимъ образомъ, казался не рѣшеннымъ. Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній, наши юные герои-моряки уныло

возвращались къ берегу. Катера ихъ были сильно повреждены. У «Шутки», израненой изрядно еще 8-го іюня, оказалось теперь множество свѣжихъ пробоинъ. «Мина», переполненная водой, бѣжавшей сквозь картечныя пробоины, тащилась съ трудомъ, сильно накренившись набокъ. У нея, въ одномъ лѣвомъ борту, оказалось шесть пробоинъ. Однако, съ приближеніемъ моряковъ къ берегу, настроеніе ихъ видимо мѣнялось. Зорко и со вниманіемъ слѣдившіе за всѣми ихъ дѣйствіями съ берега, были другаго мнѣнія о только-что окончившемся боѣ. Отъ нихъ не ускользнули горячія схватки катеровъ съ броненосцемъ, не ускользнула и постигшая ихъ неудача, но всѣ до единаго также хорошо видѣли, что причиной этому были не недостатокъ отваги, или находчивости въ юныхъ распорядителяхъ, а цѣлый рядъ несчастныхъ случайностей и необыкновенная увертливость броненосца, управляемаго опытнымъ и безстрашнымъ капитаномъ. Поэтому, лишь только Ниловъ и Аренсъ сошли на берегъ, ихъ встрѣтили самыя горячія привѣтствія.

— Вотъ они, герои!—воскликнулъ, при видѣ ихъ, находившійся тутъ, всѣми уважаемый, генералъ Леоновъ, и горячо обнялъ обоихъ моряковъ.

Въ этомъ краткомъ восклицаніи заключался глубокій смыслъ. Наши герои хорошо поняли, что это не лесть, не желаніе сказать что-либо пріятное, и печальныя лица ихъ быстро преобразились. Радость ихъ увеличилась еще болѣе, когда, часа черезъ два, Ниловъ получилъ увѣдомленіе, что атакованный ими пароходъ, вернувшись въ Никополь, разгружается и команда сходитъ съ судна.

«Безстрашіе моряковъ невообразимое, немыслимое и неслыханное, — телеграфировалъ въ тотъ же день очевидецъ этого событія, В. Кн. Главнокомандующій *), въ Петербургъ.—Гвардейскаго экипажа мичманъ Нилов и гардемаринъ Аренсъ чудно отличились: атаковали мониторъ подъ сильнымъ огнемъ изъ орудій, ружей, карточницъ и револьверовъ».

Какъ и слѣдовало ожидать, этотъ примѣрный подвигъ не остался безъ надлежащей награды. 14-го іюня моряковъ посѣтилъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ и, отъ имени Государя Императора, передалъ мичману Нилову Георгіевскій крестъ 4-й степени, а гардемарину Аренсу—именной солдатскій «знакъ отличія Военнаго Ордена».

Между тѣмъ, какъ все описанное происходило у Фламунды, выше этой деревни, у Карабіи, шли оживленныя приготовленія къ постановкѣ здѣсь минныхъ заграждений. До прибытія капитана Новикова съ катерами «Генералъ-Адмиралъ» и «Варягъ», тутъ уже находились: Гвардейскаго экипажа мичманъ Арцеуловъ, съ пятью гребными шлюпками и небольшой командой матросовъ, и подпоручикъ Гренадерскаго сапернаго баталіона Бѣлявскій—съ гвардейскими минерами. Но такъ какъ этихъ средствъ было недостаточно, то капитанъ Новиковъ притянулъ къ мѣсту дѣйствія нѣсколько рыбачьихъ лодокъ, посадилъ на нихъ гребцами казаковъ № 31 полка и, съ наступленіемъ ночи, принялся за

*) В. Кн. Главнокомандующій, случайно прибывшій въ этотъ день во Фламунду, наблюдалъ за славнымъ боемъ изъ второго этажа, стоявшей на берегу, казармы и, по окончаніи его, лично благодарилъ героевъ его—мичмана Нилова и гардемарина Аренса.

работу. Турки не препятствовали работамъ ни съ рѣки, ни съ берега. Пострадавшая днемъ въ бою съ нашими катерами «Подгорица», а равно и другое, стоявшее у Никополя, турецкое судно «Ишкодра» не тронулись съ мѣста. Наблюдательные береговые посты, вѣроятно, также прозѣвали и, такимъ образомъ, верхнее заграждение въ эту же ночь было безпрепятственно заложено. 23 мины, расположенныя въ двѣ линіи, въ шахматномъ порядкѣ, съ этого дня преградили доступъ турецкимъ судамъ сверху рѣки и вся громадная площадь Дуная, отъ Рущука до Никополя, гдѣ замышлялась переправа, была отнята у турокъ, а оставшіеся еще здѣсь три ихъ судна, доживали послѣдніе дни и уже ни въ какомъ случаѣ не могли служить большой помѣхой нашимъ дѣйствіямъ.

Въ заложеніи минъ у Карабіи, кромѣ помянутыхъ офицеровъ, видное участіе принимали также: полковникъ Струковъ, лейтенантъ баронъ Штакельбергъ, поручикъ Яблочковъ, прапорщикъ Бетхеръ и мичманъ Ивановскій.

Не довольствуясь, однако, этой новой линіей заграждения, черезъ нѣсколько дней, капитанъ Новиковъ заложилъ мины и ниже города Никополя, и этимъ закончилъ трудную задачу общаго заграждения Дуная, сослуживъ всей Русской дѣйствующей арміи великую службу.

До сихъ поръ мы видимъ моряковъ въ роли главныхъ борцовъ за обладаніе рѣкою, черезъ которую должна была совершиться переправа Русской арміи. Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ ихъ, какъ участниковъ этой знаменитой переправы. Новые подвиги, по-

вые примѣры самоотверженности и вѣрности присягѣ въ этотъ важный моментъ войны, вплели новыя вѣтви въ ихъ вѣчно свѣжій, боевой славой, лавровый вѣнокъ.

VII.

Моряки на переправѣ.

И такъ, минныя заграждения у Парапана и Карабіи прекратили туркамъ доступъ въ средній Дунай, гдѣ должна была совершиться переправа. Оставалось теперь придвинуть къ выбранному мѣсту войска и перебросить ихъ на непріятельскій берегъ. Однако, до поры до времени, войска оставались на своихъ старыхъ мѣстахъ; но, чтобы еще болѣе сбить турокъ съ толку и отвлечь ихъ вниманіе, съ утра, 12-го іюня, слѣдовательно, за 3 дня до переправы, по всему Дунаю загремѣла орудійная канонада и не умолкала вплоть до той знаменитой ночи, когда отъ румынскаго города Зимницы къ непріятельскому берегу отвалилъ первый паромъ съ русскими войсками. На нашъ огонь турки также отвѣчали огнемъ, и гулъ орудій, почти не умолкая, стоялъ въ воздухѣ, стократнымъ эхомъ отзывался въ гористыхъ берегахъ Болгаріи и все шире и шире разливался по равнинамъ Румыніи. Ужасъ объялъ мирныхъ поселянъ. Тысячи бомбъ и гранатъ несли съ собой смерть и разрушеніе. Затрещали вѣковыя, крѣпостныя твердыни, рухнули цвѣтущіе города; всѣ замерли, какъ бы прислушиваясь къ звукамъ этой боевой грозы и по ихъ переливамъ стараясь разгадать роковую тайну. Только противъ крѣпости

Никополя русскія батареи пока молчали. Молчала и крѣпость. Между тѣмъ, все говорило за то, что именно въ этомъ-то мѣстѣ и должна совершиться ожидаемая съ нетерпѣніемъ переправа. Не только турки, но и многіе русскіе были положительно увѣрены въ этомъ и имѣли на то множество основаній. Рѣка здѣсь значительно уже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, да кромѣ того, уже съ мѣсяцъ, на рѣкѣ Ольтѣ, впадающей въ Дунай немного выше Никополя, начались усиленныя работы нашихъ инженеровъ по устройству деревянныхъ плотовъ и устоевъ для моста. Турки, конечно, вскорѣ провѣдали объ этомъ и, вѣроятно, рѣшили встрѣтить здѣсь нашу переправляющуюся армію. Рѣшеніе это должно было еще болѣе укрѣпиться въ нихъ, когда, вдругъ, съ утра 14-го іюня, загрохотали, молчавшія до сихъ поръ, батареи. Болѣе ста орудій нещадно громили крѣпость въ теченіи дня и ночи, а собранныя, по близости, нѣсколько тысячъ войскъ, какъ бы ожидали приказанія, чтобы начать переправу. Государь Императоръ лично изволилъ наблюдать, за начавшейся бомбардировкой, съ высокаго кургана, верстахъ въ трехъ отъ Турнъ-Магурели, извѣстнаго подъ именемъ «Грановскаго». Дѣйствіе нашихъ снарядовъ было губительно. Къ ночи крѣпость уже пылала со всѣхъ концовъ и яркое пламя пожарища далеко освѣщало и берегъ, и городъ, и величавую рѣку, взбудораженную множествомъ падающихъ въ нее снарядовъ и темное небо съ ползущими по немъ свинцовыми облаками. Картина величественная, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ужасная! Какъ и слѣдовало ожидать, необычайный громъ пушекъ, сосредоточившіяся войска и, наконецъ, присутствіе са-

маго Государя обратилп па себя впиманіе непріятеля. Войска его спѣшили къ пылающей крѣпости...

Между тѣмъ, на главномъ пунктѣ переправы, у Зимницы, было пока все тихо и темно. Ни что не обнаруживало присутствія здѣсь нѣсколькихъ тысячъ войскъ, собравшихся незамѣтно и ожидавшихъ только приказанія, чтобы начать переправу. Было далеко за полночь, когда, наконецъ, отвалилъ отъ берега первый понтонъ съ войсками. Непріятельскій берегъ, повидимому, давно спалъ непробуднымъ сномъ и только темныя очертанія его, освѣщаемыя, по временамъ, выглядывавшеюся изъ-за облаковъ луною, угрюмо глядѣлись въ рѣку, да изрѣдка вспыхивалъ, то—тамъ, то—сямъ, одиночный огонекъ какого-нибудь сторожеваго поста. Одинъ за другимъ скрывались въ темной дали понтоны... началась переправа... знаменитая, покрывшая новою славою войска наши. Въ общей массѣ выдающихся подвиговъ, проявленныхъ въ этотъ день нашими сухопутными войсками въ первой рѣшительной битвѣ, совершенно исчезали славныя дѣянія моряковъ, если и не ходившихъ на штурмъ непріятельскихъ позицій, за то ежеминутно рисковавшихъ идти ко дну отъ первой удачной гранаты и, не смотря на это, съ полнымъ самоотверженіемъ исполнявшихъ свою полезную, но скромную, службу во все время гремѣвшаго боя...

Самое видное участіе въ этой службѣ выпало на долю молодецкой команды броненосной батареи «Севастополь», руководимой капитаномъ 1-го ранга, флигель-адъютантомъ Шмидтомъ. Совмѣстно съ понтонерами и другими, случившимися здѣсь, моряками, она неустанно работала надъ перевозкой войскъ и въ то же

1914

Гибель понтона при переправѣ черезъ Дунай.

время внимательно наблюдала за рѣкой, готовая ежеминутно вступить въ открытый бой съ непріятелемъ, если-бы какое-нибудь его судно рискнуло помѣшать переправѣ. Съ разсвѣтомъ, когда на непріятельскомъ берегу загорѣлся уже бой и пали первыя жертвы турецкаго огня, моряки также не избѣжали общей участи и гибли на своихъ лодкахъ и понтонахъ вмѣстѣ съ пѣхотинцами и артиллеристами. Одни изъ нихъ пошли ко дну и нашли вѣчное успокоеніе въ глубокихъ водахъ Дуная, другіе—перебиты, третьи—изранены. Изъ числа послѣднихъ былъ извѣстный герой, матросъ Гвардейскаго экипажа, Семенъ Лопатинъ, бывшій гребцомъ на несчастномъ 17-мъ понтонѣ, на которомъ, кромѣ него, находилось 45 человѣкъ Минцевъ и 7 человѣкъ матросовъ. Понтону этому, попавшему во время переправы подъ самый сильный турецкій огонь, не посчастливилось. Желая избѣжать гранатъ, потопившихъ на его глазахъ паромъ съ горными орудіями, онъ принялъ немного влѣво и, буквально, попалъ подъ градъ пуль, сыпавшихся на него съ обрывистаго берега. Не смотря на это, гребцы продолжали усердно работать веслами и понтонъ, первое время, быстро подвигался впередъ навстрѣчу свинцовому дождю. Съ каждой минутой, однако, число убитыхъ и раненыхъ на немъ увеличивалось. Одно за другимъ склонялись на дно лодки тѣла убитыхъ, весла опускались, ходъ замедлялся. Когда же понтонъ былъ всего въ 30— 50-ти саженяхъ отъ берега, изъ 53-хъ человѣкъ пассажировъ его, остался въ живыхъ одинъ матросъ Лопатинъ. Съ этого момента начинаются его удивительныя приключенія.

Видя свою неминуемую гибель, Лопатинъ кинулся въ воду, чтобы плыть черезъ Дунай обратно къ своимъ, но, въ тотъ же мигъ, пуля попала ему въ плечо и перебила ключицу; съ трудомъ управляя одной рукой, Лопатинъ продолжалъ плыть, все болѣе и болѣе отдаваясь на произволъ теченія. Скоро силы его на столько ослабѣли, что онъ едва могъ держаться на водѣ. Теченіемъ несло его внизъ по рѣкѣ. Какъ на бѣду, ни одной лодки, ни одного острова по близости. Кровь струится изъ раны, острая боль отнимаетъ остатокъ силъ. Но вотъ, впереди показался островъ; теченіе несетъ Лопатина прямо къ нему; еще одинъ взмахъ руки, одно усиліе—и онъ на берегу его. Слабый лучъ надежды на спасеніе загорается въ измученной душѣ несчастнаго матроса; но въ ту минуту, когда онъ считалъ уже себя спасеннымъ, уже усталыя руки его цѣплялись за траву, другая пуля, прилетѣвшая вдогонку Богъ вѣсть откуда, перебиваетъ другую руку. Усталый, изнуренный, истекающій кровью, къ вечеру добрался, наконецъ, Лопатинъ до острова и возблагодарилъ Господа за свое чудесное избавленіе. Островъ былъ совершенно пустъ; съ мѣста переправы продолжали долетать одиночные выстрѣлы, но что происходило тамъ, Лопатинъ не зналъ. Передъ нимъ, грознымъ призракомъ, стояло его собственное безвыходное положеніе. Раны ныли, голодъ мучилъ, холодъ ночью не давалъ спать. Такъ прошла первая ночь. Наступившее утро не принесло съ собою несчастному страдальцу утѣшенія. Въ умѣ его начинала уже зарождаться мысль о смерти, и самой мучительной,— отъ голода. Только вода, въ изобиліи окружавшая пустынный

островъ, поддерживала еще слабую искру жизни. Промывая ею раны, въ которыхъ начинали уже заводиться черви, спасаясь отъ ночнаго холода, Лопатинъ прожилъ въ такомъ положеніи, на необитаемомъ островѣ, цѣлыхъ пять дней. Отъ потери крови и неимѣнія пищи, тѣло его положительно высохло, руки и ноги повисли, какъ плети, а разсудокъ начиналъ мутиться.

«Зачѣмъ не утонулъ въ рѣкѣ?... Зачѣмъ не уложили на мѣстѣ пули?»—нерѣдко шептали пзсохшія губы и блуждающій взоръ съ тоской обращался къ рѣкѣ, стараясь отыскать на ней средства къ избавленію.

Въ одну изъ такихъ минутъ полнаго отчаянія, заживо погребенный на островѣ, Лопатинъ, на 5-й день своего пребыванія на немъ, вдругъ услышалъ, по близости, плескъ воды и голоса... Собравъ послѣднія силы. онъ приподнялся на рукахъ. Ослабѣвшій слухъ съ трудомъ улавливалъ отрывочныя фразы; сердце сильно билось въ груди, при одной мысли—услышать русскій говоръ... Не сонъ-ли это? Не одно-ли воображеніе въ послѣднія минуты жизни? Вотъ, вотъ сейчасъ потемнѣетъ все кругомъ, глаза застелетъ туманомъ, вырвется изъ груди глубокій вздохъ и безсмертный духъ далеко отлетитъ отъ изнуреннаго тѣла!... Но нѣтъ— это не сонъ, не приближеніе смерти. Какъ ни слабы слухъ и зрѣніе Лопатина, онъ уже почти увѣренъ, что слышитъ, дѣйствительно, голоса и между ними какъ-будто давно знакомый голосъ матроса Михѣева.

— Михѣевъ, ты-ли? — стономъ вырывается изъ груди слабый крикъ, когда рослая фигура Михѣева вылѣзла на берегъ и появилась передъ умирающимъ. — Ты-ли, мой спаситель?!—повторяетъ бѣдняга, не смѣя

вѣрить своему счастію. — Охъ, провалъ васъ возьми, да и наши всѣ ребята съ тобой!—повторяетъ опъ затѣмъ, переходя въ обычный шутливый тонъ и отъ радости забывая въ эту минуту всѣ свои страданія.

Не ожидая встрѣтить здѣсь своего товарища, считавшагося давно убитымъ или утонувшимъ, «ребята» были удивлены и обрадованы не менѣе самаго Лопатина и тотчасъ же перенесли его на катеръ, а затѣмъ, въ Зимницѣ сдали въ госпиталь, гдѣ Государь Императоръ лично посѣтилъ героя и Самъ, своеручно, пришпилилъ ему къ рубахѣ Георгія.

***

Въ то время, когда у Зимницы шли усиленныя приготовленія къ отправкѣ первыхъ понтоновъ, у Фламунды капитанъ Новиковъ торопился поставить новое заграждепіе, чтобы еще болѣе облегчить переправу съ этой стороны. Сюда, къ 13-му числу, вновь собралась вся флотилія нашего Средне-Дунайскаго отряда. Луна изрѣдка проглядывала сквозь хлопья молочныхъ облаковъ, дулъ довольно крѣпкій вѣтеръ, когда моряки вышли въ Дунай и принялись за работу. Турки, на этотъ разъ, отвлеченные, вѣроятно, канонадой у Никополя, не препятствовали работѣ. По этому, не смотря на темноту, работа быстро подвигалась впередъ, такъ что, черезъ нѣсколько часовъ, немного ниже Фламунды, явилась новая линія заграждепія, состоявшая изъ 36-ти подводныхъ минъ. Работа приходила къ концу; только нѣкоторые матросы возились еще у послѣднихъ минъ, когда капитанъ Новиковъ потребовалъ къ себѣ мичмановъ: Феодосьева, Перепна и гардемарина Аренса

и приказалъ имъ, спустившись еще немного ниже, бросить три оставшіяся мины между турецкимъ берегомъ и оконечностью острова Белино.

Всѣ устремили взоръ по направленію, куда указывалъ Новиковъ, и при слабомъ свѣтѣ луны не безъ труда разглядѣли расплывчатыя очертанія выдающагося мыска.

— Такъ идите же скорѣе туда, а затѣмъ, ступайте навстрѣчу капитану Тудэру и явитесь ему,— добавилъ Новиковъ, замѣтивъ, что офицеры поняли его приказаніе.

Три катера: «Красотка», «Опытъ» и «Генералъ-Адмиралъ» начали быстро спускаться. Но, какъ и всегда бываетъ ночью, что казалось издали, то, при приближеніи, совершенно измѣняется. Подобный же обманъ зрѣнія случился и съ моряками, когда они подходили къ указанному Новиковымъ острову. Очертанія его поминутно измѣнялись и въ первое время моряки были даже въ затрудненіи, гдѣ бросить мины. Однако, послѣ нѣсколькихъ минутъ внимательнаго осмотра, было, наконецъ, выбрано мѣсто, и катера, выстроившись въ линію, бросили якоря. Первымъ къ непріятельскому берегу сталъ Арепсъ, за нимъ—Феодосьевъ и, наконецъ, Перешъ. Дувшій съ вечера низовой вѣтеръ теперь, замѣтно, засвѣжѣлъ; поднялось изрядное волненіе, не мало мѣшавшее быстротѣ и успѣшности работы. Кромѣ того, при такомъ волненіи работа была довольно опасна, ибо мины, требовавшія чрезвычайно осторожнаго обращенія, при каждомъ толчкѣ катера, выскакивали изъ рукъ и, чего добраго, какая-нибудь могла взорваться. Приготовивъ, съ помощью минера, мину и спустивъ ее въ воду на требуемую глубину, Арепсъ, вдругъ, уви-

дѣлъ, что мина вынырнула изъ воды и что теченіе и вѣтеръ гонятъ катеръ прямо на нее. Быстро сообразивъ опасность, которой подвергался катеръ при самомъ слабомъ столкновеніи съ миной, Аренсъ хотѣлъ дать полный ходъ впередъ, но машина была на столько слаба, что не могла побороть силу теченія и ихъ продолжало сносить на мину. Тогда Аренсъ приказалъ бросить якорь, чтобы удержать катеръ на мѣстѣ. Но и это не помогло. Якорь не зацѣпился за дно, и катеръ, хотя медленно, но все же продолжало сносить.

— Трави канатъ! Въ машинѣ приготовить полный передній ходъ!...—командовалъ Аренсъ.

— Есть!—отвѣчалъ машинистъ.

Наступила минута томительнаго ожиданія. Вдругъ, матросъ, наблюдавшій за движеніемъ катера, воскликнулъ торжественно:—На мѣстѣ!

Это краткое восклицаніе означало, что якорь зацѣпилъ за дно и катеръ больше не сносило. Опасность наткнуться на собственную мину, казалось, миновала.

— Ну, слава Тебѣ, Господи!—обрадовался Аренсъ; но въ ту же почти минуту услышалъ крикъ нѣсколькихъ голосовъ:

— Ваше благородіе, конецъ выскочилъ! Якорь утопили!—и не успѣлъ Аренсъ опомниться отъ этого новаго несчастія, какъ катеръ стремительно несло уже внизъ по теченію.

— Полный ходъ! — закричалъ, что было мочи, молодой командиръ и поспѣшилъ къ рулю. Машина усиленно работала, но напрасно: еще секунда—и катеръ очутился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ только-что торчала мина...

Не трудно представить себѣ, конечно, что должны были перечувствовать въ эту секунду люди, находившіеся на катерѣ. Ожиданіе взлетѣть на воздухъ, да еще отъ собственной мины — куда, какъ не легко! По этому, не удивительно, что всѣ вздохнули свободно, точно гора съ плечъ свалилась, когда катеръ, миновавъ благополучно роковое мѣсто, несся впередъ значительно уже ниже его. Куда дѣвалась мина—никто не зналъ. Вѣроятно, ее подхватило теченіе и унесло прежде, чѣмъ катеръ успѣлъ сорваться съ якоря.

Работа мичмановъ Феодосьева и Персина была удачнѣй, хотя тоже пришлось повозиться довольно долго, такъ что, когда они окончили ее и присоединились къ Аренсу, начинало уже свѣтать. Густой туманъ поднимался съ рѣки. Скоро моряки разглядѣли въ бѣлой массѣ его какія-то движущіяся темныя тѣла. То были понтоны, сплавляемые изъ устьевъ р. Ольты къ Зимницѣ. Никопольскія орудія стрѣляли по нимъ.

— Куда это васъ Богъ несетъ?—спрашивали моряки, ничего еще не знавшіе о происходившемъ у Зимницы.

— Не знаемъ... Сказано внизъ—и шабашъ!—отвѣчали съ понтоновъ.

Между тѣмъ, капитанъ Тудэръ, которому должны были явиться Феодосьевъ, Персинъ и Аренсъ, не показывался. Оказалось, что онъ успѣлъ уже спуститься внизъ и потому наши моряки, принявъ на катера запасъ угля, немедленно пошли за нимъ въ Зимницу. Послѣдуемъ за ними туда же и мы.

Было около 9-ти часовъ утра. На непріятельскомъ берегу, у Систова, кипѣлъ уже давно кровавый бой, когда катера наши появились въ виду Зимницы. Мно-

жество понтоновъ, биткомъ набитыхъ вооруженными людьми, безпрестанно сновали взадъ и впередъ по рѣкѣ, но между ними особенно выдѣлялась неуклюжая фигура парохода капитана Тудэра *), тащившаго за собой

Капитанъ Тудэръ.

*) Капитанъ 1-го ранга, Степъ-Карлъ Ивановичъ Тудэръ, имя котораго уже не разъ встрѣчалось въ нашихъ разсказахъ, получилъ воспитаніе въ Морскомъ училищѣ. Въ продолженіи своей многолѣтней службы, онъ нѣсколько разъ участвовалъ въ дальнихъ, заграничныхъ плаваніяхъ, обошелъ кругомъ свѣта, перенесъ массу всевозможныхъ невзгодъ, неразлучныхъ съ судьбою истиннаго моряка и въ 1875 году былъ назначенъ старшимъ офицеромъ на Императорской яхтѣ «Держава», а съ объявленіемъ войны, явился на Дунай во главѣ своднаго отряда Гвардейскаго экипажа и саперъ. За свои, всегда полезныя и нерѣдко сопряженныя съ опасностью, военныя дѣянія, а въ особенности за участіе въ переправѣ, капитанъ Тудэръ получилъ Георгія 4-й степени и золотую саблю съ надписью: «за храбрость».

баржи. Съ прибытіемъ къ мѣсту переправы этого парохода, способнаго поднять заразъ цѣлыхъ два баталіона пѣхоты, отправка войскъ на непріятельскій берегъ значительно ускорилась. Но откуда, вдругъ, взялся онъ на Дунаѣ, когда извѣстно, что, кромѣ паровыхъ шлюпокъ и катеровъ, до сего дня ничего у насъ здѣсь не было? Не привезенъ же онъ, подобно имъ, сюда на лошадяхъ! Конечно—нѣтъ, невѣроятно. Но еще менѣе можно было повѣрить, что этотъ пароходъ принадлежалъ нашимъ врагамъ и ревнивымъ пособникамъ турокъ — англичанамъ. Назывался онъ «Аннета». Какъ бы въ насмѣшку надъ нашими недоброжелателями, злая судьба доставила намъ это драгоцѣнное судно, много, очень много помогшее намъ въ день переправы. Исторія захвата этого парохода и приспособленіе его къ дѣлу столь замѣчательны, что мы подробно разскажемъ о нихъ въ концѣ главы, а теперь обратимся къ дѣйствіямъ капитана Тудэра.

По распоряженію главнаго начальника инженеровъ дѣйствующей арміи, генерала Деппа, капитанъ Тудэръ былъ назначенъ командиромъ парохода «Аннета». Явившись на немъ, въ шестомъ часу утра, къ мѣсту переправы, капитанъ Тудэръ поступилъ въ распоряженіе начальника переправы и тотчасъ же принялся за дѣятельную работу. Но лишь только пароходъ, желая взять на себя войска, приблизился къ румынскому берегу, турки тотчасъ же открыли по немъ перекрестный, ружейный и артиллерійскій огонь. Первая же граната попала въ баржу, помѣщавшуюся между пароходомъ и берегомъ, пробила палубу и разорвалась въ кукурузѣ, наполнявшей трюмъ. Слѣдующая треснула въ воздухѣ.

осыпавъ осколками правый кожухъ парохода. Такая теплая встрѣча, со стороны турокъ, новаго гостя, не прекратила его дѣятельности, только лоцманъ—англичанинъ, румынъ, или болгаринъ — неизвѣстно,— убоявшись этихъ, не особенно важныхъ, конфектъ, поспѣшилъ отыскать для себя болѣе безопасное мѣсто и скрылся на берегу.

Забравъ войска, пароходъ, на который, вмѣстѣ съ другими моряками, сѣлъ контръ-адмиралъ Шмидтъ, благополучно совершилъ свой первый путь къ непріятельскому берегу и обратно. Турки все время стрѣляли по немъ, но, не смотря на громадную цѣль, какую представлялъ собой пароходъ съ двумя баржами по бокамъ, вреда не причинили. Это обстоятельство, видимо, раздражило ихъ, и когда «Ланета» снова отвалила отъ берега, гранаты, одна за другой, начали шлепаться по сторонамъ, обдавая, иногда, солдатъ брызгами и вызывая въ нѣкоторыхъ смѣхъ и различныя остроты. Такъ продолжалось вплоть до вечера, то-есть до тѣхъ поръ, когда наши войска, собравшіяся уже въ значительномъ количествѣ, оттѣснили непріятеля и заставили замолчать его орудія. Только два раза гранаты попадали въ баржи, да и то тогда, когда пароходъ шелъ къ своему берегу и, слѣдовательно, онѣ были пусты.

Появленіе у Зимницы Феодосьева, Перепна и Ареса было встрѣчено съ радостью. Въ эту минуту здѣсь была дорога каждая лодка, каждый плотъ, каждое бревно, если только это бревно способно было доставить на тотъ берегъ солдата. Не смотря на усиленную работу понтоновъ и прибывшаго парохода, берега около Зимницы были покрыты еще людьми, ожидавшими своей

очереди. Никто уже не пряталъ этихъ людей, не скрывалъ ихъ численности. Надобность въ этомъ миновала, тайна—перестала быть тайной. Турки уже не могли воспрепятствовать начавшемуся движенію. Для этого у нихъ не было ни войскъ достаточно, ни времени, чтобъ собрать ихъ. Однако, все же намъ приходилось торопиться. Чѣмъ скорѣе очутятся на томъ берегу всѣ назначенныя войска—тѣмъ лучше. Поэтому, вновь прибывшіе катера тотчасъ же были пущены въ дѣло и черезъ минуту они уже слились съ массой всевозможныхъ лодокъ, понтоновъ и паромовъ. Къ вечеру же, когда бой у Систова началъ ослабѣвать и заходящее солнце въ послѣдній разъ скользнуло своими золотыми лучами по Дунаю, генералъ Рихтеръ приказалъ морякамъ идти къ Систову и занять стоявшія у этого города турецкія деревянныя суда.

— Если вамъ окажутъ сопротивленіе, то возьмите ихъ съ бою,—добавилъ онъ при этомъ.

И такъ, не успѣли еще моряки порядкомъ отдохнуть отъ почти суточной непрерывной работы, какъ имъ давалось новое порученіе. Медлить было нельзя, и потому, захвативъ съ собою, на всякій случай, нѣсколько стрѣлковъ флотской роты, они направились въ Систово. Подъ впечатлѣніемъ только-что совершившагося, и матросы и офицеры были въ самомъ превосходномъ расположеніи духа. Ихъ не смущала даже возможность новаго столкновенія съ врагомъ: все это казалось пустякомъ въ сравненіи съ тѣмъ, что уже сдѣлано. Разсуждая такимъ образомъ и пересыпая свои разсужденія шутками, моряки, черезъ часъ времени, начали подходить къ цѣли своего путешествія. Въ по-

лусвѣтѣ наступающихъ сумерекъ, передъ ними видѣлось нѣсколько судовъ, самыхъ разнообразныхъ формъ, неподвижно стоявшихъ у берега, на мели.

— Эй, кто тамъ?—Выходи!—раздался громкій голосъ съ одного изъ катеровъ, когда они подошли ближе.

Отвѣта не послѣдовало. Словно, вымерли всѣ, или притаились.

Катера причалили къ берегу и нѣсколько человѣкъ матросовъ, вмѣстѣ со стрѣлками, полѣзли на первое судно. По прежнему, вездѣ было тихо; ни одинъ звукъ не обличалъ присутствія живыхъ людей. Моряки взошли на палубу — пусто. Множество разнаго хлама (куски парусины, ржавыя цѣпи, веревки) валялось въ безпорядкѣ и ясно свидѣтельствовало о томъ, что если когда-нибудь и были здѣсь люди, то поспѣшно убрались. Какъ бы въ подтвержденіе этого, на одномъ изъ столовъ моряки замѣтили объѣдки кукурузы и крошки хлѣба.

«А ну, какъ притаились гдѣ-нибудь въ каютахъ, да и встрѣтятъ выстрѣлами! Чего другаго, а этого отъ турокъ всегда можно ожидать!»—подумалось нѣкоторымъ и, подъ вліяніемъ этой мысли, осмотрѣвъ предварительно револьверы и ружья, начали спускаться въ каюты. Но и тамъ, какъ и на палубѣ, было пусто. Спустились еще ниже, въ трюмъ,—тоже ни души. Обшаривъ, такимъ образомъ, цѣлый рядъ брошенныхъ судовъ, моряки распорядились о занятіи ихъ пѣхотнымъ карауломъ и возвратились въ Зимницу, гдѣ ихъ ожидало уже новое назначеніе. По приказанію начальника переправы, Аренсъ былъ отправленъ вверхъ по Дунаю, а Феодосьевъ и Перепиъ—внизъ, для исполненія обя-

запностей почныхъ сторожевыхъ постовъ, на случай появленія непріятельскихъ бронепосцевъ. При этомъ, имъ было сказано, чтобы о всемъ замѣченномъ немедленно давать знать черезъ казаковъ начальнику переправы, въ крайности же—бросаться въ атаку.

Такъ закончился знаменитый въ лѣтописяхъ русской военной исторіи день 15-го іюня 1877 года. Для полноты разсказа, мы должны еще упомянуть здѣсь о рисковаппомъ предпріятіи капитана 1-го ранга, Новосильскаго, на котораго, въ почь переправы, былъ возложенъ проводъ понтоновъ изъ устьевъ рѣки Ольты по Дунаю къ Зимницѣ, гдѣ предполагалось тотчасъ же приступить къ наводкѣ моста.

Съ наступленіемъ сумерекъ, 14-го іюня, сто деревянныхъ понтоновъ, сплавленныхъ по рѣкѣ Ольтѣ къ Дунаю, длинной верениицей начали входить въ рѣку. На первомъ понтонѣ находился генералъ Деннъ съ нѣсколькими саперными и пѣхотными офицерами, на послѣднемъ—начальникъ флотиліи, капитанъ Новосильскій. Гребцами были матросы подъ командой лейтенанта Ломена. Первый эшелонъ понтоновъ прошелъ благополучно. Турки замѣтили его только тогда, когда мимо нихъ проходилъ уже хвостъ, и хотя тотчасъ же открыли сильный орудійный и ружейный огонь, но вреда никакого не причинили. У Фламунды, команду надъ этимъ первымъ эшелономъ понтоновъ принялъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ, только-что наканунѣ пожалованный Государемъ въ контръ-адмиралы, и въ слѣдующую ночь благополучно провелъ его въ Зимницу.

Послѣ этого, вплоть до взятія крѣпости Никополя, не проходило ночи, чтобы не сплавлялись понтоны. Но съ каждымъ разомъ, турки все внимательнѣе и внимательнѣе слѣдили за ними и уже не пропускали даромъ. Въ особенности трудно было укрыться отъ нихъ въ томъ мѣстѣ Дуная, гдѣ онъ значительно съуживается и отлично обстрѣливается изъ крѣпости Никополя не только артиллерійскимъ, но и ружейнымъ огнемъ. Однако, благодаря различнымъ ухищреніямъ нашихъ, значительныхъ потерь все же не было, хотя, какъ оказалось вскорѣ, турки, черезъ посредство мѣстныхъ пастуховъ, разводившихъ по берегу сигнальные костры, всегда знали о началѣ сплава. Раза два или три, они даже пытались воспрепятствовать намъ открытой силой, для чего заготовили къ спуску на рѣку нѣсколько небольшихъ лодокъ, но и это оказалось не дѣйствительнымъ. Понтоны продолжали проходить, и только, въ виду новыхъ затѣй непріятеля, слѣдующіе отряды отправлялись вооруженными. Въ головѣ и хвостѣ ихъ становилось, обыкновенно, по одному орудію, а на каждомъ понтонѣ по нѣсколько человѣкъ вооруженныхъ саперъ. Кромѣ того, на берегу, противъ того мѣста, гдѣ вѣроятнѣе всего можно было ожидать нападенія, каждый разъ выставлялась рота.

Такъ продолжалось, какъ мы уже сказали, вплоть до взятія Никополя, съ паденіемъ котораго проводъ понтоновъ по Дунаю сдѣлался безопасенъ и скоро на мѣстѣ переправы появился громадный мостъ, длиною въ 608 саженъ, и соединилъ между собою Румынію и Болгарію.

* * *

Величественную картину переправы русскихъ войскъ черезъ Дунай и вступленіе ихъ во вражескую землю покойный Государь Императоръ изволилъ наблюдать съ высоты Грановскаго кургана (близъ города Турнъ-Магурели). Прибывъ сюда, вмѣстѣ съ Главнокомандующимъ и свитою, въ 5 часовъ утра, 15-го іюня, Его Величество обвелъ взоромъ разстилавшуюся передъ Нимъ мѣстность и особенно внимательно остановился на едва видиѣвшемся, въ туманной дали, Систовѣ, гдѣ, въ это время, наши передовыя войска вступили уже въ кровавый бой. Надъ курганомъ развѣвался Императорскій штандартъ. У Никополя, какъ и наканунѣ, ревѣла канонада. Громъ ея заглушалъ глухіе выстрѣлы систовскихъ турецкихъ батарей, а густые клубы пороховаго дыма, смѣшиваясь съ утреннимъ туманомъ, расползались по рѣкѣ, препятствуя яркимъ лучамъ взошедшаго солнца позолотить ея поверхность. Свита еще ничего не знала о томъ, что происходитъ у Систова и, ожидая появленія переправляющихся войскъ у Никополя, жадно вглядывалась въ сторону крѣпости. Скоро, однако, недоразумѣніе разъяснилось. Замѣтивъ, что зрительная труба Государя направлена совсѣмъ въ другую сторону, многіе начали смотрѣть туда, и тутъ только догадались, что тамъ, а не здѣсь, рѣшается, въ настоящую минуту, важный вопросъ: быть, или не быть Русской арміи за Дунаемъ? Побѣда, или пораженіе?

Открытіе это привело всѣхъ въ восторгъ: до такой степени мастерски былъ скрытъ пунктъ переправы, выбранный Великимъ Княземъ Главнокомандующимъ.

Получавшіяся каждыя 5 минутъ изъ Зимницы телеграммы приносили благопріятныя извѣстія. Государь

Императоръ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

— Я, сегодня,—сказалъ Императоръ,—нарочно надѣлъ Георгіевскій крестъ покойнаго Государя Александра Павловича. Онъ счастливый; при немъ всегда одерживались побѣды.

Это замѣчаніе зародило у присутствующихъ еще бо́льшую надежду на благопріятный исходъ дѣла.

Въ 2 часа пополудни, Его Величество и Главнокомандующій изволили отбыть съ кургана въ главную квартиру, гдѣ уже вѣсть о благополучномъ исходѣ переправы съ быстротою молніи облетѣла всѣхъ. Толпы народа валили навстрѣчу Императору. Громкое «ура» потрясало воздухъ. Въ тѣсныхъ улицахъ селенья Драга, гдѣ была главная квартира, отъ набившагося народа сдѣлалось еще тѣснѣй. Оживленіе росло съ каждой минутой. Въ 5 часовъ пополудни, полковникъ Скалонъ прочелъ передъ Государемъ Императоромъ и многочисленной свитой длинную телеграмму, гласившую объ окончательномъ овладѣніи непріятельскимъ берегомъ.

По мѣрѣ того, какъ читалась эта телеграмма, у всѣхъ, начиная съ Государя, выступали слезы умиленія и всѣ невольно приподнялись съ своихъ мѣстъ. Еще разъ загремѣло стоустное «ура».

— «Ура! Главнокомандующему и войскамъ ура!» — крикнулъ Государь и, обратившись, затѣмъ, къ виновнику сего славнаго событія, сказалъ:

— Жалую тебѣ за переправу Георгія второй степени!

— Нѣтъ, нѣтъ! Подождите, Ваше Величество, я еще не стою! — заговорилъ торопливо Великій Князь,

дѣлая шагъ назадъ и отмахиваясь руками. Слезы крупными каплями текли у него по щекамъ и висѣли на рѣсницахъ.

Однако, Государь Императоръ обнялъ Великаго Князя и поцѣловалъ, а послѣ обѣда собственноручно надѣлъ на него заслуженный орденъ.

Между тѣмъ, съ улицы все громче и громче доносились, въ скромное помѣщеніе Императора, восторженныя крики войска и народа. Крики эти еще больше усилились, когда Государь появился передъ войсками и, обойдя ихъ, поздравилъ съ побѣдой. Моментально громадная толпа офицеровъ и солдатъ окружила Государя и замерла въ ожиданіи услышать отъ него еще что-нибудь.

— Съ малолѣтства сроднившись съ арміей,— началъ Государь глубоко растроганнымъ голосомъ,— я не вытерпѣлъ и пріѣхалъ, чтобы раздѣлить съ вами труды и радости. Я радъ, что хоть частичкѣ моей гвардіи досталось трудное дѣло и она геройски исполнила его. Дай Богъ, чтобъ и всегда такъ было!

Приложеніе къ главѣ VII-й.

Разсказъ о томъ, какимъ образомъ достался намъ англійскій пароходъ «Аннета».

Одними изъ первыхъ прибыли къ Дунаю, по объявленіи войны, полки 8-й кавалерійской дивизіи и заняли наблюдательными постами громадное пространство отъ устьевъ рѣки Веды до устьевъ Джіу. Въ этой мѣстности лежали и знакомыя уже намъ деревни: Ка-

рабія и Фламунда. При занятіи этихъ деревень Донскими казаками № 8-го полка и Вознесенскими уланами, оказалось, что въ портахъ ихъ находятся цѣлыя флотиліи судовъ, принадлежавшихъ англичанамъ, грекамъ и австрійцамъ. Въ Карабійскомъ портѣ такихъ судовъ было 9, во Фламундскомъ—7, и между ними англійскій пароходъ «Аппета». Предвидя тогда же громадную пользу, которую могутъ принести намъ эти суда на Дунаѣ, начальникъ дивизіи, князь Мавелловъ, распорядился арестовать ихъ и принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы сохранить ихъ отъ покушеній турецкихъ броненосцевъ. Въ особенности важно было удержать за собою пароходъ «Аппету», какъ наиболѣе прочный, сильный и, слѣдовательно, способный ко всякаго рода морской службѣ. Исполнить это, при полномъ отсутствіи тогда еще нашихъ моряковъ на Дунаѣ, было не легко, ибо, не далѣе, какъ у Никополя, стояло нѣсколько непріятельскихъ броненосцевъ, могущихъ, въ любую минуту, отнять пароходъ, или же разбить его своими выстрѣлами. Князь Мавеловъ рѣшилъ, однако, достичь своего и, во что бы-то ни стало, сохранить драгоцѣнное пріобрѣтеніе. Для этого имъ былъ сформированъ во Фламундѣ особый отрядъ изъ одного эскадрона Астраханскихъ драгунъ, одного эскадрона Вознесенскихъ уланъ и Донской № 9-й батареи, подъ общимъ начальствомъ полковника, барона Каульбарса, который и расположился бивуакомъ въ четырехъ верстахъ отъ деревни. Для непосредственнаго же наблюденія за пароходомъ, на него былъ посланъ поручикъ Спиридовъ съ командой спѣшенныхъ уланъ. То же самое было сдѣлано казаками и въ Карабіи. 7-го мая охрана окончa-

тельно установлена, но уже 8-го поручикъ Спицынъ замѣтилъ небольшой турецкій пароходъ, быстро спускавшійся внизъ по Дунаю, со стороны Никополя.

Взводъ Донской батареи, вызванный съ бивуака по тревогѣ, быстро прилетѣлъ къ берегу; но турецкій пароходъ прошелъ уже «Аппету», не тронувъ ее, вѣроятно, довольствуясь одними наблюденіями. На всякій случай, однако, взводъ не отошелъ назадъ, а помѣстился скрытно близъ деревни; тутъ же, въ саду, залегли спѣшенные драгуны и уланы. Предосторожность оказалась не лишней, ибо, около 7-ми часовъ утра, отъ Никополя показался другой пароходъ и, повидимому, направлялся къ «Аппетѣ».

Орудія открыли огонь; съ парохода отвѣчали тѣмъ же, но скоро принуждены были замолчать и скрыться за островомъ, такъ какъ одна изъ нашихъ гранатъ разорвалась на палубѣ, а другая—угодила въ бортъ. Эта первая попытка непріятеля, отбить забранныя нами суда, убѣдила начальника отряда въ невозможности защитить ихъ, оставляя орудія въ четырехъ верстахъ отъ берега, и потому, съ наступленіемъ сумерекъ, приступлено было къ постройкѣ для нихъ земляной батареи на самомъ берегу рѣки. Всю ночь драгуны и уланы работали, подъ наблюденіемъ хорунжаго Похлебина, и къ разсвѣту батарея была уже готова.

Съ этого дня, попытки турокъ отобрать пароходъ, или же повредить арестованныя нами суда, повторялись почти ежедневно, и только, благодаря умѣнью и распорядительности лицъ, на которыхъ возложена была обязанность охраненія, и неусыпнымъ трудамъ кавалеристовъ, оказывались мало дѣйствительными.

На другой же день послѣ описанной первой перестрѣлки, турецкій броненосецъ снова показался со стороны Никополя и, такъ какъ дѣйствія его противъ парохода «Аннета» принимали довольно рѣшительный характеръ, то полковникъ, баронъ Каульбарсъ, распорядился притянуть къ берегу еще взводъ артиллеріи. Донцы лихо выскочили на самый берегъ и тотчасъ же открыли огонь. Броненосецъ продолжалъ обстрѣливать и берегъ, и пароходъ; но, какъ и наканунѣ, нѣсколько, удачно пущенныхъ и разорвавшихся на палубѣ, гранатъ заставили его удалиться. Тогда, на смѣну ему, явились болѣе грозныя орудія никопольскихъ укрѣпленій. Не смотря на значительное разстояніе, отдѣлявшее наши позиціи отъ этихъ укрѣпленій (болѣе 3,000 саженъ), не только орудія, но и самый бивуакъ подвергся жестокому обстрѣливанію. Гранаты ложились съ удивительной мѣткостью. Первая же шлепнулась въ воду почти у самыхъ орудій, вторая—разорвалась за ними, обдавъ прислугу комьями земли, но, къ счастію, никого не ранивъ. Дальнѣйшее состязаніе нашихъ орудій, недобрасывавшихъ своихъ снарядовъ до крѣпости, съ турецкими, дальнобойными, было немыслимо, и потому, во избѣжаніе напрасныхъ потерь, командиръ уланскаго полка, полковникъ Коровиченко, распорядился убрать ихъ за деревню и спрятать въ садахъ, куда, къ этому времени, перемѣстился и весь бивуакъ. У берега остались только 30 человѣкъ спѣшенныхъ уланъ, которые, подъ руководствомъ того же хорунжаго Похлебина, приступили къ постройкѣ другой батареи, нѣсколько выше первой. Никопольскія орудія обратили свой огонь на рабочихъ; но, не смотря на это и на то, что, поднявшійся

шійся ночью сильный вѣтеръ значительно мѣшалъ работамъ, къ утру одно орудіе было установлено и на новой батареѣ. Въ слѣдующую ночь и второе орудіе скрылось за возведенной ушами батареей.

Эта мѣра оказалась весьма полезной, ибо, появляющіеся ежедневно передъ нашею позиціей турецкіе броненосцы, съ каждымъ разомъ становились рѣшительнѣе и, поддержанные крѣпостными орудіями, не боялись уже подходить къ нимъ на самое близкое разстояніе. Такъ, 11-го мая, броненосецъ приблизился къ батареѣ и выпустилъ по ней до 60-ти гранатъ, не причинивъ, однако, вреда, благодаря исключительно хорошо устроенному закрытію. 12-го мая смѣлость турокъ дошла до крайнихъ предѣловъ. Появившійся въ этотъ день снова, броненосецъ бросилъ якорь всего въ 250-ти саженяхъ отъ батареи и тотчасъ же открылъ огонь по судамъ, стоявшимъ нѣсколько ниже парохода «Аннета». Черезъ часъ времени, два судна, пробитыя насквозь въ подводной части, погрузились на дно рѣки, при радостныхъ крикахъ команды броненосца. Послѣ этого, броненосецъ поднялся нѣсколько вверхъ по рѣкѣ и, бросивъ якорь, открылъ огонь по пароходу «Аннета». Ему вторили никопольскія орудія. Наша же батарея, вслѣдствіе приказанія Великаго Князя Главнокомандующаго, молчала и тѣмъ еще болѣе подзадоривала противника. Первое время масса снарядовъ летѣла зря, оглашая только воздухъ разнообразнымъ шипѣніемъ и свистомъ, но вдругъ, надъ дорогимъ намъ пароходомъ поднялся черный столбъ не то—дыма, не то—пыли, и на минуту закрылъ его: одна граната пробила объ трубы парохода; когда же поднявшаяся изъ нихъ сажа раз-

сѣялась, то оказалось, что онъ, по прежнему, продолжалъ держаться на водѣ; другихъ, болѣе опасныхъ, поврежденій въ немъ не было. Затѣмъ, броненосецъ удалился и дѣло на этотъ день кончилось.

Однако, никто не могъ поручиться, что то же самое не повторится на слѣдующій день и, чего Боже сохрани, съ большей удачей для турокъ. Поэтому, рѣшено было принять болѣе дѣйствительныя мѣры, чтобы спасти хотя пароходъ, сдѣлавшійся теперь для насъ не только полезнымъ орудіемъ перевозки войскъ, но и дорогимъ дѣтищемъ, сохраненіе котораго отъ назойливыхъ поползновеній непріятеля стало вопросомъ чести. Въ виду этого, нѣкоторые не остановились даже передъ предложеніемъ, провести пароходъ ночью мимо крѣпости и спрятать въ устьяхъ рѣки Ольты. Князь Манвеловъ не согласился, однако, на это предложеніе, выказавшее чрезвычайную ревность его подчиненныхъ, потому что, при незнаніи фарватера рѣки, подобное предпріятіе было крайне рискованно и опасно. Взамѣнъ его, князь рѣшилъ, временно, потопить пароходъ, принявъ всѣ мѣры къ тому, чтобы, по первому требованію, снова поднять изъ воды. Въ ту же ночь приступлено было къ исполненію этого хитраго плана. Въ сумеркахъ, подводные краны парохода были открыты и вода хлынула внутрь. По мѣрѣ накопленія ея, корпусъ медленно погружался на дно рѣки, а чтобы еще болѣе ускорить окончательное исчезновеніе его, помѣстившіеся на палубѣ драгуны и уланы принялись за ведра и насосы. Послѣ нѣсколькихъ часовъ такой усиленной работы. «Анета» сѣла на дно, но палуба ея и верхнія части машины остались на водѣ. Тогда князь Манвеловъ, лично руко-

водившій работами, приказалъ подтащить двѣ ближайшія баржи и ими прикрыть отъ непріятеля не закрытыя водой палубу и машину. Къ разсвѣту работа была окончена и на поверхности Дуная, вмѣсто парохода, очутились двѣ безобразныя баржи, надежно прикрывавшія его отъ выстрѣловъ, какъ съ броненосцевъ, такъ, равно, и съ крѣпостныхъ фортовъ. Съ этой стороны, слѣдовательно, пароходъ былъ вполнѣ обезпеченъ. Оставалось обезпечить его и на тотъ случай, если-бъ турки вздумали сдѣлать высадку и напасть открытой силой. Кавалерійскій отрядъ, расположенный во Фламундѣ, не былъ достаточно силенъ, чтобы помѣшать такому дѣйствію непріятеля, а потому вся надежда. въ этомъ случаѣ, возлагалась на береговую батарею. подвергавшуюся, какъ мы видѣли, въ теченіи послѣднихъ дней, сильному обстрѣливанію. Имѣя это въ виду, князь Манвеловъ распорядился усилить батарею еще болѣе земляными насыпями.

Прошло два дня; турецкіе броненосцы не появлялись и только изрѣдка продолжали пострѣливать ишкопольскія орудія. Но вотъ, на третій день, именно 15-го мая, чуть свѣть, въ сторонѣ крѣпости, показались клубы чернаго дыма, а затѣмъ, и грозный корпусъ непріятельскаго корабля. Спускаясь внизъ по рѣкѣ, броненосецъ вошелъ на линію нашихъ батарей и, вдругъ, остановился при видѣ затопленнаго парохода. Полагая, вѣроятно, что пароходъ и вправду потонулъ отъ ихъ снарядовъ, команда разразилась радостнымъ крикомъ и, скорѣй въ порывѣ радости, чѣмъ отъ желанія причинить вредъ уже убитому врагу, броненосецъ бросилъ послѣднія три гранаты по его торчащимъ изъ воды

частямъ. Затѣмъ, онъ перенесъ огонь на другія суда и батарею, но, не принеся имъ вреда, скоро ушелъ къ Никополю и уже долго не показывался у Фламунды.

Пользуясь наступившимъ затишьемъ, лейтенантъ Іомень и нѣсколько другихъ морскихъ офицеровъ, прибывшихъ во Фламунду, осмотрѣли подробно затопленный пароходъ и пришли къ убѣжденію, что пріобрѣтеніе его драгоцѣнно и въ будущемъ можетъ оказать громадную услугу нашимъ дѣйствіямъ на Дунаѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они предложили, для еще большаго обезпеченія машины отъ бомбардированія, прикрыть ее въ нѣсколько рядовъ земляными мѣшками. Конечно, это предложеніе знатоковъ дѣла тотчасъ же было исполнено и пароходъ одѣлся новой, непроницаемой броней.

Между тѣмъ, наступившее затишье продолжалось не долго. Турки пѣтъ, нѣтъ, да и принимались стрѣлять изъ крѣпости, а 24-го мая, передъ Фламундой, снова появился старый знакомецъ —броненосецъ. Бросивъ якорь, онъ началъ бомбардированіе батареи, но и на этотъ разъ всѣ 56 снарядовъ, выпущенные имъ въ теченіи почти 10-ти часовъ, вреда не принесли. Дѣйствуя артиллерійскимъ огнемъ изъ крѣпости и съ своихъ судовъ, турки, время отъ времени, пытались производить высадки своихъ войскъ на близьлежащіе острова, или же, даже, на нашъ берегъ Дуная. Цѣль этихъ высадокъ, по преимуществу, заключалась въ томъ, чтобы отбивать, пасшійся по берегу, румынскій скотъ и, хотя онѣ иногда оканчивались успѣшно, но къ особенно кровопролитнымъ столкновеніямъ съ нашими кавалеристами не приводили.

Такъ прошелъ май и наступилъ іюнь. Пароходъ «Аннета» продолжалъ стоять подъ водой. Къ Дунаю каждый день подходили наши войска. Скоро вѣсть о появленіи моряковъ и ихъ геройскихъ дѣйствіяхъ у Браилова и Рущука разнеслась по всему протяженію рѣки. Начинали поговаривать о переправѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о поднятіи изъ воды затопленнаго парохода.

Привести пароходъ, болѣе мѣсяца погруженный въ воду, въ надлежащій видъ, было, конечно, гораздо труднѣе, чѣмъ потопить, и вотъ на какомъ основаніи: во первыхъ, нужно было успѣть поднять его до разсвѣта, чтобы турки ничего и не подозрѣвали, а поднявши, слѣдовало, до поры до времени, скрыть за какимъ-нибудь островомъ. Во вторыхъ, краны, открытые при затопленіи парохода, были теперь глубоко подъ водой и, чтобы закрыть ихъ и прекратить внутрь доступъ свѣжей воды, слѣдовало сначала вычерпать уже имѣвшуюся въ пароходѣ воду. Это же было возможно исполнить только тогда, когда убыль воды отъ вычерпыванія значительно превыситъ прибыль ее черезъ краны, чего, въ свою очередь, возможно было достигнуть усиленной, продолжительной работой. Между тѣмъ, всѣ эти работы, то есть выкачиваніе воды, поднятіе парохода и отводъ его въ безопасное мѣсто, въ виду близости турокъ, обязательно должны были быть окончены въ теченіи одной ночи. Кромѣ того, въ случаѣ даже успѣшнаго исполненія дѣла, необходимо было, отведенный за островъ, пароходъ обезпечить отъ турецкихъ броненосцевъ, если бы таковые спохватились и вздумали отнять его у насъ силой. Изъ всего изложеннаго мы видимъ, что предстоящее дѣло требовало чрез-

вычайной осторожности и различныхъ приготовительныхъ дѣйствій. Прежде всего нужно было выбрать подходящій островъ, затѣмъ, защитить, образуемый этимъ островомъ и берегомъ, проливъ пушками, и уже затѣмъ, приняться за подятіе парохода.

Къ разсвѣту, 8-го іюня, всѣ предварительныя приготовленія были окончены, то есть выбранъ подходящій островъ (ниже деревни Фламунды), и на берегу сооружены батареи. На слѣдующій день, на хозяйственныя средства полковъ, пріобрѣтены были ведра для отливанья воды, а съ наступленіемъ сумерекъ началась работа. Главнымъ руководителемъ ея былъ самъ князь Манвеловъ, а исполнителями—сотня казаковъ и вольнонаемные механики. Тутъ же находился и бывшій капитанъ парохода. Дружно принялись за дѣло молодцы-казаки. Поминутно сновали ихъ темныя фигуры, сверху внизъ и снизу вверхъ, по крутымъ лѣстницамъ; слышался сдержанный говоръ и всплески выливаемой воды. Однако, не смотря на всѣ усилія, къ разсвѣту не удалось выкачать воду и, такимъ образомъ, вся ночная работа пропала даромъ.

Эта первая неудача не охладила, однако, рвенія исполнителей и распорядителей трудной работы. Они отложили ее только до слѣдующей ночи, рѣшивъ, для большаго успѣха, увеличить число рабочихъ и постараться закрыть подводные краны парохода.

Вечеромъ, 10-го іюня, на пароходѣ снова собрались: 1½ сотни казаковъ, нѣсколько человѣкъ драгунъ и уланъ съ 50-ю ведрами и тремя пожарными насосами. Скоро сюда же прибылъ и князь Манвеловъ. Людей раздѣлили на смѣны и работа закипѣла. Черезъ

нѣсколько часовъ утомительной, безпрерывной работы, количество воды въ пароходѣ какъ бы уменьшилось, но все же успѣхъ дѣла, главнымъ образомъ, зависѣлъ отъ того, удастся или нѣтъ механику закрыть краны. Уже нѣсколько разъ онъ нырялъ на дно парохода, но все напрасно. Наконецъ, часовъ около 3-хъ утра, неимовѣрные труды самоотверженнаго механика увѣнчались успѣхомъ: краны были закрыты, доступъ воды прекращенъ. Это извѣстіе въ высшей степени обрадовало всѣхъ присутствующихъ, работы пошли еще скорѣе и черезъ нѣсколько времени пароходъ поднялся со дна рѣки. Вслѣдъ за этимъ тотчасъ же было приступлено къ очисткѣ внутренностей его отъ накопившагося ила и песка, и на утро, вновь возродившееся дѣтище явилось передъ глазами защитниковъ во всей своей неприкосновенности. Возрожденіе парохода «Анпета» произошло, слѣдовательно, въ тотъ самый знаменитый день, когда къ Фламундѣ прибыли наши моряки и ознаменовали себя кровавой битвой съ турецкими броненосцами.

Три дня спустя, въ ночь переправы, и «Анпета», уже совершенно очищенная отъ грязи и исправленная, подъ командой капитана Тудэра, тихо тронулась къ Зимницѣ. О полезной службѣ ея въ эту ночь мы знаемъ уже изъ предъидущаго разсказа, а потому добавимъ здѣсь только, что пользой этой, прежде всего, русская армія обязана полкамъ 8-й кавалерійской дивизіи, съумѣвшимъ, въ теченіи почти $1^1/_2$ мѣсяца, сохранить драгоцѣнное судно отъ всѣхъ поползновеній непріятеля. при чемъ, нерѣдко, кавалеристу приходилось обращаться въ пѣхотинца, моряка и сапера, и вести непосильную борьбу, то—съ непріятелемъ, то—съ различными пре-

пятствіями, для устраненія которыхъ требовалось особенно знаніе и умѣнье.

VIII.

Появленіе турецкихъ судовъ въ виду зимницкой переправы, 16-го іюня, и дѣйствія противъ нихъ нашихъ катеровъ.

Незадолго до 15-го іюня, въ дѣйствующую армію прибылъ, изъ продолжительнаго заграничнаго плаванія, на фрегатѣ «Свѣтлана», Великій Князь Алексѣй Александровичъ, и тотчасъ же, по волѣ Государя Императора, былъ назначенъ главнымъ руководителемъ всѣхъ нашихъ морскихъ дѣйствій на Дунаѣ. Нужно замѣтить при этомъ, что, какъ мы неоднократно говорили уже ранѣе, съ переходомъ главныхъ русскихъ силъ за Дунай, задачи моряковъ на этой рѣкѣ не только не уменьшились, но, напротивъ, увеличились. Если, до переправы, главная обязанность моряковъ заключалась въ очищеніи рѣки отъ непріятельскихъ судовъ съ помощью минныхъ заграждепій и атакъ, то, послѣ нея, они должны были употребить всѣ свои силы, всю энергію и боевую опытность на охраненіе главнаго сообщенія черезъ рѣку, очутившуюся уже въ тылу, отъ покушеній турецкихъ броненосцевъ. Что рано или поздно такія покушенія должны были случиться — въ этомъ никто не сомнѣвался, ибо, при всей безпечности турокъ, нужно было ожидать, что тотъ вредъ, который они могли причинить намъ нападеніемъ, заставитъ ихъ стряхнуть съ себя обычную лѣнь и перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Для отраженія этого нападенія, у насъ имѣлись: во 1-хъ—катера съ минами; во 2-хъ—береговыя батареи, и въ 3-хъ—около 500 человѣкъ матросовъ, готовыхъ, въ крайности, сѣсть на барки и по первому приказанію броситься на абордажъ непріятельскаго судна, то есть вступить съ командой его въ рукопашный бой. Какъ ни незначительны казались эти средства для рѣшительной борьбы, все же, при извѣстной храбрости и находчивости моряковъ, на нихъ можно было разсчитывать.

Непріятель не заставилъ себя долго ждать. Кипѣвшая весь день и всю ночь, съ 15-го на 16-е іюня, лихорадочная дѣятельность нашихъ моряковъ на мѣстѣ переправы не прекратилась и съ разсвѣтомъ. Разница заключалась лишь въ томъ, что въ этой дѣятельности не было замѣтно теперь той неувѣренности, осторожности и какого-то томительнаго ожиданія, которое преобладало въ ночь переправы. Теперь работа шла самоувѣренно, весело, бойко. Множество лодокъ, барокъ и понтоновъ поминутно сновали отъ одного берега къ другому; лѣсъ штыковъ блестѣлъ на солнцѣ и сотни веселъ, дружными взмахами, будоражили позлащенную поверхность Дуная. На берегахъ другая картина. Непріятельскій, еще такъ недавно пустынный и мрачный, теперь кишитъ войсками: одни — длинными колоннами тянутся въ гору, другія — только что еще выстраиваются по берегу. На румынскомъ, у Зимницы, также сплошныя массы войскъ, ожидающихъ своей очереди. Солнце начинаетъ сильно пригрѣвать. Всѣ жмутся въ тѣнь: вокругъ домовъ, деревьевъ, въ рощи собираются живописныя группы. Поминутно слышится

веселый смѣхъ, неумолкаемый гулъ голосовъ сливается съ однообразнымъ шумомъ рѣчныхъ волнъ и шлепаньемъ веселъ. Всюду вспоминали прошедшее, гадали о будущемъ. Скоро, къ разнохарактернымъ группамъ войскъ, толпившихся на берегу, присоединились и моряки, только-что прибывшіе съ ночныхъ сторожевыхъ постовъ. Измученные безсонницей и продолжительной работой въ теченіи нѣсколькихъ дней подрядъ, то—у Фламунды, то—у Зимницы, они спѣшили воспользоваться минутой отдыха, чтобъ исправить замѣченныя на катерахъ поврежденія, поѣсть и выспаться и, не торопясь, напиться чаю. Пока ко всему этому приготовлялись моряки, вокругъ нихъ собралась порядочная толпа пѣхотинцевъ, артиллеристовъ и кавалеристовъ, привлеченная, отчасти, молодецкимъ видомъ команды, а, отчасти, и желаніемъ послушать интересныхъ разсказовъ о боевыхъ подвигахъ послѣднихъ дней.

— А что вы сдѣлаете, если теперь, вдругъ, появится броненосецъ?—обратился кто-то изъ толпы, когда разговоръ коснулся этого предмета.

— Извѣстно, что: атакуемъ, — отвѣчали безъ запинки моряки и отчаянная рѣшимость заблестѣла въ глазахъ.

— Вы только бейте чаще и мѣтче,—добавилъ чей-то голосъ по адресу артиллеристовъ.— Если убьютъ двухъ, трехъ своихъ, — не бѣда, за то, броненосецъ возьмемъ...

При этихъ словахъ вся честная компанія расхохоталась.

Долго бы, вѣроятно, продолжался еще подобный разговоръ, если бы, вдругъ, вдали не показался паро-

ходъ «Аппета» и громкій голосъ капитана Тудэра не обратилъ на себя вниманія моряковъ.

— На катерахъ! На катерахъ! — кричалъ онъ во все горло, размахивая руками и указывая въ сторону Рущука, откуда только-что показался черный дымъ непріятельскаго судна...

«Сопъ въ руку»,—можно было бы сказать, если-бъ весь, только-что происходившій, разговоръ пригрезился во снѣ, а не былъ бы дѣйствительностью. Турки, видно, подслушали его и спѣшили дать морякамъ возможность оправдать на дѣлѣ свои слова.

Первымъ, услышавшимъ голосъ капитана Тудэра, былъ гардемаринъ Аренсъ. Черезъ минуту, онъ уже стоялъ у борта парохода «Аппеты».

— Какъ же вы не слышите!—сказалъ Тудэръ; — я вамъ кричалъ все время... Сюда идетъ снизу турецкій пароходъ,—вотъ, черный дымъ приближается изъ за острова... Ступайте туда немедленно и атакуйте его! Боже васъ сохрани, если онъ прорвется къ переправѣ!...

— Иду прямо на него!—отвѣчалъ Аренсъ.—Только пошлите за мной остальные катера...

— Хорошо! Хорошо! Ступайте скорѣе!...

При видѣ зловѣщаго дыма, весь берегъ быстро пришелъ въ движеніе. Толпа заколыхалась и отхлынула прочь; на батареяхъ засуетились. Часть пѣхоты, назначенная заранѣе на этотъ случай, схватилась за ружья и густою цѣпью залегла за ближайшей къ берегу опушкой рощи...

Вслѣдъ за Аренсомъ, по приказанію генерала Рихтера, двинулись навстрѣчу врагу мичманы — Персинъ и Феодосьевъ.

— Ступайте и немедленно атакуйте; а если пароходъ прорвется, то, лучше, и не возвращайтесь живыми!...—сказалъ имъ на дорогу генералъ, отлично сознавая, что только моряки могутъ отразить грозившую опасность.

Такое прямое приказаніе не допускало отговорокъ. Моряки это тоже отлично понимали, и потому, не смотря на то, что въ данную минуту катера ихъ были въ самомъ плачевномъ состояніи, а мины почти не дѣйствовали, быстро двинулись въ путь...

«Когда я отвалилъ отъ парохода,—говорилъ Аренсъ,—во мнѣ было только какое-то смутное сознаніе близости моей безполезной, никому не нужной, гибели; но въ ту минуту, когда я оглянулся на нашу армію и замѣтилъ десятки тысячъ ея глазъ, жадно слѣдившихъ за моимъ крошечнымъ суденышкомъ, я устыдился своего малодушія и вдругъ почувствовалъ въ себѣ силу и бодрость...»

То-же, вѣроятно, чувствовали Перепинъ и Феодосьевъ, то-же и ихъ матросы. Чтобы еще болѣе ободрить своихъ и узнать о настроеніи ихъ въ эту минуту, Аренсъ громко сказалъ унтеръ-офицеру Лебедеву:

— Ну, вотъ тебѣ отличный случай заработать «Егорушку»!

— Оно вѣрно, ваше благородіе... Если и теперь не вывезетъ, значитъ—не судьба!—отвѣчалъ тотъ съ восторженной рѣшимостью...

Ясно было, что ни слабость оружія, ни опасность предпріятія не повліяли удручающимъ образомъ на геройскій духъ моряковъ.

Продолжая рѣшительно подвигаться впередъ къ вид-

нѣвшемуся вдали большому острову Вардиру, команда передоваго катера ясно различала уже густую полосу чернаго дыма. Минута столкновенія приближалась. Всѣ невольно стихли, только винтъ продолжалъ работать и пѣнить воду.

— Пробковые пояса надѣть!—скомандовалъ Аренсъ и обвязался самъ.

Люди тотчасъ же исполнили приказаніе, но томительное молчаніе продолжалось.

— Эхъ, молодцы! Поглядите-ка, какъ еще вывезетъ! Взорвемъ непрошенныхъ гостей! — пошутилъ Аренсъ, желая прервать молчаніе.

— Вѣстимо; все можетъ быть... Всѣ подъ Богомъ ходимъ!—отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Вотъ, только бѣда, Лебедевъ, что мы съ тобой почти не знаемъ фарватера. Не дай Богъ, вдругъ, на мель сѣсть—пропадемъ тогда ни за грошъ!...

— Да, ужъ это, ваше благородіе, послѣднее дѣло...

Въ это время, катеръ подходилъ уже къ острову Вардиру. Вдругъ, что-то сильно ударило въ дно катера, послышался шелестъ и снова сильный толчекъ...

— Задній ходъ!—скомандовалъ Аренсъ; но катеръ—ни съ мѣста.

Чего такъ опасались, то и случилось: катеръ сѣлъ на мель. Между тѣмъ, непріятельское судно было уже недалеко; того и гляди, нагрянетъ на злосчастный катеръ. Положеніе отчаянное. Самое главное при этомъ не потерять головы и во время принять мѣры къ спасенію, ибо миноносный катеръ на мели, въ виду непріятеля, это все равно, что солдатъ безъ ружья: гибель его неизбѣжна.

Замѣтивъ, что одной машиной ничего тутъ не подѣлаешь, Аренсъ тотчасъ же приказалъ всей командѣ, за исключеніемъ машиниста, раздѣться и лѣзть въ воду, чтобы спихнуть катеръ руками. «Если же и это не поможетъ, выйду съ командой на островъ, а катеръ взорву собственной миной»,— промелькнула въ его головѣ отчаянная мысль. Черезъ минуту, однако, къ неописанной радости всѣхъ, катеръ дружными усиліями былъ спихнутъ съ мели и въ этотъ же моментъ передъ ними, изъ-за кустовъ, ростущихъ на косѣ, показался совершенно голый человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ и мутными глазами... Аренсъ и команда совершенно безсознательно схватились за оружіе...

— Ваше благородіе, спасите! — вдругъ заговорилъ дикарь умоляющимъ голосомъ, обращаясь къ Аренсу.

— Да кто ты такой? Зачѣмъ ты здѣсь? — спросилъ тотъ, пораженный и неожиданнымъ появленіемъ человѣка и его видомъ и голосомъ.

— Понтонёръ Крыловъ... Вчера, какъ разстрѣляли нашъ понтонъ съ артиллеріей, я упалъ въ воду и доплылъ сюда, на островъ... Второй день крошки во рту не имѣлъ; а сегодня пошелъ рыскать по острову, хоть бы, думаю, ягоды какой, или травы сладкой поѣсть, да и нарвался на двухъ турокъ! Сидятъ это и жрутъ хлѣбъ, а около нихъ, на травѣ, ружья и патроны... Я такъ и обомлѣлъ! Понятился я, это, тихонько назадъ и, Богъ миловалъ, не замѣтили... А тутъ, вотъ, вижу наши русскіе на катерѣ,— я и прибѣжалъ...— скороговоркой разсказалъ онъ свою грустную исторію.

Аренсъ не зналъ, что дѣлать.

— Такъ ты, голубчикъ,— сказалъ онъ,— подожди

ужъ тутъ немножко, потому что я иду сейчасъ атаковать турецкій пароходъ... На обратномъ пути заберу, или скажу другимъ.

Крыловъ, какъ-то, весь задрожалъ.

— Ваше благородіе! Явите Божескую милость! Куда угодно, съ вами пойду!...—жалобно заговорилъ онъ.

— Возьмите его, ваше благородіе! Пусть идетъ съ нами!—поддержали несчастнаго Крылова матросы.

Аренсъ согласился; но еще разъ напомнилъ ему, что сейчасъ идетъ въ бой и что было бы очень жаль, если-бъ онъ, только-что избавившійся отъ смерти, попалъ снова въ бѣду.

Не дождавшись окончанія этихъ словъ, Крыловъ былъ уже въ катерѣ.

— Мнѣ, ваше благородіе, все лучше умирать со своими, чѣмъ пропадать тамъ, на островѣ, какъ собакѣ!...—радостно воскликнулъ онъ, влѣзая съ ногами на деревянную обшивку котла.

Не смотря на недосугъ и опасность, матросы тотчасъ же одѣли бѣдягу и накормили чернымъ хлѣбомъ. Нужно было видѣть, съ какимъ звѣрскимъ аппетитомъ онъ грызъ его, обхвативъ обѣими руками, и какое громадное удовольствіе испытывали сострадательные матросы, сознавая, что спасли человѣка отъ вѣрной гибели.

Пока Аренсъ снимался съ мели и велъ разговоръ съ Крыловымъ, Перепнъ и Феодосьевъ обогнали его. Въ то же время, одна изъ батарей 17-й артиллерійской бригады, именно 1-я, флигель-адъютанта князя Мещерскаго, находившаяся уже на турецкомъ берегу, на полныхъ рысяхъ выскочила на позицію и тотчасъ же

открыла огонь по непріятельскому судну. Турки отвѣчали и, такимъ образомъ, завязался артиллерійскій жаркій бой, а скоро послышалась и ружейная перестрѣлка. Стрѣляли солдаты Брянскаго полка, усѣвшіе, такъ же, какъ и артиллерія, при первомъ извѣстіи о появленіи турецкаго парохода, занять рядъ торговыхъ судовъ, стоявшихъ у берега. Подъ гулъ этой перестрѣлки, изъ-за косы выскочили миноноски Персина и Феодосьева, а черезъ нѣсколько времени присоединился къ нимъ и, отставшій было, Аренсъ, и всѣ трое начали быстро спускаться къ пароходу. Этого было достаточно. Пароходъ, не знавшій, вѣроятно, о совершившейся уже переправѣ нашихъ войскъ и потому не ожидавшій встрѣтить дружнаго отпора со своего берега, при видѣ, смѣло несущихся прямо на него, миноносокъ, сначала остановился, а затѣмъ, повернулся и, отстрѣливаясь изъ орудій, началъ уходить. Моряки не вѣрили своимъ глазамъ, въ особенности, когда оказалось, что за сосѣднимъ островомъ стояло другое вражеское судно, выжидавшее, вѣроятно, результатовъ боя своего товарища и быстро исчезнувшее при первыхъ признакахъ отступленія его. Уходя, пароходъ, однако, продолжалъ стрѣлять по катерамъ и одно ядро плеснулось въ воду чрезвычайно близко отъ катера Феодосьева, поднявъ на воздухъ громадный столбъ воды.

— Феодосьевъ, много раненыхъ?—крикнулъ Аренсъ, когда катеръ его товарища, который онъ считалъ погибшимъ, невредимо продолжалъ подвигаться впередъ.

— Пока никого! Только обдало! — отвѣчалъ мичманъ.

Однако, это ядро показало, что турки начинаютъ

пристрѣливаться и, чего добраго, какъ разъ угодятъ въ кого-нибудь.

— Что жъ, господа? Идемте въ атаку? А то, вѣдь, насъ только даромъ перетопятъ,—предложилъ Аренсъ, начинавшій сомнѣваться, дѣйствительно-ли турки уходятъ.

Перепиъ и Ѳеодосьевъ были, однако, другаго мнѣнія. Они были убѣждены, что пароходъ удираетъ и продолжали выжидать, держась всѣ вмѣстѣ, уменьшивъ ходъ. Такъ прошло немного времени. Гранаты продолжали летѣть съ парохода и шлепаться по сторонамъ катеровъ; съ берега, такъ же, не унимался артиллерійскій и стрѣлковый огонь.

— Ну, развѣ не видите, что удираетъ?...—сказалъ Перепиъ, обращаясь къ товарищамъ, когда пароходъ, не уменьшая хода, отошелъ отъ нихъ довольно далеко.

— Какъ бы только не прошелъ въ лѣвый рукавъ,—попытался, было, снова возразить Аренсъ, но скоро и самъ убѣдился, что такого шага, въ настоящую минуту, отъ турокъ ожидать нельзя. Какъ ни странно казалось это, но они, видимо, спѣшили спуститься внизъ и, пустивъ еще двѣ, три гранаты, скоро окончательно исчезли изъ вида. Только длинная полоса чернаго дыма, да пороховой туманъ повисли надъ рѣкой...

Мы думаемъ, что распространяться объ этомъ новомъ подвигѣ моряковъ нѣтъ надобности. Каждый, кто хорошо усвоилъ себѣ всю обстановку, при которой совершился онъ, пойметъ его значеніе и по достоинству оцѣнитъ заслугу моряковъ.

Въ заключеніе же скажемъ, что эта первая попытка турокъ убѣдила ихъ, что мѣсто переправы не остав-

лено безъ охраны и что они всегда должны ожидать встрѣтить здѣсь самое упорное сопротивленіе. Дальнѣйшія событія показали, что турки такъ и поняли это первое предостереженіе, ибо съ той поры у мѣста переправы больше и не показывались.

IX.

Поискъ лейтенанта Дубасова къ Силистріи.

Какъ извѣстно, въ ночь съ 9-го на 10-е іюня совершилась первая переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай, у Браилова. Войска эти, составивъ особый отрядъ подъ начальствомъ генерала Циммермана, очистили отъ непріятеля, такъ называемый, «Добруджинскій» полуостровъ, образуемый рѣкой Дунаемъ и Чернымъ моремъ, и съ этихъ поръ твердой ногой стали на низовьяхъ рѣки. Турки отступили, частью—въ глубь страны, частью—къ крѣпости Силистріи, и тамъ утвердились. Чтобы составить себѣ понятіе о силѣ и расположеніи этихъ войскъ подъ крѣпостью, генералъ Циммерманъ предпринялъ рядъ развѣдокъ и, такъ какъ крѣпость Силистрія стоитъ на самомъ берегу Дуная, то большинство ихъ производилось съ рѣки, и самое видное участіе въ нихъ принадлежитъ морякамъ. Одна изъ таковыхъ, замѣчательная, какъ по своей смѣлости, такъ и по добытымъ результатамъ, происходила 9-го и 10-го іюля. Здѣсь мы еще разъ встрѣтимся съ знаменитыми именами Дубасова. Шестакова, Баля и проч. героевъ-моряковъ, съ именами, уже покрытыми боевой славой. Достаточно напомнить читателямъ, что

начало минной войны на Дунаѣ положено ими и взрывъ перваго непріятельскаго броненосца былъ дѣломъ ихъ рукъ. Съ этихъ поръ дѣятельность ихъ почти не прекращалась, но ограничивалась мелкими развѣдками, выслѣживаніями непріятельскихъ судовъ, постоянной глухой борьбой съ различными препятствіями; болѣе же ощутительно проявилась еще разъ въ поискѣ 9-го и 10 іюля.

Стояло тихое, лѣтнее утро. Заря только-что загорѣлась; въ камышахъ, покрытыхъ еще крупными каплями утренней росы, начинали щебетать различныя мелкія пташки. Съ бивуаковъ поднимались легкія струйки дыма и, постепенно расползаясь въ неподвижномъ воздухѣ, затягивали ихъ голубымъ туманомъ. Вверхъ по рѣкѣ Дунаю медленно поднимался отрядъ лейтенанта Дубасова, только-что отвалившій отъ города Черноводъ и состоявшій изъ лодки «Великій Князь Николай» и катеровъ «Царевичъ» и «Птичка». На лодкѣ «Великій Князь Николай», кромѣ начальника отряда, Дубасова, находился маіоръ румынской службы Муржеско, минный офицеръ—поручикъ Максимовичъ и врачъ—титулярный совѣтникъ Березинъ. «Царевичемъ» командовалъ лейтенантъ Шестаковъ, «Птичкой»—мичманъ Баль.

Дойдя, къ 9-ти часамъ утра, до позиціи Гура-Бали, Дубасовъ нашелъ ее покинутой турками. Поднявшись затѣмъ далѣе, у впаденія въ Дунай рѣки Гура-Бали, онъ сдѣлалъ промѣръ и изслѣдовалъ,— нѣтъ-ли гдѣ подводныхъ минъ. Минъ не оказалось: входъ въ рѣку былъ свободенъ. Миновавъ его, отрядъ продолжалъ безостановочно подниматься вверхъ, но, на высотѣ деревни

Бржоя замѣтилъ, что у слѣдующей, по названію «Буджаки», стоятъ два турецкихъ лагеря:—одинъ большой, расположенный на высокомъ холмѣ, другой—меньшій, у самаго берега. Прекрасно выбранная, позиція снизу Дуная прикрывалась островомъ Бочу, изъ-за котораго поднимался дымъ и обнаруживалъ присутствіе тамъ какого-то судна.

Имѣя при себѣ двухъ турецкихъ перебѣжчиковъ, отданныхъ въ его распоряженіе генераломъ Циммерманомъ. Дубасовъ вызвалъ черезъ нихъ нѣсколькихъ мѣстныхъ жителей изъ деревни Бржоя и, опросивъ ихъ, убѣдился, что за островомъ, дѣйствительно, стоитъ турецкій броненосецъ. Маіоръ Муржеско, отлично знакомый съ мѣстностью, тоже подтвердилъ, что пространство за островомъ представляетъ удобную стоянку для судовъ.

При приближеніи отряда къ турецкому лагерю, съ лодки «Николай» ясно замѣтны были разбитыя вокругъ каменнаго сарая, съ бойницами для ружей, деревянные шалаши и палатки, а вскорѣ до 150-ти человѣкъ пѣхоты, вызванной въ ружье, двинулись отъ лагеря къ берегу и разсыпались за кустами въ цѣпь.

Было ровно 11 часовъ. До турокъ оставалось верстъ пять. Лейтенантъ Дубасовъ подалъ сигналъ отряду: «приготовиться къ бою». По этому сигналу, артиллерія лодки «Николай» (которой завѣдывалъ, за болѣзнью мичмана Федорова, минный офицеръ, поручикъ Максимовичъ) приготовилась, и въ 11 ч. 15 мин., съ 9-тифунтоваго носоваго орудія раздался первый выстрѣлъ по лагерю. Снарядъ не долетѣлъ. Быстро зарядивъ пушку и подправъ прицѣлъ, поручикъ Максимовичъ

еще разъ выстрѣлилъ, и снарядъ легъ уже ближе къ цѣли, а раздавшійся вслѣдъ затѣмъ третій выстрѣлъ, угодилъ въ самую середину лагеря и зажегъ шалаши. Послѣ этого выстрѣла, цѣпь быстро отступила отъ берега и, сомкнувшись, двинулась по направленію къ большому лагерю на холмѣ. Четвертый нашъ выстрѣлъ снова зажегъ лагерь въ другомъ мѣстѣ.

Почти одновременно съ этимъ, какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ лагеряхъ вспыхнули сигнальные костры, означавшіе просьбу о присылкѣ помощи, или подкрѣпленія изъ главныхъ силъ. Густые клубы чернаго дыма, постепенно поднимаясь въ воздухѣ, образовали надъ лагерями темныя тучи и уже конечно тотчасъ-же были замѣчены тѣми, для кого предназначались. Это «конечно» было тѣмъ болѣе вѣроятно, что главный турецкій лагерь, силою въ $2^1/_2$ тысячи, при семи орудіяхъ, по словамъ перебѣжчиковъ, отстоялъ отъ Силистріи всего на семь верстъ и былъ отлично видѣнъ съ нашихъ судовъ. Войска, стоявшія на холмѣ и у берега рѣки, въ общей сложности 500 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи, составляли, слѣдовательно, авангардъ этого главнаго лагеря. Послѣ отступленія пѣхоты изъ нижняго лагеря, лейтенантъ Дубасовъ рѣшился, не теряя времени, идти дальше. Немного не доходя до острова Бочу, онъ увидѣлъ за нимъ двухтрубный турецкій броненосецъ, стоящій подъ берегомъ и хорошо знакомый морякамъ нашимъ, не разъ встрѣчавшими его еще ранѣе у Гирсова и Гура-Бали.

До броненосца оставалось, приблизительно, около 2,000 саженъ, когда на палубѣ его сверкнулъ огонь; но тотчасъ-же густое облако пороховаго дыма за-

крыло его отъ глазъ моряковъ. Оказалось, что граната разорвалась у самаго борта броненосца. Давъ дыму разсѣяться, любитель-артиллеристъ, поручикъ Максимовичъ, пустилъ къ непріятелю въ отвѣтъ изъ своего орудія ударную гранату, но, къ сожалѣнію, она не долетѣла. Вторая такая-же граната легла немного позади кормы броненосца. Дѣло шло на ладъ. Между тѣмъ, врагъ не предпринималъ пока ничего рѣшительнаго; онъ послѣ своего перваго выстрѣла остался стоять у берега, на которомъ, какъ удалось замѣтить Дубасову, находилась и часть его команды.

Подъ впечатлѣніемъ этого открытія, Дубасову, какъ доносилъ онъ впослѣдствіи, пришла смѣлая мысль— броситься на абордажъ, но въ это время, со стороны Силистріи показались два новыхъ дыма, а маіоръ Муржеско, отлично знавшій мѣстность, замѣтилъ, что если-бъ и удался смѣлый планъ Дубасова, то увести забранное судно, до прибытія подкрѣпленій, не было никакой возможности, ибо пришлось-бы тащить его противъ теченія.

Тогда Дубасовъ рѣшился продолжать артиллерійскій бой и, прибавивъ ходу, приблизился къ непріятелю на разстояніи 1,500 саженъ. Непріятель тоже двинулся, было, впередъ, но третьимъ нашимъ выстрѣломъ у него, вѣроятно, перебило рулевую цѣпь, такъ какъ почти въ теченіи 10-ти минутъ онъ не могъ управляться и, повернувшись въ нашу сторону носомъ, сдѣлалъ очень слабый выстрѣлъ изъ своего малаго носоваго орудія. Исправивъ, затѣмъ, поврежденія, онъ снова пошелъ впередъ и, сдѣлавъ два выстрѣла изъ правыхъ орудій, повернулъ назадъ. Оставаясь вблизи мѣста сто-

янки и то—спускаясь, то—поднимаясь. броненосецъ продолжалъ, такимъ образомъ, стрѣлять по нашему отряду, но большинство его снарядовъ ложилось лѣвѣе, на островъ Бочу. Когда-же подходившія суда приблизились, онъ сдѣлался гораздо смѣлѣе и, при поворотахъ сверху внизъ, не разъ пытался броситься на моряковъ. Однако, чрезвычайно мѣткая стрѣльба поручика Максимовича быстро охлаждала эти порывы, а рѣшительное одновременное движеніе впередъ, по общему сигналу Дубасова, всѣхъ нашихъ судовъ для минной атаки, заставляло каждый разъ турокъ возвращаться вспять.

По мѣрѣ того, какъ развивался артиллерійскій бой и турецкіе снаряды ложились вездѣ, только не тамъ, гдѣ-бы имъ слѣдовало, лейтенантъ Дубасовъ рѣшилъ усилить свой огонь, привлекши къ участію въ немъ катеръ Шестакова. Но такъ какъ орудія съ этого катера били только на 1000 саженъ, то отряду пришлось приблизиться къ непріятелю на эту дистанцію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, катеру «Птичка» приказано было выдвинуться къ острову Бочу и быть постоянно готовымъ въ минному нападенію. Пятый снарядъ нашъ разорвался на палубѣ броненосца, около дымовыхъ трубъ, и произвелъ пожаръ, который туркамъ удалось потушить не ранѣе какъ черезъ четверть часа. Выстрѣлъ Шестакова такъ-же былъ удаченъ, попавъ въ впсѣвшую у борта шлюпку и заставивъ турокъ тотчасъ-же убрать ее. Пристрѣлявшись такимъ образомъ, наши орудія начали стрѣлять по палубѣ картечными гранатами, осыпая ее свинцовымъ дождемъ осколковъ и пуль.

Турки не оставались въ долгу, не смотря на разрушительное дѣйствіе нашего огня, на каждый выстрѣлъ отвѣчали двумя; но только одно ядро легло между лодкой «Николай» и катеромъ «Царевичъ», повредивъ осколками у первой—бортъ, а у втораго сломавъ сигнальную мачту.

Черезъ нѣсколько времени, удачнымъ выстрѣломъ съ лодки «Николай», снова зажжена была палуба и на этотъ разъ пожаръ принялъ такіе размѣры, что броненосецъ принужденъ былъ пристать къ берегу и высадить команду. Къ довершенію несчастія турокъ, почти одновременно съ началомъ пожара, на палубу шлепнулась граната съ катера Шестакова и произвела еще большее замѣшательство. Пользуясь этой удобной минутою, Дубасовъ подалъ отряду сигналъ: «атаковать непріятеля вдругъ, со всѣхъ сторонъ», и приказалъ зарядить всѣ орудія картечью. Лодка «Николай», катера «Царевичъ» и «Птичка» понеслись полнымъ ходомъ впередъ. Ближайшіе береговые предметы быстро мелькали передъ глазами, машины пыхтѣли и стучали, за кормами бурлила и пѣнилась вода... Непомѣрная отвага овладѣваетъ моряками, духъ замираетъ и, въ то-же время, какъ-бы стремится вырваться на просторъ; сердце сильно стучитъ и бьется въ груди, вторя стуку и грому машины... Черезъ минуту наши моряки уже у мыса острова Бочу, а тамъ —недалеко и до непріятеля... Вдругъ, неожиданно, откуда-то слѣва, раздается выстрѣлъ и передъ самымъ носомъ «Николая» разрывается непріятельскій снарядъ... Быстро повернувшись въ ту сторону, откуда прилетѣла нежданая гостья, Дубасовъ увидѣлъ цѣлую батарею ар-

тиллеріи, ставшую уже на позиціи и до сего времени скрывавшуюся отъ моряковъ за островомъ Бочу. Въ это-же время раздались выстрѣлы справа, а вскорѣ, затѣмъ, показались изъ-за выдающагося мыса, идущіе одинъ за другимъ, однотрубные, броненосецъ и пароходъ. Въ послѣднемъ Дубасовъ узналъ «Митхада»,— пароходъ, который онъ видѣлъ ранѣе въ Силистріи; на броненосцѣ съ башней, по словамъ маіора Муржеско, должны были быть орудія большаго калибра. Отъ горѣвшаго броненосца Дубасова отдѣляло еще разстояніе въ 700 сажень, обстрѣливаемое перекрестнымъ огнемъ батареи, броненосца и парохода. Кромѣ того, на пароходѣ, какъ было замѣтно, находились войска, а на берегу, по близости, цѣлый лагерь ихъ. За нами же не было никакой, и даже слабой надежды, на прибытіе подкрѣпленія, ибо ближайшія войска находились отъ мѣста схватки на разстояніи семичасоваго перехода.

При такихъ обстоятельствахъ объ атакѣ нечего было и думать. Всѣ преимущества были на сторонѣ непріятеля и потому Дубасовъ рѣшился отступить и далъ судамъ сигналъ: «построиться въ строй отступленія», а затѣмъ сигналъ: «отстрѣливаться». Повернувшись послѣ этого къ непріятелю кормой, «Николай» открылъ по нимъ учащенный огонь изъ обоихъ 4-хъ-фунтовыхъ нарѣзныхъ орудій и самымъ малымъ ходомъ направился къ Гура-Бали. Бросившійся было за нимъ, «Митхадъ» скоро остановилъ преслѣдованіе и такъ же, какъ и броненосецъ, пошелъ на помощь къ горѣвшему собрату. Лейтенантъ Шестаковъ, идя впереди Дубасова, долженъ былъ, для того, чтобъ стрѣлять изъ

своего орудія, поставленнаго на носу, нѣсколько разъ поворачиваться лицомъ къ непріятелю. Этотъ смѣлый маневръ производилъ сильное впечатлѣніе на «Митхада» и, конечно, много способствовалъ прекращенію преслѣдованія.

Въ 2 часа дня отрядъ Дубасова, продолжавшій отходить медленнымъ ходомъ, благополучно прибылъ къ рѣчкѣ Гура-Бали и, спустившись по ней, остановился на ночь у деревни Шокарги съ тѣмъ, чтобы, на слѣдующій день, если позволятъ обстоятельства, предпринять поиски и на самую Силистрію, черезъ Каларашъ по рѣчкѣ Борчѣ.

«Взвѣшивая всѣ обстоятельства сдѣланнаго дѣла,— доносилъ Дубасовъ Великому Князю Алексѣю Александровичу, — я долженъ прежде всего сознаться, что успѣшному исходу его я исключительно обязанъ превосходной стрѣльбѣ нашей артиллеріи, руководимой поручикомъ Максимовичемъ и хладнокровію артиллерійской прислуги, теперь уже привыкшей работать подъ огнемъ. Кромѣ того, на непріятеля производило сильнѣйшее впечатлѣніе и рѣшительно останавливало всѣ его смѣлыя попытки — замѣчательное единство дѣйствій всѣхъ трехъ судовъ нашего отряда, моментально исполнявшихъ всѣ приказанія; этимъ, я конечно, обязанъ чрезвычайному хладнокровію, распорядительности и находчивости командировъ катеровъ: мичмана Баля, и въ особенности, лейтенанта Шестакова. Я считалъ также своимъ долгомъ представить вниманію Вашего Императорскаго Высочества то участіе, которое принималъ въ этомъ дѣлѣ маіоръ Муркеско. Превосходно знакомый съ Дунаемъ, онъ во всѣхъ экспе-

диціяхъ отряда постоянно руководилъ насъ своими полезными и всегда точными указаніями мѣстности. Въ данномъ случаѣ, находясь въ мѣстности, совершенно мнѣ незнакомой и въ разстояніи почти семичасоваго перехода отъ ближайшаго расположенія нашихъ войскъ, я рѣшился вступить въ бой съ гораздо сильнѣйшимъ насъ противникомъ только потому, что всегда разсчитывалъ на совершенно точныя и ясныя указанія мѣстности маіоромъ Муржеско.

«Пользуясь случаемъ, я позволяю себѣ также обратить вниманіе Вашего Императорскаго Высочества на чрезвычайное усердіе завѣдывающаго механизмами всѣхъ трехъ судовъ, корпуса инженеръ-механиковъ подпоручика Синебрюхова. Только благодаря его замѣчательному трудолюбію и постоянной заботливости, эти механизмы находятся въ постоянной исправности, несмотря на продолжительную и трудную работу и полное отсутствіе всякихъ заводскихъ средствъ въ продолженіи болѣе двухъ мѣсяцевъ».

Что касается нижнихъ чиновъ, наиболѣе отличившихся въ семъ дѣлѣ, то генералъ Циммерманъ разрѣшилъ лейтенанту Дубасову представить ихъ къ наградамъ.

Такъ кончилась первая половина знаменитаго поиска. Недовольствуясь добытыми имъ свѣдѣніями, лейтенантъ Дубасовъ рѣшилъ, на слѣдующій день, предпринять новые и на этотъ разъ прямо подъ Силистрію. Къ утру этого дня, Дубасову, отъ перебѣжавшихъ съ турецкой стороны молдаванъ, стало извѣстно, что туркамъ удалось потушить пожаръ на броненосцѣ и что три судна стоятъ на томъ-же самомъ мѣстѣ,

подъ защитой береговой артиллеріи и прибывшей вновь пѣхоты, всего до 600 человѣкъ. Въ 6 часовъ утра Дубасовъ, передавъ временно всѣ распоряженія маіору Муржеско и мичману Балю, съ лейтенантомъ Шестаковымъ и поручикомъ Максимовичемъ, на катерѣ «Птичка», отправился въ Каларашъ. Тамъ былъ въ это время Генеральнаго Штаба полковникъ Байковъ, который, пользуясь прибытіемъ Дубасова, сообщилъ ему свои предположенія, что турки намѣреваются устроить у Силистріи переправу и что съ этою цѣлью они уже приступили къ приспособленію стоящихъ у берега водяныхъ мельницъ. Желая провѣрить эти предположенія, полковникъ Байковъ вызвался сопровождать Дубасова въ его экспедиціи, и въ 2 часа дня, они, захвативъ съ собою 10 человѣкъ казаковъ, начали спускаться по рѣкѣ Борчи къ Дунаю. Не доходя версты $1^1/_2$ до рѣки, Дубасовъ приталъ къ берегу и, оставивъ катеръ, дальнѣйшій путь, вмѣстѣ со своими спутниками, продолжалъ пѣшкомъ вдоль берега, представлявшаго во многихъ мѣстахъ сплошныя болота. Поровнявшись съ крѣпостью, отъ которой отдѣлялъ ихъ только Дунай, шириною въ 200—300 сажень, Дубасовъ и Байковъ внимательно осмотрѣли рѣку и противуположный берегъ и скоро убѣдились, что всѣ предположенія сего послѣдняго о сооруженіи переправы не основательны, обѣ мельницы стояли на томъ-же мѣстѣ, на которомъ, по показанію перебѣжчиковъ, стояли всегда и въ настоящее время никакой перемѣны въ расположеніи ихъ не произошло. Продолжая свой осмотръ далѣе, Дубасовъ открылъ, что у Силистріи, кромѣ судовъ, стоявшихъ въ окрестностяхъ ея, находятся

трехмачтовая винтовая шхуна, вооруженная семью мѣдными небольшими орудіями, и четыре парохода. изъ которыхъ два имѣютъ на себѣ пушки. Большаго замѣтить было нельзя, а потому отрядъ, той-же дорогой, направился назадъ, сначала въ Каларашъ, а на слѣдующій день и въ Черноводы, исполнивъ блистательно возложенное на него генераломъ Циммерманомъ порученіе.

X.

Дѣйствія моряковъ въ Сулинскомъ рейдѣ въ концѣ сентября мѣсяца.

Въ предъидущей главѣ мы упомянули, что Добруджинскій полуостровъ былъ занятъ войсками генерала Циммермана. По лѣвую сторону Дуная, у устьевъ его. стоялъ генералъ-лейтенантъ Веревкинъ, съ отрядомъ. изъ войскъ Одесскаго военнаго округа. Цѣль этого послѣдняго заключалась: въ охранѣ занятаго пространства отъ нападеній съ рѣки и съ моря, въ постоянномъ безпокойствѣ непріятеля, расположеннаго въ Сулинѣ и въ постановкѣ минныхъ заграждеій на нижнемъ Дунаѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это окажется нужнымъ, для воспрепятствованія входа въ рѣку непріятельскому флоту, плавающему по Черному морю.

Турки, очистивъ, съ переходомъ нашихъ войскъ черезъ Дунай у Браилова, рядъ придунайскихъ крѣпостей, удержались въ Сулинѣ и, такимъ образомъ. сохранили за собой входъ въ этотъ важный рукавъ. Само-собой разумѣется, что, чтобы окончательно обезпечить за собою Дунай, мы должны были прогнать

ихъ изъ Сулины, т. е. открыть противъ этого города
рядъ военныхъ дѣйствій.

Еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, командующій войсками Одес-
каго военнаго округа предписалъ генералу Веревкину
приступить къ означеннымъ дѣйствіямъ противъ Су-
лины; но исполненіе сего приказанія замедлилось въ
виду того, что рядъ развѣдокъ, произведенныхъ гене-
раломъ Веревкинымъ въ различное время къ городу,
убѣдилъ его въ необходимости значительнаго усиленія
флотиліи, имѣвшейся на нижнемъ Дунаѣ, безъ чего,
вслѣдствіе особеннаго характера мѣстности, чрезвы-
чайно болотистой и изрѣзанной множествомъ ручей-
ковъ, нельзя разсчитывать на успѣхъ. Пока шли спа-
ряженія флотиліи, пока изъ Одессы и Николаева до-
ставлялись различные предметы вооруженія для нея,
на театрѣ военныхъ дѣйствій произошли важныя со-
бытія, заставившія торопиться съ предпріятіями про-
тивъ Сулины. Дѣло заключалось въ томъ, что турки,
сломленные нами на Дунаѣ, намѣревались, какъ хо-
дили слухи, переправиться черезъ рѣку въ Румынію
и, захвативъ наши сообщенія, отрѣзать дѣйствующей
въ Болгаріи арміи путь отступленія. Дѣло, какъ ви-
димъ, задумано было хорошее. Конечно, осуществленію
этого смѣлаго плана не малую помощь могъ оказать
Черноморскій турецкій флотъ, прорвавшись черезъ Су-
линское гирло въ Дунай. Въ виду этихъ-то слуховъ,
которые начали подтверждаться попытками турокъ то—
тамъ, то—сямъ устроить переправу, отрядъ генерала
Веревкина долженъ былъ стать на стражѣ Сулинскаго
рукава и постараться или занять городъ, или же, по

крайней мѣрѣ, заградить входъ въ рукавъ съ моря подводными минами.

Въ половинѣ сентября работы по вооруженію флотиліи приходили уже къ концу. Къ этому же времени и слухъ о готовящейся переправѣ турецкихъ войскъ черезъ Дунай началъ распространяться настойчивѣе. Побуждаемый военнымъ министерствомъ изъ Константинополя, новый турецкій главнокомандующій, Сулейманъ-паша, казалось, рѣшилъ приступить къ осуществленію задуманнаго плана. У Силистріи сооружался мостъ и, когда часть его была готова, съ крѣпостныхъ стѣнъ и судовъ загремѣла канонада по нашимъ войскамъ. Это было въ ночь съ 25-го на 26-е сентября. Вреда намъ турки никакого не причинили, но съ этихъ поръ никто не могъ поручиться, что, не сегодня—завтра, повторится та-же исторія въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, и одновременно сухопутными войсками и флотомъ. Медлить намъ, слѣдовательно, дольше было положительно невозможно. Къ тому же, турки, догадываясь, вѣроятно, о нашихъ намѣреніяхъ противъ Силистры, успѣли обезпечить ее, насколько возможно, съ суши и съ моря, понастроивъ вокругъ батареи, замкнувъ подступы минами и бонами, а у морскаго берега расположивъ четыре броненосца.

23-го сентября флотилія наша, наконецъ, была готова *); но еще 21-го генераломъ Веревкинымъ былъ

---

*) Составъ флотиліи былъ слѣдующій: 1) Винтовая шхуна «Вронъ», подъ командой капитанъ-лейтенанта *Юнга*, вооруженная 5-ю, различнаго калибра, пушками; 2) Винтовая шхуна «Утка», подъ командой капитанъ-лейтенанта *Осдосѣева 1-го*, вооруженная тремя мортирами, двумя пушками и одною скорострѣлкой; 3) Винтовая шхуна «Лебедь», подъ командой капитанъ-лейтенанта *Стрекова 3-го*, вооруженная тремя

составленъ планъ дѣйствій противъ Сулины, по которому, въ этотъ день, т. е. 23-го, флотилія должна была двинуться по рукаву къ городу, захвативъ съ собою, предварительно, 10-ю, 11-ю и 3-ю стрѣлковую роты Дорогобужскаго полка и, дождавшись разсвѣта у минпаго загражденія, поставленнаго ранѣе генераломъ Циммерманомъ, слѣдовать далѣе. Для обезпеченія флотиліи съ берега, предписывалось: у 16-й мили высадить, на правый берегъ Дупая, 10-ю роту, которой слѣдовать на деревню Карафманъ. Къ ночи, 24-го, флотилія, по разсчетамъ, должна была прибыть къ 12-й мили, а минные катера—ко 2-й отъ Сулина и заложить тамъ мины

Однако, свирѣпствовавшій, со дня выхода флотиліи, жестокій сѣверо-восточный вѣтеръ нарушилъ приведенные разсчеты и она, вмѣсто 24-го, прибыла къ 12-й

мортирами и тремя, различнаго калибра, пушками; 4) Деревянная баржа, подъ командой капитанъ-лейтенанта *Строинскаго*, вооруженная двумя мортирами и пушкою; 5) и 6) Два буксирныхъ колесныхъ парохода: «Опытъ»,—командиръ капитанъ-лейтенантъ *Анцевъ*, и «Сестрица»,—командиръ капитанъ-лейтенантъ *Киткинъ 2-й*, на которыхъ было по два орудія и по одной скорострѣлкѣ, и, наконецъ, семь паровыхъ миноносныхъ катеровъ: 1) катеръ главнаго командира Черноморскаго флота, подъ командой лейтенанта *Лощинскаго*: 2) катеръ поповки «Вице-Адмиралъ Поповъ», подъ командой лейтенанта *Фридрихса*: 3) катеръ таможенный, подъ командой лейтенанта *Скрыпина*: 4) катеръ № 8-й, графа Строгонова, подъ командой лейтенанта *Крускопфа*: 5) катеръ «Свѣтлана», подъ командой мичмана *Радецкаго*: 6) катеръ «Пущинъ», одесскаго яхтъ-клуба, подъ командой мичмана *Азарьева*, и 7) собственный катеръ гардемарина графа Строгонова «Вихрь», подъ личною его командою. Кромѣ того, деревянная баржа, приспособленная для перевязочнаго пункта. Подводныхъ минъ находилось на флотиліи 90, разрывныхъ ракетъ—75. Начальникомъ всей флотиліи былъ капитанъ-лейтенантъ *Диковъ*. Суда и офицеры принадлежали къ Черноморскому флоту.

милѣ Сулинскаго рукава только 26-го, вечеромъ. Въ 10 часовъ минные катера лейтенантовъ: Крускопфа, Лащинскаго, Фридрихса и Скрягина, мичмана Радецкаго и гардемарина графа Строгонова, начали спускаться внизъ по рукаву для постановки минъ. Главное руководство этими работами было поручено, какъ старшему, лейтенанту Крускопфу. При немъ былъ проводникъ и на буксирѣ шли двѣ большія лодки съ тридцатью стрѣлками-охотниками Дорогобужскаго полка, подъ командой поручика Маринѣнко, долженствовавшими оттѣснить турецкіе посты, если-бъ таковые оказались на мѣстѣ постановки минъ. Для той же цѣли шли по правому берегу Дуная 60 охотниковъ 11-й роты подпоручика Душевскаго.

Ночь была темная, бурная. Рѣзкій, осенній вѣтеръ выл ъ въ прибрежныхъ камышахъ, вздымалъ волны и гналъ ихъ на встрѣчу катерамъ; на небѣ—ни звѣздочки: темныя тучи, сливаясь съ темными берегами, прикрыли рѣку, какъ шапкой. Приблизившись къ 3-й мили, катера спустили охотниковъ-стрѣлковъ на берегъ, а сами продолжали подвигаться впередъ. По мѣрѣ приближенія къ морю, теченіе въ рукавѣ усиливалось, катера начинало сносить. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мало по малу, разсѣивался окружающій мракъ. Всматриваясь въ берега и стараясь разсмотрѣть на нихъ милевой столбъ, около котораго нужно было поставить мины, моряки скоро замѣтили, что давно миновали это мѣсто и, слѣдовательно, слишкомъ близко подошли къ непріятелю. Это открытіе непріятно подѣйствовало на всѣхъ, но исправить невольную ошибку было уже поздно: теченіемъ несло катера прямо на бонъ, за ко-

торымъ стояли турецкіе броненосцы... Одну минуту на нихъ все было тихо; исполины, повидимому, спали глубокимъ сномъ, не чувствуя и не подозрѣвая, что противники ихъ такъ близко. Шумъ машинъ и сдерживаемый говоръ скоро, однако, обратили на себя вниманіе непріятеля. Какъ по сигналу, внезапно со всѣхъ судовъ раздались частые, ружейные и пушечные, выстрѣлы; темные корпуса ихъ опоясались сплошными лентами огней и масса картечныхъ и ружейныхъ пуль полетѣла на встрѣчу катерамъ... Съ громадными усиліями удалось морякамъ кое-какъ преодолѣть теченіе и отойти отъ бона шаговъ на 300. Бросивъ тутъ якоря, они немедленно приступили къ работѣ. Между тѣмъ, картечь и пули съ непріятельскихъ судовъ продолжали летѣть въ изобиліи. Сквозь свистъ и шипѣніе ихъ слышались крики, слышался шелестъ въ тростникахъ и поминутные всплески воды...

— Словно прорвало ихъ: никакъ не остановятся!— раздавался иногда въ темнотѣ одиночный голосъ матроса, недовольнаго безпорядочной турецкой трескотней.

— И все, вѣдь, безъ пути жарятъ,—подхватываетъ другой.

— Подожди, повидиѣе станетъ, такъ и путемъ начнутъ; а мы, глядишь, къ тому времени и кончимъ...—вмѣшивается еще голосъ.

— Ухъ, какъ жарко! Того и гляди, зацѣпитъ!... —слышится глубокій вздохъ съ сосѣдняго катера.

— Богъ милостивъ!... пока всѣ цѣлехоньки...

Перебрасываясь между собой такими отрывочными фразами, матросы продолжали работать. Убитыхъ и раненыхъ, дѣйствительно, по какой-то счастливой слу-

чайности, пока еще не было. Вдругъ, на катерѣ мичмана Радецкаго произошло какое-то замѣшательство, послышался довольно явственный крикъ, что-то плеснуло по водѣ и затѣмъ все смолкло...

— Что?... Что случилось?... Утонулъ кто?... Убитъ?... —перебѣгало отъ катера къ катеру и всѣ съ тревожнымъ вниманіемъ всматривались въ окружающую темноту и вслушивались въ смѣшенныя звуки ревѣвшей перестрѣлки и завыванья вѣтра. Черезъ нѣсколько минутъ дѣло разъяснилось. Оказалось, что на катерѣ мичмана Радецкаго перебило картечной пулей буксирный канатъ, на которомъ шелъ плотъ съ минами. Не сдерживаемый ничѣмъ, онъ, съ двумя минами и матросомъ, поплылъ внизъ по теченію. Очутившись одинъ на одинъ въ борьбѣ съ теченіемъ, въ темнотѣ и безъ всякихъ средствъ къ управленію плотомъ, несчастный матросъ, однако, не потерялся. Бросившись въ воду, онъ вплавь достигъ берега и подтащилъ туда плотъ, разсчитывая или потопить его, или же, по крайней мѣрѣ, испортить находившіяся на немъ мины и тѣмъ лишить непріятеля возможности, воспользовавшись ими, хвастать своей добычей... Къ сожалѣнію, однако, это похвальное намѣреніе браваго матроса, не забывшаго, въ минуты крайней опасности, о казенномъ имуществѣ, не увѣнчалось успѣхомъ. Ни потопить плотъ, ни испортить минъ онъ не съумѣлъ, и тотъ и другія, вѣроятно, попались въ руки непріятелю...

Не смотря на убійственный огонь и это происшествіе, къ утру 27-го, мины были поставлены и, такимъ образомъ, подъ прикрытіемъ ихъ, наша флотилія, оставшаяся, какъ мы видѣли, позади, могла начать свои

дѣйствія противъ Сулины и стоявшихъ возлѣ нея турецкихъ броненосцевъ.

Дѣйствительно, получивъ увѣдомленіе объ установкѣ катерами заграждепія, капитанъ-лейтенантъ Дпковъ, въ 6 часовъ утра, двинулся съ флотиліей впередъ, но уже у шестой мили съ мачты замѣтили, что турецкій броненосецъ разводитъ пары, а два парохода идутъ па встрѣчу по Сулинскому рукаву. Скоро одинъ изъ этихъ пароходовъ, по имени «Карталъ», сидящій въ водѣ не болѣе трехъ футовъ, благополучно прошелъ только-что поставленное нами заграждепіе и, замѣтивъ въ камышахъ на берегу стрѣлковъ, а впереди катера, открылъ по нимъ картечный огонь.

Здѣсь нужно замѣтить, что охотники-стрѣлки подпоручика Маринепко, сошедшіе съ катеровъ, какъ мы видѣли, почью у 3-й мили и направившіеся вдоль берега, подойдя къ назначенному мѣсту, наткнулись на турецкій постъ, который тотчасъ же и открылъ по нимъ огонь. Не смотря на то, что первыя же пули вырвали изъ рядовъ охотниковъ одного солдата, они, дабы не обнаруживать себя, на выстрѣлы не отвѣчали и, забравшись въ камыши, простояли тутъ до разсвѣта, гдѣ ихъ и засталъ картечный огонь съ парохода «Карталъ».

Отъ капитанъ-лейтенанта Дикова, продолжавшаго, тѣмъ временемъ, подвигаться впередъ, не ускользнуло отчаянное положеніе стрѣлковъ, не имѣвшихъ возможности ни укрыться отъ безпощаднаго огня, ни отступить. Не долго думая, онъ, полнымъ ходомъ, двинулся навстрѣчу «Карталу». Въ это же время стрѣлки и сами открыли по пароходу успѣшный огонь и, какъ

видно, не безвредный, ибо, послѣ первыхъ же залповъ, пароходъ нашелъ необходимымъ спустить на воду двѣ шлюпки съ войсками и направить ихъ въ атаку на дерзкихъ охотниковъ. Съ минуты на минуту, на берегу, въ камышахъ готова была вспыхнуть одна изъ тѣхъ кровопролитныхъ схватокъ, которыми, обыкновенно, сопровождается столкновеніе двухъ храбрыхъ противниковъ. Однако, до этого дѣло не дошло. Не успѣли турки выдти на берегъ, какъ были встрѣчены мѣткимъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ и жестоко поплатились за свою удаль. Изъ 40 человѣкъ, бывшихъ на шлюпкахъ, на одной не осталось никого и, предоставленная самой себѣ, она быстро понеслась внизъ по теченію; на другой уцѣлѣло только трое. Въ то же время, по показанію лазутчиковъ, былъ убитъ и самъ командиръ парохода.

На помощь стрѣлкамъ скоро подоспѣли орудія съ шхуны Дикова «Воронъ». Два чрезвычайно удачныхъ выстрѣла съ нея, обратили «Карталъ» въ бѣгство, за которымъ шелъ другой пароходъ такого же вида и размѣровъ. Раздались еще два выстрѣла, произведенные одновременно съ «Ворона» и «Утки», уже по этому, новому пароходу, и вслѣдъ за симъ послышался оглушительный взрывъ... Клубъ дыма и огромный столбъ воды поднялись надъ пароходомъ. Когда же дымъ разсѣялся, передъ глазами моряковъ была вспѣненная поверхность воды съ массой плавающихъ обломковъ, а надъ нею три одинокія мачты, потонувшаго моментально, парохода... Что было причиной этой катастрофы—бомбы-ли «Утки» и «Ворона» погубили пароходъ, или же онъ попалъ на подводную мину—осталось не выяснен-

нымъ. Вѣроятнѣе всего—послѣднее. Во всякомъ случаѣ, это былъ видный успѣхъ нашихъ моряковъ. Громкимъ, продолжительнымъ «ура» встрѣтили они его и вслѣдъ за симъ безпрепятственно заняли свои позиціи позади заграждешія для дальнѣйшей борьбы съ неприпимавшими еще участія въ бою турецкими броненосцами «Хивзи-Рахманъ» и «Мухадемъ-Хапръ».

Въ половинѣ восьмаго закипѣла оживленная перестрѣлка. Состязаться приходилось съ двумя громадными турецкими бронепосцами, изъ которыхъ, первое время, одинъ далеко не добрасывалъ своихъ снарядовъ, другой же, мало-по-малу, начиналъ пристрѣливаться и вскорѣ одна бомба разорвалась у самаго борта «Ворона». Находившійся на этомъ суднѣ капитанъ-лейтенантъ Диковъ счелъ за лучшее нѣсколько отойти назадъ, но до часу пополудни перестрѣлка все еще поддерживалась. Около этого времени съ рѣки началъ подниматься густой туманъ, а небо заволакивалось дождевыми тучами. Между нашей флотиліей и Сулиной повисла плотная завѣса изъ дождя и тумана, и, мало-по-малу, закрыла непріятеля. Выстрѣлы слышались рѣже, дождь усиливался, туманъ сгущался. Выпустивъ послѣдній снарядъ и недождавшись отвѣта, капитанъ-лейтенантъ Диковъ повернулъ съ флотиліей назадъ, а минные катера Фридрихса, Строганова и Скрягина, пользуясь туманомъ, подошли къ затопленному пароходу и сняли съ него флаги. Этимъ и закончились дѣйствія нашей флотиліи 27-го сентября. Ночью катерами былъ поставленъ новый рядъ минъ, а утромъ (28-го), лишь стало свѣтать и разсѣялась туманная мгла, флотилія снова заняла свои старыя позиціи и передъ нею, ли-

цомъ къ лицу, стояли вчерашніе враги,—броненосцы. Трубы ихъ дымились, пары были разведены. По всему видно, утро застало ихъ готовыми вступить въ бой. Черезъ нѣсколько времени, «Хивзи-Рахманъ», дѣйствительно, обнаружилъ намѣреніе начать бой, повернувъ къ намъ свое нарѣзное носовое орудіе, отличавшееся дальной, мѣткой стрѣльбой. Замѣтивъ это и желая предупредить врага, «Воронъ» сдѣлалъ первый выстрѣлъ и въ ту же минуту на палубѣ броненосца взвился бѣлый клубъ не то—дыма, не то—пара. Какъ оказалось впослѣдствіи, бомба попала на палубу и произвела тамъ пожаръ, заставивъ броненосецъ, не произведя ни одного выстрѣла, быстро спуститься къ морю. Съ отступленіемъ его, передъ флотиліей остался одинъ боецъ. да и тотъ вскорѣ прекратилъ огонь, спрятавшись отъ мѣткихъ выстрѣловъ «Ворона» за земляною насыпью. При такихъ условіяхъ, дальнѣйшая стрѣльба была бы напрасной тратой снарядовъ, а потому, въ 4 часа пополудни, флотилія снова отошла назадъ, а на слѣдующій день и вовсе оставила Сулинскій рукавъ, сосредоточившись у Тульчи. Причиной такого неожиданнаго поворота дѣла была телеграмма военнаго министра къ генералу Веревкину отъ 27-го сентября, запрещавшая, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, стрѣльбу по городу и по зданіямъ иностранныхъ консуловъ. Такимъ образомъ, 29-го сентября, по совершенно независимымъ отъ моряковъ обстоятельствамъ, прекратилась ихъ славная дѣятельность въ Сулинскомъ рукавѣ. Въ три дня они успѣли сдѣлать все то, что отъ нихъ требовалось: совершенно уничтожили одинъ пароходъ, повредили броненосецъ, заложили въ нѣсколькихъ мѣстахъ мины и,

вырвавъ изъ рядовъ враговъ болѣе сотни людей, заплатили за это всего двумя убитыми и четырьмя раненными.

***

Одновременно съ дѣйствіями моряковъ въ Сулинскомъ рукавѣ, открыты были дѣйствія противъ города и съ острова Лети, лежащаго между Сулинскимъ и Килійскимъ рукавами Дуная и занятаго войсками генерала Салацкаго. Здѣсь эти дѣйствія, въ описываемое время, состояли въ постоянномъ безпокойствѣ непріятеля ружейной стрѣльбой, ложными атаками и пусканіемъ разрывныхъ ракетъ. Чтобы составить себѣ понятіе о тѣхъ трудахъ и опасностяхъ, которыя выпали на долю учавствовавшихъ въ этихъ дѣйствіяхъ лицъ, мы приведемъ здѣсь подлинный разсказъ одного изъ нихъ, мичмана Дриженко.

«21-го сентября,—пишетъ онъ,—нашъ командиръ, капитанъ-лейтенантъ Юнгъ, собралъ къ себѣ, въ каюту, насъ троихъ, вахтенныхъ начальниковъ-мичмановъ — Лебедева, Хомиченко и меня, и, по приказанію начальника отряда, капитанъ-лейтенанта Лпкова, вызвалъ охотника пройти къ Сулинѣ и бросить нѣсколько разрывныхъ ракетъ въ непріятельскія суда. Я заявилъ желаніе первымъ и право идти осталось за мною. К. Л. Юнгъ разсказывалъ мнѣ, что идти придется плавнями, по камышамъ, по колѣно въ водѣ; но я такъ дорожилъ своимъ назначеніемъ, что не могъ, изъ-за трудности пути, отказаться.

«На слѣдующій день мнѣ далп одного охотника-матроса, Барнака, 14 ракетъ и я отправился къ дер.

Сатуново, гдѣ явился къ генералъ-маіору Салацкому. Въ Сатуновѣ я исподволь собиралъ свѣдѣнія о дорогахъ къ Сулинѣ, о плавняхъ и, вообще, старался разузнать какъ можно подробнѣе мѣстность, гдѣ придется дѣйствовать. Изъ разспросовъ я узналъ то же, что и прежде зналъ: съ острова Лети, т. е. съ сѣверной стороны, къ Сулинѣ есть только одна дорога — берегомъ моря, но она обстрѣливается турецкой батареей, передъ которой заложены фугасы *). Этой дорогой нельзя было воспользоваться. Волей-неволей, пришлось идти плавнями, по камышу; въ плавняхъ же было воды немного больше четверти выше колѣна.

«Наступленіе на Сулину назначено было на 25-е сентября; но жестокій сѣверо-восточный вѣтеръ, дувшій съ 23-го до полудня 25 го сентября, замедлилъ движеніе нашей флотиліи.

«Отъ генералъ-маіора Салацкаго я получилъ наставленіе, открыть пальбу ракетами въ ночь съ 25-го на 26-е сентября. По моему мнѣнію, этимъ достигалось слѣдующее: если мнѣ не удастся, почему-нибудь, нанести непріятелю серьезный вредъ, то, во всякомъ случаѣ, я отвлеку его вниманіе отъ нашихъ катеровъ, которые должны были ставить минное заграждение на третьей мили. Отъ генералъ-маіора Салацкаго я узналъ, что генералъ-лейтенантъ Веревкинъ приказалъ для насъ прорубить дорогу въ камышахъ.

«25-го сентября, въ 10 часовъ вечера, мы выступили изъ кордона, который стоялъ въ шести верстахъ отъ Сулины. Насъ было 25 человѣкъ: я, 20 человѣкъ

*) Фугасы — подземныя мины.

солдатъ-охотниковъ Дорогобужскаго полка, при одномъ офицерѣ, прапорщикѣ Великовѣ (тоже охотникъ), матросъ Барнакъ и два проводника — Назаръ Кавчукъ и грекъ Георгій Барось. Я взялъ съ собою шесть ракетъ. За нами шелъ взводъ охотниковъ Дорогобужскаго полка, подъ командой прапорщика Корсунскаго. Онъ долженъ былъ занять береговую дорогу и ждать нашего возвращенія, чтобъ, въ случаѣ нужды, прикрыть наше обратное шествіе.

«Было темно. Съ моря дулъ холодный вѣтеръ. Мы шли быстро. Солдаты были безъ ранцевъ, съ закинутыми за плечи ружьями. Курить и громко разговаривать, строго-на-строго было запрещено, такъ какъ мы были въ виду непріятельской батареи. Такъ мы прошли версты четыре; оставалось еще около двухъ верстъ, которыя нужно было идти плавнями, въ обходъ батареи. Къ полудню мы пришли къ тому мѣсту, гдѣ должны были сворачивать въ плавни. Остановились отдохнуть. Я усталъ изрядно; идти было по песку тяжело, особенно въ томъ костюмѣ, въ какомъ былъ я: на мнѣ были большіе сапоги, непромокаемые брюки, поверхъ суконныхъ, завязаны на сапогахъ и то мѣсто, гдѣ они завязаны, я замазалъ саломъ; непромокаемая рубашка поверхъ сюртука, для тепла, и пальто, заброшенное полами за плечи; сверхъ того: револьверъ, сабля, бинокль и квадрантъ, для установки ракетъ, составляли мое вооруженіе. Отъ воды я былъ застрахованъ почти по поясъ. Великовъ не защищался отъ воды, а обернулъ ноги мѣшкомъ, надѣлъ бараньи постолы, только чтобъ не порѣзаться камышемъ. Солдаты были одѣты обыкновенно — въ шинеляхъ и брюки въ сапоги.

«— Вотъ вамъ почной набѣгъ со всѣми его прелестями!—обратился ко мнѣ Корсунскій.

«Мы постояли немного, отдохнули и разстались: Корсунскій со взводомъ остался на дорогѣ, а я съ отрядомъ вошелъ въ плавни. Шли мы гуськомъ въ такомъ порядкѣ: два проводника, я съ Велиховымъ, Барнакъ съ ракетнымъ станкомъ, 12 солдатъ несли шесть ракетъ и 8 человѣкъ, для смѣны уставшихъ, замыкали шествіе. Барнакъ зорко наблюдалъ за проводниками: онъ объявилъ мнѣ, что убьетъ проводника, если тотъ «сдрефитъ» (т. е. поведетъ ихъ не туда, куда слѣдуетъ).

«Съ часъ мы шли плавнями. Вода была больше, чѣмъ на четверть выше колѣнъ. Непромокаемые брюки пока защищали меня, хотя идти было страшно тяжело. Камышъ такъ густъ, что днемъ едва можно разглядѣть человѣка въ 10—15-ти шагахъ. Темно, холодно; сапоги промокли. Вода все выше и выше; наконецъ, допила до кожи, наполнила брюки, а оттуда не выходитъ, и я очутился въ водяныхъ мѣшкахъ! Идти невыносимо тяжело; ноги по колѣно входятъ въ грунтъ—въ гнилой камышъ: шагнешь и тащишь за собою цѣлую массу его! По дорогѣ часто попадаются кочки.

«— Легче,—говорятъ мнѣ;—впереди кочка.

«Поднимаешь ногу — кочка почти до поверхности воды, т. е. до пояса. Перелезѣшь ее съ превеликимъ трудомъ; каждый перевалъ черезъ кочку стоилъ доброй версты дороги даже по песку. Вода все выше и выше; въ иныхъ мѣстахъ даже подъ мышки достаетъ. Я отъ души позавидовалъ Велихову и солдатамъ, что у нихъ нѣтъ водяныхъ мѣшковъ; имъ идти много легче моего.

Непромокаемыхъ брюкъ снять невозможно, — ноги по колѣно въ гнилomъ камышѣ, а вода—по грудь.

«Я часто спотыкался и падалъ въ воду; пальто намокло, вода наполнила непромокаемую рубашку — новый мѣшокъ съ водой. Идти было такъ тяжело, что я прежде и понятія не имѣлъ о подобныхъ трудностяхъ: я даже не могъ себѣ представить, что можно одолѣть подобныя трудности дороги. Пройдя часъ, я остановилъ отрядъ отдохнуть, по грудь въ водѣ, по колѣно въ грязи. А вода холодная, осенняя. Ночь на 26-е сентября была холодная; зубъ на зубъ не попадалъ. Солдатики достали манерки—согрѣться и подкрѣпиться коньякомъ.

«— Выпейте, ваше благородіе», предложилъ мнѣ сосѣдъ-солдатъ, протягивая манерку. Выпилъ я глотокъ съ превеликимъ отвращеніемъ; больше не могъ—больно противно.

«Простояли мы минутъ десять безъ движенія; стало еще холоднѣе. Я тронулъ — пошли. Опять тѣ-же камыши, кочки, тотъ-же нестерпимый холодъ, тотъ-же гнилой камышъ, такъ-же трудно идти. Мы шли, насколько возможно, быстро. Солдаты мои, бѣдняги, частенько смѣнялись подъ ракеты, спотыкались, падали, цѣплялись руками за камыши, тряслись отъ холода. Но не было ни одного слова упрека или ропота. Они шли охотниками и знали, какими дорогами имъ придется идти. Я только тогда понялъ, что можно сдѣлать съ русскимъ солдатомъ, добрымъ, на все готовымъ!...

«Наконецъ, мы добрались до дороги, прорубленной по приказанію генералъ-лейтенанта Веревкина. Тамъ то же, что и прежде, съ тою только разницею, что,

вмѣсто гнилаго камыша, приходилось тащить за ногою свѣжій. Срубленный камышъ положенъ на водѣ вдоль дороги: взберешься на него и очутишься верхомъ; да еще тѣ же кочки; идти, пожалуй, еще тяжелѣе. Мы шли уже часъ. Я нѣсколько разъ останавливалъ отрядъ «отдыхать»; солдаты пили коньякъ, но я не могъ преодолѣть отвращенія къ нему. Прошли еще часа три. Начало свѣтать. Я съ ужасомъ замѣтилъ, что слабѣю все больше и больше. Въ глазахъ начинаетъ все вертѣться, плясать, въ ушахъ шумитъ. Я съ трудомъ понимаю, что дѣлается вокругъ меня. Солдаты поддерживали меня, а черезъ кочки почти перетаскивали. Я остановилъ отрядъ и сѣлъ. Что было дальше—не помню. Долго-ли я былъ въ обморокѣ—не могу сказать. Когда я очнулся, было уже свѣтло. Я сидѣлъ на сломанномъ камышѣ, около меня стоялъ проводникъ, грекъ Барось; отряда не было. Проводникъ поднялъ меня, кое-какъ разъяснилъ мнѣ, что Велиховъ ушелъ съ ракетами дальше, а ему, Георгію, велѣлъ остаться со мной. Я не могъ идти самъ, и ему, бѣдному греку, пришлось тащить меня.

«— Куда теперь?—спросилъ онъ меня.

«— Дальше, дальше: догонять Велихова,—прошепталъ я, изрядно опираясь на его руку.—Нужно догнать; мнѣ нужно быть тамъ.

«— Да вы, ваше благородіе, идти не можете.

«— Могу; пойдемъ: веди меня,—упрямился я.

«Дорога была такая же; я шелъ, едва передвигая ноги.

«— Пойдемте въ Сулину, ваше благородіе,— сказалъ мнѣ грекъ.— У меня есть тамъ пріятель, грекъ Георгій Лидосъ; онъ скроетъ насъ у себя на время.

«Я почти терялъ сознаніе, но шелъ, крѣпко опираясь на руку проводника. Скоро послышался лай собакъ; камышъ сталъ рѣже, воды меньше—но колѣно; открылись постройки, потомъ открылся корпусъ корабля, на мачтахъ сидѣли по два сигнальщика. Улучивъ удобную минуту, мы вышли изъ воды. Меня живо увели въ домъ международной коммисіи, стоявшій на лѣвомъ берегу Дуная, противъ Сулины. Въ комнатѣ раздѣли меня, надѣли все сухое (на мнѣ не оказалось ни одной сухой нитки), терли чѣмъ-то, влили въ меня чего-то горячаго. Я опять забылся. Меня положили на постель, накрыли всѣмъ, что было пригодно для этого и оставили одного. Было уже 9 часовъ утра. Я пролежалъ до пяти часовъ вечера,—не спалъ, но не могъ шевельнуть ни рукой, ни ногой; во всемъ тѣлѣ слабость, въ головѣ—пустота; не могу собрать мыслей.

«Въ пять часовъ, частая ружейная пальба заставила меня очнуться. Я вскочилъ съ кровати, выбѣжалъ въ другую комнату, схватилъ со стола револьверъ и спросилъ Бароса, что это значитъ?

«— Это съ нашими бьются на дорогѣ.

«Я понялъ: Корсунскаго открыли и теперь идетъ перестрѣлка.

«— Пойдемъ, Георгій! Я уже совсѣмъ здоровъ,— сказалъ я проводнику.

«— Посмотрите, ваше благородіе, — сказалъ онъ мнѣ, подводя къ окну и отдернувъ край занавѣски.

«На крышахъ было много людей; они смотрѣли въ бинокли и зрительныя трубы вверхъ по рѣкѣ. Между этими людьми я замѣтилъ англійскихъ офицеровъ. Просвѣщенные мореплаватели увидѣли нашу флотилію,

идущую сверху, и сообщили о своемъ открытіи туркамъ. Турки начали готовиться къ бою, разводить пары на судахъ; вообще, началось большое движеніе въ городѣ.

«Идти было бы безуміемъ. Съ первыхъ же шаговъ меня замѣтили бы, поймали, а грековъ—повѣсили бы, какъ измѣнниковъ. Надо было ждать. Я одѣлся во все статское; надѣлъ жакетъ и ботинки Андоса.

«Прошли четыре мучительные часа. Мнѣ дали кусокъ вареной курицы; но кусокъ не лѣзъ въ горло, не смотря на то, что я цѣлый день не ѣлъ. Уйти нельзя было: подъ окнами часто проходили турецкіе солдаты. Ночью прогудѣли два пушечные выстрѣла, потомъ снова все смолкло, только, время отъ времени, турки проходили подъ окнами. Такъ я прождалъ всю ночь: идти было нельзя. Утромъ подняли на судахъ флаги, подошла наша «грозная» флотилія и открыла огонь по непріятелю. Турки и англичане снова вылѣзли на крыши — любоваться уничтоженіемъ нашихъ судовъ...

«Но Богъ судилъ иначе. Турецкій пароходъ попалъ на нашу мину и утонулъ. Просвѣщенные мореплаватели, вмѣстѣ съ нашими непріятелями, проклинали насъ и особенно злились, видя истребленіе турецкихъ войскъ.

«Андосъ часто приходилъ сообщать мнѣ ходъ боя. Я впускалъ его въ домъ по условному стуку въ дверь. А «пріятели» все сидѣли на крышахъ и не пускали меня уйти. Я молилъ всѣхъ святыхъ, чтобы хоть одинъ нашъ снарядъ попалъ въ нихъ, разогналъ бы ихъ и выручилъ меня. Но наши хорошо стрѣляли: снаряды ложились или на суда, или около нихъ.

«Часовъ въ 11 дня, послышался условленный стукъ въ дверь; отворяю—высовывается незнакомая голова; я—за револьверъ.

«— Честь имѣю кланяться, ваше высокоблагородіе! — во все горло привѣтствовалъ меня незнакомецъ.—Я тоже русскій, Савицкій; душевно радъ васъ видѣть.

«— Если вы не замолчите, я вамъ голову раскрою, — пригрозилъ я револьверомъ «пріятелю». Онъ притихъ на минуту, потомъ снова началъ изъясняться въ любви къ русскимъ; а отъ него такъ и пахнетъ виномъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что онъ и еще четыре человѣка хотятъ идти со мною къ русскимъ, и вышелъ изъ дома. «А что, если выдастъ?» — думалось мнѣ. «Я уйду, а грековъ повѣсятъ...»

«Къ полудню наши суда прекратили огонь; пошелъ маленькій дождь; англичане сошли съ крышъ. Вошелъ Андосъ и объявилъ мнѣ, что можно идти, что онъ и еще четыре человѣка идутъ со мною къ русскимъ. Онъ взялъ мое пальто, а саблю отдалъ одному греку, чтобы онъ пронесъ къ плавнѣ. Я требовалъ, чтобы и то и другое сожгли, или запрятали куда-нибудь подальше, но чтобы съ собою никто не бралъ: если поймаютъ съ поличнымъ—не сдобровать! Андосъ отдалъ пальто и саблю греку.

«Въ 12½ часовъ вышли изъ дома въ плавни я, мой проводникъ Барось и Андосъ. Какъ насъ не замѣтили турки—одному Богу извѣстно; мы прошли чуть не подъ носомъ у нихъ! Мы прошли въ камышахъ шаговъ 40 и остановились, чтобы подождать остальныхъ людей. Только что мы вошли въ густой

камышъ, какъ турки окружили солдатами тотъ домъ, гдѣ я былъ *), принялись стучать въ дверь прикладами; не отворяютъ—выломали ее.

«Пропало все мое!» — прошепталъ Андосъ. Дѣйствительно, баши-бузуки обыскали домъ, никого не нашли и разграбили все, что сочли достойнымъ вниманія.

«Обшарили они еще нѣсколько домовъ—никого не нашли; сообразили, что меня нѣтъ уже въ городѣ и бросились въ погоню, въ плавни. Мы трое пошли дальше, забрались въ самый густой камышъ и разошлись въ разныя стороны, чтобы не стоять вмѣстѣ:—одного не такъ легко замѣтить въ камышахъ. «Поймаютъ,—думаю.—замучатъ», тѣмъ болѣе, что на мнѣ нѣтъ ни одной блестящей пуговицы; даже, вмѣсто фуражки, шляпа. «Нѣтъ, живымъ не дамся!»—порѣшилъ я и досталъ револьверъ. Но закралось сомнѣніе, не будетъ-ли осѣчки; вѣдь патроны цѣлую ночь мокли въ водѣ со мной. Но, что бы ни было, я порѣшилъ не сдаваться. Турки вошли въ плавни; шумъ шаговъ все ближе и ближе; я ясно различаю говоръ ихъ.

«— Бурда, бурда варъ! (Здѣсь, здѣсь есть!)—кричитъ одинъ; остальные сбѣгаются къ нему. «Ну,—думаю,—увидѣли!»—А пропадать не хочется; прошолъ я еще нѣсколько шаговъ и забрался въ такую глубь камыша, что нѣтъ возможности въ двухъ шагахъ увидѣть человѣка. А говоръ и шумъ шаговъ все ближе и ближе.

---

*) Турки узнали отъ англичанъ, что у нихъ, въ городѣ, гостилъ русскій флотскій офицеръ; англичанамъ сказалъ объ этомъ Савицкій по пріятельству.

«— Бурда, бурда варъ!—слышу, кричитъ одинъ; «іокъ, іокъ» (пѣтъ, пѣтъ!),—отвѣчаютъ имъ другіе. Шумъ отъ меня шагахъ въ 20—30-ти—не дальше. Я взелъ курокъ револьвера. «Меня ищутъ,—думаю,—а не я ищу; слѣдовательно, если кто наткнется на меня, увижу первый я, застрѣлю, а самъ—дальше, въ камыши; шансы на успѣхъ есть». А турки близко ходятъ, ищутъ меня; больно ужъ имъ захотѣлось изловить. «Іокъ, іокъ!»—слышно. Шумъ и говоръ стали удаляться; скоро и совсѣмъ утихло все.

«Я свободнѣе вздохнулъ, отыскалъ моихъ грековъ, блѣдныхъ, какъ полотно, и мы трое пошли, не дожидаясь остальныхъ людей. Ждать ихъ, а тѣмъ болѣе, выручать,—не было никакой возможности. Обратное шествіе было для меня гораздо легче; я былъ одѣтъ легко, не защищался отъ воды. Но всѣ блага путешествія по плавнямъ были тѣ-же, что и наканунѣ: вода по грудь, камыши, холодъ, кочки. На изрѣзанныя наканунѣ камышами руки, я надѣлъ перчатки, чтобы вновь не порѣзать.

«Съ полчаса мы шли спокойно, насколько это было возможно въ нашемъ положеніи. Вдругъ—пушечный выстрѣлъ и граната прошипѣла надъ нами.

«Не по намъ»,—сказалъ я; но слѣдующій выстрѣлъ заставилъ убѣдиться въ противномъ: граната шлепнулась въ воду близко около насъ. Потомъ выстрѣлъ—картечь прожужжала около насъ, треща по камышу. Мы остановились. Нѣсколько разъ картечь жужжала около насъ, ложилась близко, но насъ не задѣла. Мы постояли съ полчаса въ водѣ по грудь и тронулись.

«— Какъ турки могли замѣтить насъ здѣсь? — спросилъ я Бароса.

«— Теперь тихо, вѣтра нѣтъ, камышъ нигдѣ не качается, а гдѣ мы идемъ, тамъ качается: имъ видно съ мачтъ, они и стрѣляютъ, — объяснилъ онъ мнѣ.

«Дальнѣйшее наше путешествіе было благополучно, безъ приключеній. Нѣсколько разъ мы натыкались на турецкіе пикеты и обходили ихъ благополучно. Турки узнали нашу дорогу и наблюдали за ней. Хотѣлось имъ изловить меня, да прозѣвали. Пикеты ихъ заставили свернуть насъ въ сторону и мы прошли не двѣ версты плавнями, а почти три съ половиною, и шли отъ $12^1/_2$ до 7-ми часовъ вечера. За шесть часовъ $3^1/_2$ версты прошли.

«Въ семь часовъ мы вышли изъ плавней, а въ десять были уже на кордонѣ. На кордонѣ я нашелъ уже Велихова; онъ возвратился наканунѣ, въ 4 часа. На кордонѣ армейскіе офицеры приняли меня съ живѣйшей радостью. Они, да и всѣ, кто зналъ о моемъ путешествіи, считали меня погибшимъ. Офицеры сняли съ меня, полуживаго отъ усталости, все мокрое (сухою была только шляпа), добыли мнѣ бѣлье, платье, сапоги, одѣли, напоили чаемъ, достали откуда-то кусокъ жаркого, которое я истребилъ съ невѣроятной быстротой. За весь этотъ день я съѣлъ только восемь маслинокъ, которыя выдавалъ мнѣ Барось, вынимая по двѣ изъ жилетнаго кармана. Вообще, офицеры такъ приняли меня, что я никогда не забуду этихъ добрыхъ, простыхъ людей, и навсегда сохраню въ памяти имя Велихова и дорогихъ Дорогобужцевъ».

Между тѣмъ, какъ Дрiженко, обезсиленный и измученный, въ безсознательномъ состоянiи лежалъ въ камышахъ, подъ охраною грека-проводника, прапорщикъ Велиховъ, съ командою и ракетами, продолжалъ свой трудный путь по плавнямъ. Дойдя къ утру 26-го числа до взморья, онъ расположился за строенiями, въ въ виду двухъ турецкихъ броненосцевъ и тутъ поджидалъ прибытiя флотилiи, чтобы открыть дѣйствiя ракетами. Но такъ какъ флотилiя не прибывала, а близость непрiятеля и начинавшiй долетать, время отъ времени, говоръ жителей, грозили открытiемъ, то, въ 12 часовъ того-же дня, прапорщикъ Велиховъ двинулся въ обратный путь.

Тѣмъ временемъ, прапорщикъ Корсунскiй остановился, какъ мы видѣли, со взводомъ охотниковъ-Дорогобужцевъ у прохода въ плавни и, ничего не слыхавшiй о приключенiяхъ Дрiженко, былъ атакованъ турками, изъ 150-ти человѣкъ пѣхоты и 6-ти всадниковъ. Завязалась частая перестрѣлка, охотники начали отходить, а между тѣмъ, на ихъ выстрѣлы спѣшили изъ резерва остальные три взвода роты, подъ командой подпоручика Роговцева. Появленiе ихъ положило конецъ турецкому наступленiю. Мало-по-малу, они исчезали въ камышахъ и перестрѣлка прекратилась.

На слѣдующiй день, прапорщикъ Велиховъ, взявъ на себя завѣдыванiе ракетной командой, снова углубился въ камыши и плавни; но выпущенныя имъ по непрiятельской батареѣ ракеты цѣли не достигали, ибо, вслѣдствiе неопытности въ этомъ дѣлѣ молодаго охотника, летѣли крайне разнообразно, а одну даже

разорвало у самаго станка, причемъ контузило нѣсколькихъ человѣкъ и исковеркало одно ружье.

Одновременно съ дѣйствіями ракетной команды, съ острова Лети дѣлались попытки тревожить непріятеля артиллеріей и даже казаками, и хотя эти попытки видимыхъ результатовъ не имѣли, но, уже одно присутствіе въ столь непроходимыхъ мѣстахъ русскихъ смѣльчаковъ, достигало цѣли, т. е. отвлекало вниманіе непріятеля отъ рукава, на которомъ устраивалось моряками минное заграждепіе. Совокупность всѣхъ дѣйствій, какъ моряковъ, такъ равно и сухопутныхъ войскъ отряда генерала Веревкина, привела къ извѣстнымъ уже намъ результатамъ.

Донося о нихъ командующему войсками Одесскаго военнаго округа и отзываясь съ особенной похвалой о самоотверженіи, мужествѣ и выносливости Дорогобужцевъ, генералъ Веревкинъ ставилъ себѣ только въ обязанность засвидѣтельствовать «о весьма полезной дѣятельности начальника отряда судовъ, капитанъ-лейтенанта Дикова и предпріимчивости, смѣлости и хладнокровномъ мужествѣ командировъ минныхъ катеровъ, лейтенантовъ: Крускопфа, Скрягина, Фридрихса и Лощинскаго, мичмана Радецкаго и гардемарина графа Строганова, заслуживающихъ «отличной похвалы».

XI.

Спускъ брандера *) Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ на Дунаѣ у Силистріи, въ ночь съ 1-го на 2-е октября.

Съ низовьевъ Дуная перенесемся снова къ крѣпости Силистріи и посмотримъ, что происходило здѣсь въ то время, когда отрядъ генералъ-лейтенанта Веревкина открылъ свои дѣйствія противъ Сулина.

23-го сентября, т. е. въ день выхода флотиліи капитанъ-лейтенанта Дикова къ Сулинѣ, въ городъ Каларашъ, по дунайскому протоку Борчѣ, на лодкѣ «Великій Князь Николай» прибылъ лейтенантъ Дубасовъ съ тремя паровыми катерами и, догнавшій его на пароходѣ «Загражденіе», Великій Князь Константинъ Константиновичъ. Вечеромъ сюда-же прибыли мичманы: князь Оболенскій, Эбелингъ и князь Щербатовъ.

Городъ Каларашъ лежитъ на лѣвомъ берегу Дуная, верстахъ въ 8—10-ти отъ Силистріи, и имѣетъ соединеніе съ рѣкою по протоку Борчѣ. Пользуясь этимъ

*) Для уничтоженія переправъ, сожженія непріятельскихъ судовъ и разрушенія всевозможныхъ сооруженій на водѣ, употребляется снарядъ, извѣстный подъ названіемъ *брандера*. Въ большинствѣ случаевъ, это—густоосмоленная лодка, или баржа, наполненная различными горючими матеріалами: соломой, стружками и спускаемая по теченію. Иногда, для придапія большей разрушительной силы брандеру, вмѣстѣ съ стружками и соломой, кладутъ въ лодку порохъ. Воспламеняется брандеръ помощью особоустроеннаго фитиля, а чтобы онъ лучше горѣлъ, содержимое его обливается керосиномъ. Потушить такой снарядъ чрезвычайно трудно, и если теченіе быстро и направленіе взято вѣрно, то гибель разрушаемой цѣли, отъ взрыва или отъ огня,—весьма вѣроятна.

протокомъ, русскіе моряки, собравшіеся у Калараша, могли спускаться по немъ въ Дунай и производить свои наблюденія надъ крѣпостью, берегами и омывающими ихъ водами Дуная. Поводомъ къ такимъ наблюденіямъ послужили (какъ мы имѣли уже ранѣе случай говорить) слухи о приготовленіяхъ турокъ къ переправѣ на румынскій берегъ и о сооруженіи ими, съ этою цѣлью, моста. Зародившіеся, еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, слухи эти, съ теченіемъ времени росли, распространялись все шире и шире и, мало-по-малу, переходили въ дѣйствительность. Единственнымъ средствомъ провѣрить ихъ и раскрыть истинныя намѣренія противника—были развѣдки, къ которымъ немедленно и приступили наши моряки, имѣя во главѣ опытнаго и знакомаго уже съ этою мѣстностью лейтенанта Дубасова, а въ числѣ участниковъ—Его Высочество Великаго Князя Константина Константиновича. Въ теченіи четырехъ дней: 24-го, 25-го, 26-го и 27-го сентября, офицеры по очередно, ночью, спускались на катерахъ въ Дунай, высматривали расположеніе противника и знакомились съ окружающею мѣстностью. Результатомъ этихъ ночныхъ поѣздокъ было то, что, къ концу мѣсяца, намъ сдѣлалось достовѣрно извѣстно о туркахъ слѣдующее: моста они никакого не строятъ и даже, какъ будто, приступаютъ къ разборкѣ, сдѣланной уже еще ранѣе, части его. Взамѣнъ-же моста, у береговъ Силистріи собрано множество торговыхъ деревянныхъ судовъ. Это обстоятельство ясно свидѣтельствовало, что турки не оставили своего намѣренія переправиться на нашъ берегъ, а только измѣнили средства переправы. Въ виду этого, наши моряки, совмѣстно съ командиромъ 24-й

пѣхотной дивизіи, генералъ-адъютантомъ Гершельманомъ, рѣшили сжечь собранныя у Силистріи деревянныя суда и тѣмъ лишить турокъ возможности привести въ исполненіе свой умыселъ.

Сказано—сдѣлано. Въ тотъ же день, у Калараша закипѣла работа по изготовленію брандеровъ: добывались лодки, осмаливались, набивались щепками, стружками, облпвались керосиномъ. Дѣло, видимо, спорилось въ искусныхъ рукахъ моряковъ и, не смотря на непрерывные дожди, значительно замедлявшіе работу, къ 1-му октября восемь брандеровъ были совершенно готовы. Оставалось спустить ихъ въ Дунай и запалить.

— Здорово будетъ горѣть! Вотъ, такъ иллюминацію устроимъ туркамъ!—говорили между собой пѣхотные солдаты, расположеннаго въ Каларашѣ отряда, посматривая на изготовленные брандеры.

— Когда же вы ихъ запалите? — допытывались нѣкоторые у матросовъ.

— Когда? Какъ прикажутъ—такъ и запалимъ. Вотъ, только-бы дождь пропалъ, а то, фитили отсырѣли, ничего не подѣлаешь,—отвѣчали матросы.

— Чего—пройдетъ? Ужъ, почитай, пропалъ; къ вечеру ясно будетъ,—слышались голоса.

Въ самомъ дѣлѣ, шедшій въ теченіи послѣднихъ дней непрерывный дождь, къ утру 1-го октября значительно поуменьшился; облака уже не такъ плотно обкладывали небо, изрѣдка даже сквозь нихъ начинали пробиваться яркіе лучи солнца. Часамъ къ тремъ небо совсѣмъ прояснилось. Дулъ свѣжій вѣтеръ; грязь обтягивало. Воспользовавшись перемѣной погоды, лейте-

лантъ Дубасовъ, съ согласія генерала Гершельмана, рѣшилъ, въ эту же ночь, попытать счастья и, лишь стемнѣло, съ паровыми катерами и шестью брандерами двинулся по Борчѣ къ Силистріи. Ночь была лунная: небо совершенно очистилось отъ облаковъ и милліоны звѣздъ, точно бисеромъ, усѣяли его темную поверхность. Одновременно съ выходомъ изъ Калараша флотиліи, въ подкрѣпленіе ей, направились по берегу двѣ роты Омскаго пѣхотнаго полка. По мѣрѣ того, какъ отрядъ подвигался къ Дунаю, луна все ниже и ниже спускалась къ горизонту, небо темнѣло, звѣзды мигали ярче, въ воздухѣ становилось сыро и холодно... Скоро и роты и катера погрузились во мракъ; кругомъ царила мертвая тишина... Ни курить, ни громко разговаривать не разрѣшалось.

Безшумно продолжали спускаться катера. Спереди изъ темноты начинали долетать однообразный гулъ большой рѣки; было часовъ около 10-ти вечера.

— Ну, вотъ, господа, мы и на Дунаѣ;—промолвилъ шепотомъ лейтенантъ Дубасовъ, когда плоскіе берега рѣки разошлись въ стороны и направо и налѣво отъ катеровъ показалась вода. Недалеко впереди виднѣлась темная масса острова Гопо.

— Здѣсь мы пока и остановимся; передай офицерамъ, Александръ Павловичъ, чтобы они окончательно осмотрѣли свои брандеры и приготовили ихъ, а я съ княземъ Оболенскимъ пойду въ секретъ, чтобы еще разъ осмотрѣть всю мѣстность, — также шепотомъ обратился Дубасовъ къ Шестакову и черезъ минуту исчезъ вдали.

Въ это время, луна уже совсѣмъ спряталась за горизонтомъ, но отъ звѣздъ было довольно свѣтло и такъ тихо, что каждый малѣйшій звукъ разносился далеко. Пробираясь осторожно вдоль берега, Дубасовъ и его спутникъ скоро замѣтили подъ самымъ островомъ Гоппо, саженяхъ въ 300 отъ мѣста остановки флотиліи, — турецкій пароходъ, вѣроятно, поставленный здѣсь для наблюденій, а немного спустя, до нихъ долетѣлъ изъ-подъ Силистріи шумъ колесъ другаго парохода, который, нужно полагать, работалъ тамъ надъ проводкой судовъ, назначенныхъ для моста. Еще ранѣе этого, морякамъ извѣстно было, что на островѣ Гоппо имѣется турецкая батарея. Принимая все это во вниманіе, лейтенантъ Дубасовъ, возвратясь изъ своей поѣздки, рѣшилъ, что, прежде чѣмъ проводить впередъ брандеры, нужно постараться прогнать, стоявшій за островомъ, непріятельскій пароходъ. Иначе, и этотъ пароходъ и батарея очутятся въ тылу у нашей флотиліи.

Былъ 4-й часъ утра, когда Дубасовъ, на катерѣ «Птичка», снова вышелъ изъ Борчи въ Дунай. На этомъ же катерѣ находился Его Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ, которому поручено было Дубасовымъ спустить на турецкій пароходъ, —тащившійся за катеромъ на буксирѣ, брандеръ. Въ то же время, лейтенанту Шестакову, съ мичманами Ѳедоровымъ и Эбелингомъ, было приказано придвинуться съ катеромъ «Царевна» къ самому истоку Борчи и приготовиться, при заревѣ загоравшагося брандера, стрѣлять по пароходу изъ своего орудія.

Спали-ли турки въ этотъ ранній часъ утра, или нарочно пропустили «Птичку», чтобы затѣмъ отрѣзать ей путь отступленія, только она благополучно прошла отдѣлявшее ее отъ острова пространство, благополучно пристала къ берегу, почти подъ самой турецкой батареей и выше ихъ парохода. Теченіе здѣсь было быстрое и катеръ и брандеръ несло внизъ. Черезъ минуту, Его Высочество, исполняя порученіе лейтенанта Дубасова, установилъ брандеръ въ надлежащемъ направленіи, поджегъ фитиль и отдалъ буксиръ. Брандеръ стремительно понесся по теченію... На островѣ и на пароходѣ, по прежнему, царствовала полная тишина, а кругомъ стоялъ все тотъ же полусвѣтъ звѣздной октябрьской ночи... Но вотъ, вдругъ, минутъ черезъ пять, вспыхнуло яркое пламя отъ загорѣвшагося брандера и багровымъ заревомъ освѣтило рѣку. Въ тотъ же мигъ, съ парохода и съ острова раздались частые ружейные выстрѣлы по пылающему брандеру... Но турецкія пули, скрещиваясь надъ поверхностью рѣки, напрасно искали въ ней виновниковъ своего безпокойства: ихъ, какъ говорится, и слѣдъ простылъ. Еще до воспламененія брандера, «Птичка», управляемая Великимъ Княземъ, успѣла незамѣтно повернуть обратно и теперь, прикрываясь лѣсомъ нашего берега, отходила къ устью р. Борчи. Очередь была за «Царевной», выжидавшей удобнаго момента, чтобы открыть огонь изъ своихъ орудій. Какъ только зарево отъ пылавшаго брандера освѣтило мѣстность, съ нея раздался первый выстрѣлъ, за нимъ вскорѣ послѣдовалъ второй. Съ парохода и острова отвѣчали тѣмъ же и вслѣдъ за симъ ружейный огонь быстро распространился по всей линіи.

Пронизывая съ яростнымъ свистомъ ночной воздухъ, пули и гранаты все ближе и ближе пролетали надъ головами нашихъ моряковъ, а послѣ 5-го выстрѣла съ «Царевны» перекрестный огонь турокъ сдѣлался настолько дѣйствителенъ, что лейтенантъ Дубасовъ приказалъ катерамъ отходить назадъ, а мичманамъ, князьямъ Оболенскому и Щербатову, поручилъ отводить изъ подъ огня заготовленные брандеры. Былъ уже пятый часъ утра, ночь была наисходѣ; до разсвѣта оставалось всего нѣсколько часовъ, въ теченіи которыхъ не было никакой возможности исполнить задуманное дѣло. Волей-неволей, приходилось отложить его до другаго раза, а пока удовольствоваться тѣмъ, что уже сдѣлано. Къ 5-ти часамъ утра, катера и брандеры снова соединились всѣ вмѣстѣ и пошли обратно въ Каларашъ; турецкій огонь началъ постепенно ослабѣвать, переходя, мало-по-малу, въ отрывочные, одиночные выстрѣлы, а скоро и совсѣмъ прекратился.

Описаніе этого послѣдняго дѣла нашихъ моряковъ закончимъ словами донесенія лейтенанта [illegible] Императорскому Высочеству — начальнику [illegible] командъ на Дунаѣ, Великому Князю Алексѣ [illegible] дровичу.

«Изложивъ факты, — говоритъ онъ, — я счи[illegible] болѣе обязательнымъ засвидѣтельствовать п[illegible] шимъ Высочествомъ о заслугахъ офицеровъ, [illegible] вавшихъ въ дѣлѣ, что въ данномъ случаѣ, эт[illegible] справедливѣе, могутъ быть оцѣнены не резу[illegible] а тѣмъ горячимъ увлеченіемъ и усердіемъ къ дѣлу, которыя были ими выказаны. Проведя почти всѣ ночи

въ развѣдкахъ, офицеры днемъ ни на минуту не оставляли работы, и только благодаря ихъ распорядительности и неистощимой энергіи, можно было выполнить всю подготовку предпріятія въ чрезвычайно короткій срокъ. Оцѣнивая поведеніе каждаго изъ офицеровъ, большинство которыхъ было первый разъ подъ непріятельскимъ огнемъ, я считаю долгомъ прежде всего упомянуть о Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ Константинѣ Константиновичѣ, хладнокровіе и распорядительность котораго, несомнѣнно, гораздо выше его лѣтъ и опытности. Выполненное имъ порученіе лучше всего, впрочемъ, говоритъ само за себя.

«Мичманы: князь Оболенскій, Эбелингъ и князь Щербатовъ, кромѣ трудовъ, вложенныхъ во все дѣло, выказали подъ огнемъ полное самообладаніе и самую благоразумную распорядительность. Эбелингъ—при стрѣльбѣ катера «Царевна», гдѣ онъ командовалъ орудіями, а князь Оболенскій и Щербатовъ—быстрою уборкою брандеровъ изъ подъ сильнаго непріятельскаго огня.

«Командиры катеровъ: мичманы Никитинъ и Ѳедоровъ сдѣлали больше, чѣмъ можно, для приведенія въ порядокъ и готовность для минныхъ нападеній своихъ катеровъ, сдѣлавшихся, отъ продолжительной службы, почти негодными для этой цѣли.

«Механикъ лодки «Николай», подпоручикъ Сшебрюховъ, бывшій охотникомъ на катерѣ «Птичка», своею изобрѣтательностью умѣлъ добиться того, что, впродолженіи экспедиціи, машина катера работала почти безъ шума, и только благодаря этому «Птичка» не попала въ огонь гораздо раньше и въ болѣе опасномъ разстояніи отъ батарей.

«Объ участіи во всемъ предпріятіи лейтенанта Шестакова я позволю себѣ сказать только то, что онъ былъ душой и двигателемъ всего дѣла, и опытъ и энергію его я считаю выше моей оцѣнки.

«Я считалъ-бы себя въ высшей степени счастливымъ, если-бы Ваше Императорское Высочество нашли возможнымъ поименованныхъ мною офицеровъ представить къ заслуженнымъ наградамъ; позволяю себѣ также просить разрѣшенія представить Вашему Высочеству хотя-бы наиболѣе заслужившихъ нижнихъ чиновъ».

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Поздняя осень непривѣтливо глядѣла въ маленькіе окошечки деревенскихъ хатъ. На дворѣ стояла невылазная грязь, завывалъ холодный вѣтеръ; крупныя капли дождя, не переставая, барабанили по черепичнымъ крышамъ, рѣка надулась и потемнѣла... Вездѣ холодъ и сырость. Извѣстно, что погода чрезвычайно дѣйствуетъ на расположеніе духа человѣка, а въ особенности тамъ, гдѣ, силой обстоятельствъ, человѣкъ поставленъ въ необходимость испытывать на себѣ всѣ неблагопріятности перемѣны ея, не имѣя возможности ни укрыт[ь] пронизывающаго холода и дождя въ теплое помѣ[щеніе] ни предохранить себя отъ ихъ теплой одежд[ы] такомъ положеніи, съ наступленіемъ осени и [ихъ] ныхъ съ нею дождей, тумановъ и холодовъ, о[ни] наши моряки на Дунаѣ. Помимо физическихъ лишеній, которыя испытывали они въ эти дни и долгія осеннія ночи, ихъ томило еще отсутствіе живой, безпрерывной

дѣятельности, мучило наступившее вдругъ по всему Дунаю затишье, а безпрерывно получавшіеся съ театра войны извѣстія о славныхъ побѣдахъ сухопутныхъ войскъ, заставляли страстно желать самихъ двинуться поскорѣе въ походъ, увидѣть новыя картины, новую обстановку, испытать иныя впечатлѣнія. Но все это были одни мечты и мечты неосуществимыя. Не смотря на наступившую осень и сравнительное затишье, на плечахъ моряковъ, по прежнему, лежала тяжелая обязанность охраны Дуная и сооруженныхъ на немъ мостовъ. Къ тому-же, и теперь, если и не такъ часто, какъ въ былые дни, все-же приходилось сталкиваться съ турками, которые, подъ вліяніемъ, вѣроятно, неудачъ своей арміи, время отъ времени, пытались поправить проигранное дѣло на сушѣ, какимъ-нибудь отчаяннымъ дѣйствіемъ на Дунаѣ. Такъ, въ ночь на 10-е октября, авангардъ ихъ, человѣкъ въ 200 стрѣлковъ, намѣревался высадиться на румынскій берегъ, близъ деревни Мало-де-Жосъ, но былъ отраженъ передовыми кавалерійскими постами, безъ участія моряковъ. Въ другой разъ, а именно: 8-го, 14-го и 17-го ноября были сдѣланы такія-же попытки высадки войскъ на нашъ берегъ, близъ деревни Мапука, но и эти, какъ и первая, не имѣли успѣха. Въ промежуткахъ между этими, болѣе рѣшительными, дѣйствіями турокъ происходили иногда, въ особенности по ночамъ, мелкія стычки, загоралась ружейная перестрѣлка, но скоро и замирала въ ревѣ осенняго вѣтра и въ шумѣ разгулявшихся волнъ. По временамъ долетали издалека густые выстрѣлы осадныхъ орудій. Это наши батареи перестрѣливались съ какой-нибудь уцѣлѣвшей турецкой крѣ-

постью, или-же съ появившемся вдругъ откуда-нибудь броненосцемъ.

Въ главномъ мѣстопребываніи гвардейскихъ моряковъ, въ деревнѣ Мало-де-Жосъ, гдѣ жилъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ и наряду со всѣми переносилъ всѣ невзгоды военнаго времени, было не весело. Всѣмъ и каждому успѣли давно приглядѣться и рѣка, и ближайшія окрестности, давно опротивѣть однообразная жизнь изо-дня-въ день. Многіе также мечтали о болѣе пріятномъ будущемъ, о походѣ, сраженіяхъ, другихъ мѣстахъ и впечатлѣніяхъ. Этимъ мечтамъ, хотя отчасти, суждено было осуществиться, ибо въ это время задумана была постройка новаго моста черезъ Дунай, у Богота, и гвардейскіе моряки, покинувъ страшно надоѣвшую деревню, были переведены, 2-го октября, ближе къ Дунаю, въ деревню Петрошаны, а 5-го уже принялись за вколачиваніе для моста свай. Послѣ мѣсячной, почти безпрерывной, работы, 4-го ноября мостъ, наконецъ, былъ оконченъ и по немъ открыта переправа. Прилегавшая мѣстность мигомъ оживилась, потянулись по вновь устроенному мосту безконечные обозы. тендантскіе транспорты, различный людъ, пѣшій ный. Но не прошло и двухъ недѣль, какъ суетня успѣла наскучить, присмотрѣться, опро Приступы безъотчетной тоски начинали пов' чаще и въ такія минуты вниманіе невольно лось къ дѣйствующей арміи, гдѣ, думалось, я кою жизнью, дышалось свободнѣе на просторѣ поля, чѣмъ въ этомъ, все болѣе и болѣе ... шемся въ тишину и спокойствіе, краѣ. Но вотъ, 30-го ноября, почти на берегу Дуная, въ Рущукскомъ от-

рядѣ Наслѣдника Цесаревича грянулъ бой *) и еще разъ огласилъ воды его боевыми выстрѣлами. То была послѣдняя попытка арміи Сулеймана-паши—прорвать оборонительную линію Рущукскаго отряда у Мечки и Трестеника и захватить наши сообщенія черезъ Дунай. Столкновеніе было рѣшительное и, для турокъ, роковое. Чтобы вѣрнѣе выдержать и отразить натискъ въ нѣсколько разъ сильнѣйшаго врага, Наслѣдникъ Цесаревичъ вытребовалъ къ себѣ, въ видѣ резерновъ, нѣсколько спеціальныхъ частей, состоявшихъ при переправѣ и въ томъ числѣ Гвардейскій экипажъ. Гулъ разгоравшейся съ каждымъ часомъ артиллерійской и ружейной перестрѣлки уже отчетливо долеталъ до слуха моряковъ, когда они выступили къ мѣсту боя. Стоявшая въ этотъ день ясная, превосходная погода, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала праздничному настроенію моряковъ, дождавшихся, наконецъ, осуществленія своей завѣтной мечты. Веселые голоса, смѣхъ и шутки постоянно раздавались въ ихъ рядахъ. Легкій морозецъ и подмерзшая грязь дѣлала походъ особенно пріятнымъ.

— Говорятъ, что у него много араповъ подвезли...

— Кто-то изъ матросовъ, когда вопросъ коснулся предстоящаго дѣла.

— Ека невидаль! А ты ужъ и испугался?! Вѣдь арапа кожица толстая, на то онъ и арапъ; съ налету—ничего, заберетъ!—послышался ...ьный отвѣтъ изъ заднихъ рядовъ.

*) См. описаніе его, съ рисунками, въ кн. „Рущукскій отрядъ Наслѣдника Цесаревича въ турецкую войну 1877—78 гг.“ Изд. Ред. журнала „Чт. для Солд.“, цѣна 2 рубля.

По мѣрѣ приближенія къ позиціямъ, канонада то—усиливалась, то—снова затихала. Она уже не лилась безпрерывнымъ гуломъ, какъ въ началѣ, и опытное ухо безъ труда могло различить, что дѣло приходитъ къ концу.

— Неужели, опять въ пустую?—думали нѣкоторые. начинавшіе догадываться, что, не смотря на быструю ходьбу, застанутъ бой уже въ концѣ.

Подъ впечатлѣніемъ этой мысли, баталіонъ моряковъ подошелъ къ подъему на позицію и здѣсь остановился, пославъ впередъ лейтенанта Скрыдлова съ донесеніемъ о своемъ прибытіи. Выстрѣлы впереди отдалились и рѣдѣли... «Когда-же насъ-то потребуютъ?—задавали другъ другу вопросы моряки, съ нетерпѣніемъ ожидал приказаній. Но въ эту минуту помощь моряковъ была уже не нужна. Турки на всѣхъ позиціяхъ были отбиты и находились въ полномъ отступленіи. Встрѣтившій на позиціи Скрыдлова, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, узнавъ о прибытіи баталіона, сказалъ было ему: «Ну, пускай, наступайте; только не очень зарывайтесь...» Но наступать было уже не на кого, и баталіонъ, дождавшись возвращенія своего командира, флигель-адъютанта Головачева, возвратился въ мѣсто своего прежняго расположенія.

Болѣе видное участіе въ дѣлѣ 30-го ноября принялъ лейтенантъ Мякинин, на мониторѣ «Никополь».

13-го декабря, на Дунаѣ показался первый ледъ, или, такъ называемое, «сало», надѣлавшій морякамъ не мало хлопотъ, потому что острыя льдины постоянно рѣзали мостовые понтоны. Этотъ новый врагъ переправы держалъ охранителей ея въ постоянномъ страхѣ, не хуже

любаго непріятельскаго броненосца и, нужно отдать справедливость, дѣйствовалъ съ бо́льшею рѣшительностью, чѣмъ облеченные въ броню гиганты. То и дѣло, приходилось чинить понтоны, или замѣнять ихъ новыми; при первомъ извѣстіи, въ ночь, въ полночь, бѣжать къ мосту, по тревогѣ сбирать людей, измышлять различныя средства и дрожать за каждую оплошность, каждый промахъ. Тѣмъ не менѣе, морякамъ удалось побѣдить природу, какъ побѣдили они и человѣка: Зимницкій и Боготскій мосты уцѣлѣли и ни на одинъ день сообщеніе по нимъ не прекращалось. Не то было съ Браиловскимъ. Неожиданнымъ ледоходомъ онъ былъ разорванъ и 21 понтонъ безвозвратно унесены, такъ что, по сообщенію Великаго Князя Алексѣя Александровича, возстановленіе его было невозможно.

Заставляя моряковъ обращать главное вниманіе на сохраненіе мостовъ, начавшійся ледоходъ вмѣстѣ съ тѣмъ стѣснилъ до крайности движеніе ихъ по Дунаю. Катера и шлюпки показывались только у береговъ, да у мостовъ, не рискуя выходить на средину, гдѣ, без- [illegible] голосой, шурша и трескаясь, ползла сплош- [illegible] льда. Берега одѣлись также въ зимній по- [illegible] и успливались. Скоро ледъ сталъ и всякое [illegible] рѣкѣ прекратилось. Туркамъ въ это время [illegible] до того, чтобы предпринимать какія ни- [illegible] на Дунаѣ. Войска ихъ спѣшили за Бал- [illegible], — [illegible] успѣла уже перевалить наша армія, — и [illegible] нь грозила захватить въ свои руки столицы Имперіи.

* * *

Оглядываясь теперь назадъ, на всю прошедшую передъ нами, въ рядѣ приведенныхъ разсказовъ, дѣятельность моряковъ, постараемся, въ краткихъ словахъ, подвести итогъ всему сдѣланному ими и посмотримъ: на сколько поставленная имъ въ началѣ войны задача была исполнена и на сколько принимаемыя мѣры достигли цѣли. Начнемъ сначала. Явившись на Дунай, какъ мы видимъ, съ крайне ограниченными и несовершенными средствами борьбы, моряки, въ скоромъ времени, съумѣли создать изъ этихъ ничтожныхъ средствъ грозную силу, съ которой приходилось считаться превосходной и многочисленной турецкой флотиліи. Примѣняя эту силу съ различными цѣлями, то—въ устьяхъ Дуная, то—въ среднемъ, то въ—верхнемъ его теченіи, они проявили въ своихъ дѣйствіяхъ неслыханную смѣлость, ловкость и глубокое знаніе своего дѣла. Нѣтъ нужды, что изъ многочисленныхъ минныхъ атакъ, предпринятыхъ въ разное время, разными лицами и на разныхъ мѣстахъ, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ только одна (атака Дубасова и Шестакова 14-го мая). Разсматривая внимательно причины неудачъ всѣхъ другихъ, мы видимъ, что не отъ недостатка храбрости и ловкости въ самихъ морякахъ произошли эти неудачи; а чисто отъ случайныхъ причинъ, а всего чаще—отъ несовершенства катеровъ и минъ. Мы видимъ также, что, послѣ всѣхъ этихъ кажущихся неудачныхъ атакъ, непріятель все-таки на столько ослабѣвалъ и падалъ духомъ, что, въ большинствѣ случаевъ, не рѣшался преслѣдовать, искалеченный картечью и пулями, катеръ, и проходило много времени, прежде чѣмъ онъ снова осмѣливался выдти изъ подъ защиты крѣпостныхъ ору-

дій. Это-ли не успѣхъ? Это-ли не блестящая побѣда силы духовной надъ силой физической!? Переходя отъ минныхъ атакъ къ постановкѣ минныхъ заграждений, какъ къ одному изъ средствъ борьбы съ непріятелемъ, мы видимъ, что и тутъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ моряковъ проглядываетъ эта могучая сила. И тутъ, сплошь да рядомъ, она является побѣдительницей; она заставляетъ непріятеля спокойно смотрѣть на наши работы въ то время, какъ въ его рукахъ всѣ средства помѣшать имъ; она обращаетъ его, повидимому, въ безпричинное бѣгство, смущаетъ, приводитъ въ трепетъ... Въ результатѣ является цѣлый рядъ минныхъ заграждений, стѣснившій донельзя свободу плаванія турецкихъ судовъ и позволившій намъ произвести первую переправу и устроить первый постоянный мостъ. Продолжая въ томъ-же духѣ, моряки зорко оберегали рѣку, очутившуюся уже въ тылу нашей дѣйствующей арміи, и нѣсколько разъ разстраивали попытки турокъ переправиться на нашъ берегъ, или-же захватить сообщенія. Все это, вмѣстѣ взятое, привело къ тому, что [illegible]ая армія могла спокойно втягиваться въ [illegible]льской страны, не опасаясь за свой [illegible] полному осуществленію этой задачи не [illegible] саперы, береговыя батареи, кавалерійскія части расположенныхъ по берегу [illegible]же, собственно на водѣ, главными борцами были моряки, и имъ, по всей справедливости, [illegible]ьвиная доля той славы, которую стяжали свои войска наши въ борьбѣ за обладаніе Дунаемъ.

«Ура» вамъ, герои-моряки! Да крѣпнутъ ваши силы, какъ истинныхъ сыновъ Россіи, въ сознаніи величія ея! Да не померкнетъ ваша боевая слава, и подростающее поколѣніе, всосавшее съ молокомъ матери завѣщанную вамъ любовь къ Отечеству, Царю и Вѣрѣ, да озаритъ ее новымъ блескомъ въ будущемъ, на судахъ возрожденнаго, но не окрещеннаго еще боевымъ огнемъ, Черноморскаго флота!

ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛОВЪ:

„ЧТЕНІЕ для СОЛДАТЪ“ и „ЧТЕНІЕ для НАРОДА“

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИЖКИ:

310.—**Осада Троицко-Сергіевскаго монастыря** (въ 1608—10 гг.). Съ рисункомъ 1881 г. Цѣна 10 коп.

232.—**Отечественная война 1812** года. Глава I. Очеркъ событій, предшествовавшихъ войнѣ 1812 года.—Глава II. Битва при Краснохъ, Смоленскѣ и Лубинѣ. — Глава III. Шевардинская и Бородинская битвы.— Глава IV. Французы въ Москвѣ. — Глава V. Сраженіе при Тарутинѣ и Малоярославцѣ. — Глава VI. Сраженіе при Красномъ и Березинская переправа. Изд. 1877 года. Съ 4 рис. Цѣна 35 к.

118.—**Полтавская битва**. Историч. разсказъ. Съ рисункомъ. Изд. 1876 г. Цѣна 10 коп.

119.—**Бородинская битва**. Историч. разсказъ. Съ рис. Изд. 3-е. 1876 г. Цѣна 10 к.

198.—**Наваринская битва**. (Съ рис.) Изд. 1878 г. Цѣна 10 коп.

244.—**Описаніе Восточной войны** 1853—1856 гг., со включеніемъ подробнаго описанія безпримѣрной **геройской защиты Севастополя**. Посвящено Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу, **издано для войска и народа вообще**. «**Описаніе Восточной войны**» отпечатано въ 8-ю долю обыкновеннаго формата, на 35-ти листахъ (560 стран.), съ 62-мя портретами и рисунками. Цѣна 1 р. 75 коп., съ перес. 2 рубля.

111.—**Севастополь и его доблестные защитники**. Изд. 4-е, дополненное, съ 20-ю рис. 1873 г. Цѣна 45 коп.

180.—**Мужественная защита укрѣпленія Ахты въ 1848 г.** (на Кавказѣ). Изд. 1873 г. Съ 5-ю рис. Цѣна 15 коп. сер.

203.—**Геройская защита 40 русскихъ** противъ 1,500 повстанцевъ въ дѣлѣ при дер. Сендзіовице, 14-го августа 1863 г. Изд. 1884 г. Съ 2 рис. Цѣна 12 коп.

315.—**Осада и штурмъ текинской крѣпости Геокъ-Тепе**. (Съ двумя планами). Изд. 1882 г. Цѣна 25 коп.

333. —**Сраженіе при Фершампенуазѣ** въ 1814 году. Изд. 1884 г. Ц. 5 к.

335.—**Шесть мѣсяцевъ на Шипкѣ**. Изд. 1884 г. Ц. 40 коп.

336.—**Взятіе Хивы** въ 1873 году. Изд. 1884 г. Ц. 25 коп.

340.—**Взятіе Парижа** въ 1814 г. Изд. 1884 г. Ц. 10 коп.

342.—**Нападеніе на Петропавловскій портъ** англо-французской эскадры въ 1854 году. Изд. 1884 г. Ц. 10 коп.

354.—**Сраженіе при Прейсишъ-Эйлау.** Изд. 1885 г. Ц. 5 коп.
360.—**Сраженіе подъ Фридландомъ** (съ планомъ). Изд. 1885 г. Ц. 8 коп.
365.—**Сраженіе подъ Кремсомъ** 30-го октября 1805 года (съ 2-мя планами). Изд. 1885 г. Цѣна 5 коп.
369.—**Сраженіе подъ Люценомъ** 20-го апрѣля 1813 г. (Съ планомъ). Изд. 1885 г. Цѣна 8 коп.
380.—**Побѣда Русскихъ надъ Афганцами на р. Кушкѣ,** 18-го марта 1885 г. Съ 6-ю рисунками. Цѣна 15 коп.
388.—**Ахалъ-текинская экспедиція** 1879 года (съ 9-ю рисунками). Изд. 1886 г. Цѣна 25 коп.
383.—**Сраженіе подъ Кульмомъ.** (Съ двумя планами). Цѣна 8 коп.
351.—**Подвигъ греческихъ охотниковъ на берегу Сулинскаго рукава** 26-го іюня 1854 г. (Съ рисункомъ). Изд. 1885 г. Цѣна 3 коп.
402.—**Подвигъ лейтенанта Ильина.** Изд. 1886 г. Ц. 5 коп.
403.—**Подвиги Русскихъ войскъ** въ войну 1808—1809 гг. въ Финляндіи. (Съ рисунк. и планомъ). Изд. 1886 г. Ц. 35 коп.
411.—**Рущукскій отрядъ Наслѣдника Цесаревича** въ турецкую войну 1877—78 гг. (Съ портретами, рисунками, картою и планами). Цѣна 2 руб., перес. за 2 фунта.
412.—**Воспоминанія Геллявердынца** о войнѣ 1877—1878 гг. (посвящается однополчанамъ). Печатается.
373.—**Бой л.-гв. Московскаго полка подъ Арабъ-Конакомъ** 21-го ноября 1877 г. (съ 2 рисунками). Изд. 1885 г. Цѣна 10 коп.
375.—**Воспоминанія стрѣлка.** *Разсказъ о походѣ л.-гв. 1-го Его Величества стрѣлковаго баталіона въ войну съ турками 1877—78 годовъ.* Посвящается боевымъ товарищамъ, стрѣлкамъ Его Величества. Съ 11-ю рисунками. Цѣна 75 коп.
384.—**Воспоминанія о походѣ 18-го пѣх. Вологодскаго полка въ Турцію** въ 1877—1878 гг. Посвящ. памяти старыхъ сослуживцевъ и боевыхъ товарищей Вологодскаго полка. Съ 12-ю рис. Цѣна 50 к.
165.—**Разсказы о военныхъ подвигахъ.** (36 разсказовъ), Съ 1 рис. 1872 г. Цѣна 20 коп.
258.—**Военные подвиги** частей войскъ и отдѣльныхъ лицъ, совершенные *во славу русскаго оружія*, въ турецкую войну 1877—1878 гг. Изд. 1878 г. Съ 16 рис. Цѣна 60 коп.
262.—**Доблести русскихъ войскъ.** *Посвящается новобранцамъ.* Изд. 18[illegible] Цѣна 10 коп.
327.—**Краткій очеркъ двухсотлѣтней службы л-гв. Преображенскаго п[illegible]** Съ 13-ю рис. Цѣна 40 коп.

2007099232